Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 18 • № 1 • 2026 • ЯНВАРЬ–МАРТ
DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1

https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.
Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокошин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, член Президиума РАН, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Александрия О.М. — кандидат политических наук, доцент, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Алексеева Т.А. — доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД РФ; заведующая кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Арсентьева И.И. — доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Бирюкова Н.А. — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ваславский Я.И. — доктор экономических наук, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД РФ; заведующий кафедрой информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Веселов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Конышев В.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Кротов М.И. — Действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лебедева М.М. — доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой мировых политических процессов факультета управления и политики МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Малкин С.Г. — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета, Самара, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Румянцев В.П. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия

Сергеев Е.Ю. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; профессор кафедры американских исследований факультета международных отношений Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, Москва, Россия; профессор кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, профессор РАН, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов, главный научный сотрудник отдела международных политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Технический редактор

Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 18 • No. 1 • WINTER • 2026

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1

https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Olga M. Aleksandriya — PhD (Political Science), Associate Professor, Dean of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Tatyana A. Alekseeva — Doctor of Sciences (Philosophy), PhD (History), Professor, Head of the Chair of Political Theory, School of Governance and Politics, MGIMO University; Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina I. Arsentyeva — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Nadezhda A. Biryukova — PhD (Political Science), Associate Professor, Deputy Dean for Research, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yan I. Vaslavskiy — Doctor of Sciences (Economics), PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Political Theory, School of Governance and Politics, MGIMO University; Head of the Chair of Information Support for Foreign Policy, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vasilii A. Veselov — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov

National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russia

Valerii N. Konyshev — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Mikhail I. Krotov — 3rd class Active State Councillor of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Chair of Foreign Policy of Russia and CIS Countries, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva — Doctor of Sciences (Political Science), PhD (Psychology), Head of the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Stanislav G. Malkin — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Chair of World History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the School of Diplomacy, MGIMO University; Chief Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir P. Rumyantsev — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of Oriental Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Evgeny Yu. Sergeev — Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science; Professor at the Chair for American Studies, School of International Relations, Russian State University for the Humanities; Professor at the Chair of World History, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; Professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, School of International Affairs, HSE University, Moscow, Russia; Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Group on Peace and Conflict Studies, Chief Research Fellow at the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

Technical Editor

Bogdan A. Avdeev

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» (1-й уровень), в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и список журналов Russian Science Citation Index (RSCI).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.
Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru
Подписано в печать 12.05.2026. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,5.
Уч.-изд. л. 12,2. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 13455. Заказ № .

Издательство Московского университета
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2026

LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL

ISSN 2076-7404 (Print) **QUARTERLY**
3034-1329 (Online)

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics
Phone: +7 495 939 52 71
E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru
Printing run copies. Open price

Publisher

Moscow University Press
119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11
E-mail: secretary@msupress.com
Web: https://msupress.com

Printed at

OOO 'Amirit'
88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

Санкционные исследования

Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований 9

Оганисян Л.Д. Санкции в дискурсе БРИКС 33

Тема в фокусе: современная Азия и контуры многополярного мирового порядка

Бабаев К.В. Азиатская стратегия России в современной геополитике и геоэкономике 62

Заклязьминская Е.О. Контуры постглобализма: американо-китайская конфронтация и кризис универсальных моделей 81

Кузнецов П.В. От деглобализации к конкурентному регионализму: АТР в контексте становления многополярного мирового порядка 111

Виноградов И.С. Ближний Восток во внешней политике КНР: подходы, укрепление позиций и региональные вызовы 154

Асмолов К.В. Внешнеполитический курс правительства Ли Чжэ Мёна: опыт сценарного прогнозирования 189

Научные обзоры и рецензии

Кокошин А.А. Об идеологии и политической практике современного Китая. *Размышления и комментарии к книге «Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая» (под ред. К.В. Бабаева)* 231

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

Sanctions Studies

Ananyev B.I. Sanctions Studies: More Than an Instrument — Less Than an Academic Field? 9

Oganisyan L.D. Sanctions in the BRICS Discourse 33

Focal Point: Contemporary Asia and the Contours of a Multipolar World Order

Babaev K.V. Russia's Asian Strategy in Contemporary Geopolitics and Geoeconomics 62

Zaklyazminskaya E.O. The Contours of Postglobalism: The U.S.–China Confrontation and the Crisis of Universal Models 81

Kuznetsov P.V. From Deglobalization to Competing Regionalism: Asia-Pacific Region in the Context of the Emerging Multipolar World Order 111

Vinogradov I.S. The Middle East in China's Foreign Policy: Approaches, Strengthening Positions, and Regional Challenges 154

Asmolov K.V. The Foreign Policy Course of the Lee Jae-Myung's Government: Challenges and Prospects 189

Review Essays and Book Reviews

Kokoshin A.A. On the Ideology and Political Practice of Contemporary China. *Book Review of 'Contemporary Chinese Ideology. Xi Jinping's Thought as the Foundation of China's Policy' (ed. by K.V. Babaev)* 231

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

САНКЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-9-32

Научная статья / Research paper

Б.И. Ананьев*

МЕНЬШЕ, ЧЕМ ШКОЛА, БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИНСТРУМЕНТ? К ВОПРОСУ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ САНКЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

Статья выстраивается вокруг дискуссионного вопроса о том, может ли изучение санкционной проблематики претендовать на статус самодостаточной предметной области политической науки либо его роль ограничивается набором сугубо инструментальных решений, не выходящих за пределы теорий среднего уровня. Для того чтобы дать на него ответ, автор систематизирует различные аргументы, составляющие основу опосредованной профессиональной дискуссии по теме. На примере англоязычного корпуса профильной литературы последовательно проанализированы лингвистические, теоретико-методологические и институциональные аспекты вопроса. Отдельно освещены особенности концептуализации рассматриваемого феномена в российском академическом сегменте. Автор заключает, что сильной стороной отечественного подхода является внимание к методологическому компоненту, в частности разработка ряда баз данных, адаптированных под специфику страновой санкционной повестки и призванных предоставить уникальный продукт, преодолевающий недостатки зарубежных аналогов. Автор приходит к выводу, что в России имеются предпосылки для формирования национальной школы санкционных исследований, однако в силу позднего старта и во многом реактивного характера рефлексии данной проблематики, вероятно, для

* *Ананьев Борис Игоревич* — старший преподаватель кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД России (e-mail: ananyevboris92@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9880-8830).

© Ананьев Б.И., 2026

этого потребуется определенное время. В целом по итогам проведенного анализа автор заключает, что экспертиза в области экономических санкций представляет собой самостоятельное направление, характеризующееся практической востребованностью и одновременно низким уровнем институционализации в условиях существующей архитектуры производства научного знания. Следовательно, предлагается легитимизировать синонимы «*sanctions studies*» / «санкционные исследования» в дискурсе по соответствующим вопросам.

Ключевые слова: теория международных отношений, политическая теория, санкции, экономические санкции, санкционные исследования, теория среднего уровня, методология

Для цитирования: Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 9–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-9-32.

Boris I. Ananyev

SANCTIONS STUDIES: MORE THAN AN INSTRUMENT — LESS THAN AN ACADEMIC FIELD?

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

The article addresses the disputed issue of whether sanctions studies constitute an independent research field within political science or whether their function is confined to a set of utilitarian solutions that do not transcend middle-range theories. The author summarizes the key arguments that form the basis of an indirect professional discussion on the topic. On the basis of the English-language body of specialized literature, the article covers the linguistic, theoretical-methodological, and institutional aspects of the issue. Special attention is paid to the conceptualization of sanction studies in the Russian academic discourse. The author notes that a key advantage of the Russian approach lies in its reliance on the methodological component, particularly the development of several databases adapted to the nuances of the national sanctions framework and aimed at producing a unique output that surpasses the limitations of foreign counterparts. The author argues that there is potential for the formation of a distinctive Russian school of sanctions studies; however, due to a late start and the largely reactive nature of reflections on this issue, it will not occur quickly.

The author concludes that expertise in the field of economic sanctions represents a distinct area of study, marked by practical relevance and a relatively low level of institutionalization within the established framework of academic research. Consequently, the article suggests legitimizing the 'sanctions studies' concept within the discourse on relevant issues.

Keywords: IR theory, political theory, sanctions, economic sanctions, sanctions studies, middle-range theory, methodology

About the author: *Boris I. Ananyev* — Senior Lecturer at the Department of Political Theory, School of Governance and Politics, MGIMO University (e-mail: ananyevboris92@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9880-8830).

For citation: Ananyev, B.I. (2026) 'Sanctions studies: more than an instrument — less than an academic field?', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 9–32. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-9-32. (In Russian.)

Введение и предварительные замечания

В 2000 г. известный специалист-общественник П. Валленстин подготовил материал «Столетие экономических санкций: обзор предметного поля» [Wallensteen, 2000], в котором предпринял попытку обобщить опыт применения этого инструмента во взаимодействиях на международной арене. При этом автор представил механизм достижения политических целей за счет подобных действий как самостоятельное явление, обладающее собственной внутренней логикой и закономерностями развития. Действительно, санкции представляют собой исторически укорененное средство реализации интересов государств на международной арене, которое прошло длительный путь эволюции от прерывания торговых контактов до так называемых вторичных ограничений, связанных с репрессивными мерами в отношении субъектов, не соблюдающих действующий санкционный режим; от односторонних действий до институционализации в рамках международного права под эгидой глобального актора уровня ООН[1]; от отсутствия в публичной политической риторике

[1] В период максимального разрастания санкционная экосистема ООН включала 14 режимов, действующих в области ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом и политического урегулирования внутренних и международных конфликтов. Для обеспечения функционирования режимов создается профильный комитет под руководством одного из непостоянных членов Совета Безопасности. Кроме того, вспомогательные (прежде всего мониторинговые) задачи для 10 из 14 групп выпол-

до упоминания в нобелевской речи Дж. Картера[2]. Иными словами, непосредственно в практическом плане санкции как вид несилового принуждения продемонстрировали значительный прогресс, что, как правило, находит подтверждение в оценках профильных экспертов.

В то же время их изучение как части теории международных отношений и — шире — политической науки в целом находится в двойственном положении: рефлексируемый феномен занимает важное место в текущей повестке, но его интеллектуальная орбита формируется с существенной инерцией[3]. Так, за период более или менее выраженного внимания совокупный объем работ по теме превысил порог эпизодического интереса, продемонстрировав значимость для профессионального сообщества, однако статус данных исследований остается неопределенным, что порождает заслуживающую внимания проблему. Будучи фактически востребованной, санкционная экспертиза не получила признания в качестве самостоятельной области научного поиска. В итоге целый пласт литературы оказывается в своего рода «серой зоне», выступая скорее в роли вспомогательной конструкции для развития мысли в сфере международного права или политической экономии. Это в свою очередь влечет за собой противоречие: наделять какой-либо элемент международной жизни чертами сущностной автономии и одновременно отказывать ему в эпистемологической самодостаточности по меньшей мере контрпродуктивно[4].

няют 9 групп по наблюдению. См.: Санкции Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information (дата обращения: 05.03.2026).

[2] См.: Jimmy Carter Nobel lecture // The Nobel Prize. 10.12.2002. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2002/carter/lecture/ (accessed: 05.03.2026).

[3] В этом смысле дисциплина демонстрирует сходство с исследованиями в области международной безопасности (*security studies*), которые периодически развиваются «от предмета», а не теории, как в ситуации с появлением ядерного оружия. Последнее стало для международников из гражданского сектора событием критической важности, породив необходимость осмыслить последствия в категориях высокой абстракции и теорий среднего уровня, а также развивать базовую аналитическую инфраструктуру с привлечением специалистов из естественных и военных наук (RAND Corporation) [Buzan, Hansen, 2009: 66].

[4] Наиболее заметным возражением на данный тезис, вероятно, будет указание на междисциплинарный характер исследований в области санкционной проблематики. Действительно, работа на данном направлении ведется с применением инструментов и категориального аппарата экономики, права, политической науки и некоторых более специфических областей (например, этики международных отношений).

Соответственно цель автора данной статьи — проанализировать существующие точки зрения на положение санкционных исследований в системе политической науки и представить авторский взгляд на возможное разрешение обозначенного противоречия.

Научная новизна предлагаемого материала обусловлена следующими обстоятельствами:

1) вопрос о гносеологической самостоятельности санкционной экспертизы впервые поднимается в русскоязычной академической среде;

2) автором агрегированы и отрефлексированы значимые для рассматриваемой ситуации аргументы и данные, ранее не фигурировавшие в рамках единого текста;

3) по итогам исследования предлагается ввести в научный оборот термины «санкционные исследования» и «*sanctions studies*», которые ранее полноценно не присутствовали в профессиональном словаре.

Однако, перед тем как перейти к движению в сторону поставленной цели, необходимо сформулировать несколько важных предварительных замечаний.

Прежде всего, само понятие «западной» науки[5] применительно к теме санкционной экспертизы можно употреблять только в от-

Однако это одновременное присутствие в академическом поле составляет скорее не синергию, а диссонанс: анализ источников и наблюдение за профессиональным сообществом показывают, что зачастую эксперты, рассуждая об одном и том же феномене, фактически не только говорят на разных языках, но и демонстрируют альтернативные онтологические установки. Например, понятие вторичных тарифов, которые с лета 2025 г. стали частью санкционной практики США, не будучи закрепленным в нормативном поле, вызывает закономерные вопросы и критику у отечественных юристов и одновременно находит понимание у международников, что снижает эффективность коммуникации и вместе с тем является аргументом в пользу движения в сторону унификации подходов в рамках отдельного самостоятельного направления научного поиска.

[5] Для представления полной картины происходящего в рассматриваемой области знания необходимо обратить внимание на появление в последние годы так называемых незападных санкционных исследований (по аналогии с незападной политической наукой) в странах с соответствующим историческим прошлым либо активно вовлеченных в текущую санкционную повестку, прежде всего на пространстве БРИКС (Китай, Индия, ЮАР и др.). Среди основных форматов — экспертные материалы [Chen, Garcia, 2016] и деятельность аналитических центров (см., например: Chongyang Institute for Financial Studies. Renmin University of China. URL: http://rdcy.ruc.edu.cn/yw/HOME/index.htm (accessed: 05.03.2026)). Однако в силу существенной языковой разрозненности, сложностей с получением информации из открытых источников и преимущественно точечным прикладным характером проводимой ими работы в данной статье они предметно не разбираются.

носительно-инструментальном значении ввиду отсутствия консолидированной традиции как таковой; вероятно, речь может идти о параллельном развитии нескольких страновых исследовательских треков. В частности, американский подход, подразумевающий значительное внимание к теоретическим аспектам выстраивания санкционных коалиций ad hoc, отличается, например, от скандинавского, который преимущественно ориентирован на совершенствование концептуальных моделей сдерживающих механизмов через привлечение ООН[6]. В свою очередь выявить объединяющий признак для большинства европейских авторов затруднительно в принципе, поскольку зафиксировать устойчивые корреляции не представляется возможным по нескольким причинам.

Во-первых, несмотря на совокупный объем накопленных источников (даже если принимать за точку отсчета рефлексию первого эпизода применения санкций со стороны Совета Безопасности ООН против Южной Родезии в 1966 г., то история вопроса насчитывает уже более полувека), попытка учесть национальный фактор не даст репрезентативных результатов. Так, в отношении Италии полученная выборка, по оптимистичным оценкам, будет включать не больше десятка фамилий с хедлайнером в лице Ф. Джумелли [Giumelli, 2010, 2011, 2013], что явно недостаточно для фундированных выводов[7].

[6] Речь идет о группе авторов, объединенных вокруг Университета Упсала, а также Института исследований мира в Осло, которые в 1960-е гг. внесли значимый вклад в методологический компонент дисциплины, — Й. Хоффмане, П. Валленстине и Й. Галтунге и др.

[7] При рассмотрении страновых треков в случае с европейскими авторами неизбежно возникает вопрос разбора источников на национальных языках. В общем виде ответ на него может быть дан следующим образом: определенный корпус не англоязычной европейской литературы по санкционной проблематике действительно существует и может стать темой отдельного самостоятельного исследования. Однако в данном материале не представлен его подробный анализ по следующим причинам. Во-первых, в сравнительной перспективе общий объем таких текстов невелик; у приводимого в качестве примера Ф. Джумелли можно обнаружить только 2 из более чем 20 работ, выполненных на итальянском языке [Giumelli, 2012, 2023], что можно считать репрезентативным показателем. Во-вторых, в них не содержатся значимые для дисциплины теоретико-методологические находки: как правило, это адаптация ключевых англоязычных авторских текстов для более узкой читательской аудитории. В-третьих, даже в случаях использования национального языка авторы преимущественно ссылаются на англоязычные источники, что делает последние предпочтительными для осмысления.

Во-вторых, в рамках рассматриваемого направления зачастую действуют смешанные исследовательские коллективы, такие как группа под руководством Н. Бапата [Bapat et al., 2013], что объективно осложняет возможность вычленить вклад конкретного участника и в дальнейшем провести соответствующие обобщения. Кроме того, распространены ситуации, когда происхождение ученого не соответствует аффилиации с академическим либо исследовательским центром. Упомянутый скандинавский подход может позиционироваться в данном качестве с определенной долей условности на основании устойчивых профессиональных связей (включая публикационную активность) ряда экспертов с двумя университетами Норвегии и Швеции. Однако подобная практика представляет собой скорее исключение.

Таким образом, для удобства использования в случаях, когда национальная принадлежность автора не имеет принципиального значения, сочетание «западная наука» может выступать синонимом англоязычного корпуса текстов.

Наконец, стоит остановиться на российском кейсе санкционных исследований, поскольку в силу следующих факторов его имеет смысл рассматривать отдельно от западной традиции.

1. Несмотря на исторически ранний старт (о чем более подробно будет сказано в соответствующем разделе), российская санкционная экспертиза — молодое направление, выросшее из реальной практической необходимости, которая возникла вследствие так называемого санкционного цунами 2014 г., а не абстрактного научного интереса. При этом с учетом неизбежной инерции (т. е. времени, требуемого для осмысления интересующего феномена) б*о*льшая часть работ начала выходить примерно с 2017–2018 гг. Однако за столь скромный по меркам социально-гуманитарной области временной отрезок объем и вариативность форматов опубликованных текстов превысили уровень эпизодического внимания к теме[8].

2. Параллельно с курсом на экономическую суверенизацию в зарождающихся российских санкционных исследованиях также была предпринята попытка своего рода интеллектуального импортозамещения, подкрепленная как институциональными усилиями (среди прочего — создание в структуре Института международных исследований МГИМО МИД России Центра экспертизы санкцион-

[8] Речь идет о таких форматах, как экспертный комментарий, аналитический доклад, научная статья, монография, хрестоматия, учебно-методические материалы.

ной политики), так и оригинальными теоретико-методологическими находками (в частности, выявление по итогам дискурс- и контент-анализа нормативных документов принципиально новых модальностей глобальной санкционной политики [Арапова, 2023]).

3. Национальный подход отличается стремлением «приземлить» полученный опыт, внедрив собственные наработки в дидактический процесс. Так, на базе ряда вузов (в том числе МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГЮА им. О.Е. Кутафина) реализуются специализированные учебные дисциплины и курсы профессиональной переподготовки по теме комплаенс, ориентированные на специфику существующей санкционной конъюнктуры.

4. В отличие от разобранных примеров, отечественная исследовательская практика лингвистически гомогенна. За некоторыми немногочисленными исключениями [Vaslavskiy et al., 2019], это прежде всего русскоязычные публикации для русскоязычной аудитории, что косвенно подтверждается показателями цитирования[9]. Следовательно, можно сказать, что речь идет о довольно замкнутой системе производства и распространения знания.

Содержание дискуссии и аргументы сторон

Если обращаться к англоязычной исследовательской практике, то, как правило, лингвистическим маркером наличия специфической выделенной области являются термины «*studies*» и «*research*», используемые как для описания непосредственно объекта (например, *security studies*, *climate studies*, *maritime and naval studies*, *migration research* и т. д.), так и в названии соответствующих структур (Centre for War Studies[10], Center for Strategic and International Studies[11], Center for Nonproliferation Studies[12] и др.). В то же время выражение «*sanctions*

[9] Наукометрический анализ, проведенный на основе платформы «elibrary.ru», показал, что на шесть русскоязычных публикаций в периодических научных изданиях, которые упоминаются в данной статье [Ананьев, 2019; Арапова, 2023; Соломин, 2023; Тимофеев, 2023a, 2023b; Энтин и др., 2024], приходится 97 цитирований, из которых только четыре — это англоязычные материалы иностранных авторов либо отечественных исследователей, ориентированные на зарубежную аудиторию.

[10] Centre for War Studies // University of Hull. URL: https://www.hull.ac.uk/work-with-us/research/groups/centre-for-war-studies (accessed: 05.03.2026).

[11] Center for Strategic and International Studies. URL: https://www.csis.org/ (accessed: 05.03.2026).

[12] James Martin Center for Nonproliferation Studies. URL: https://nonproliferation.org/ (accessed: 05.03.2026).

studies» (наиболее очевидный прямой аналог) не только не считается общеупотребительным в англоязычной литературе, но и практически не используется, а применяемые конструкции указывают скорее на инструментально ориентированное восприятие предмета. Это можно проследить на примере массива экспертных и методических материалов, в частности: «Research handbook on economic sanctions» [Research handbook on economic sanctions, 2021], «Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions» [Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions, 2021], «United Nations sanctions and the rule of law» [Farrall, 2007], «UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats» [Charron, 2011], «Economic sanctions in international law and practice» [Economic sanctions in international law and practice, 2020] и др.

Помимо особенностей словоупотребления в качестве аргумента отмечается фрагментарность освещения санкций как обособленного феномена в работах по теории международных отношений [Martin, 1993; Тимофеев, 2023b][13]. Возможно, это связано с изначально ограниченным объяснительным потенциалом больших парадигм [Ананьев, 2019], что находит подтверждение в некоторых источниках:

- «Теории эффективности санкций так и не стали частью более общей теории международных отношений. То же можно сказать и о политической теории в целом. На то были свои причины. Фундаментальная теория мало что давала прикладным исследованиям политики санкций — дистанция между общими категориями и конкретными прикладными проблемами оказывалась слишком большой. Кроме того, последние 30 лет, на которые и пришелся расцвет исследований санкций, характеризовались относительно стабильной международной средой [Тимофеев, 2023b: 105]»;
- «Существующая теоретическая литература довольно противоречиво и рассогласованно подходит к оценке влияния позитивных либо комбинированных санкций на ход международных конфликтов. Исследования, сосредоточенные вокруг внутрипо-

[13] Так, даже в экономикоцентричной парадигме комплексной взаимозависимости они, несмотря на имплицитное присутствие в общей линии рассуждений, концептуализированы достаточно поверхностно; механика и движущие силы, внутренняя логика и институциональные рамки практически не раскрываются как самостоятельный структурный компонент внешнеполитической деятельности. Парадоксально, но в теоретическом плане большее внимание санкциям уделяет классик раннего политического реализма Э. Карр [Carr, 1946].

литических факторов, рассматривают позитивные и негативные санкции как логически неразличимые в рамках игры с нулевой суммой в отношении выгод и потерь. В то же время в работах, построенных на анализе взаимоотношений конфликтующих сторон, иногда признается разница между кнутом и пряником, но они не дают никакого представления об особенностях комбинированных санкционных стратегий» [Jaeger, 2018: 20].

Таким образом, при рассмотрении обозначенных положений может возникнуть впечатление, что санкции в англоязычном дискурсе не выходят за рамки в лучшем случае теорий среднего уровня, а потребность в их осмыслении в категориях оригинальной области научного поиска не относится к приоритетным.

Вместе с тем было бы безосновательно утверждать, что в западной науке не сложилось преемственности и стройности в изучении санкционной проблематики и это не позволяет ей претендовать на академическую субъектность.

Во-первых, при знакомстве с корпусом профильной литературы можно обнаружить сквозной уникальный категориально-понятийный аппарат, который — что немаловажно — отражает эволюцию взглядов экспертного сообщества. Например, введенное Г. Хуфбауэром в 1983 г. и впоследствии ставшее общеупотребительным понятие «черных рыцарей» — государств, способствующих обходу ограничений подсанкционными режимами [Hufbauer, Shott, 1983], — уходит корнями в полемику 1920-х гг. относительно возможностей санкционной архитектуры Лиги Наций [Mitrany, 1926]. Фактически речь идет о более чем полувековой интеллектуальной динамике, что является весомым аргументом в пользу наличия соответствующей исследовательской традиции. Аналогичное верно и в отношении так называемого парадокса Дрезнера — концепции, опровергающей линейную зависимость между жесткостью ограничений, ориентированных на политические изменения в стране-мишени, и перспективами их успеха [см. подробнее: Drezner, 1999]. Так, вопрос о целесообразности применения механизмов экономического сдерживания для достижения политически мотивированных целей поднимался уже в 1960-е гг.; в частности, американский юрист-международник Г.Дж. Таубенфельд, внедривший в дисциплину методику кейс-стади, отмечал следующее: «Поскольку для большинства государств существует альтернатива в виде развития в русле реалистской парадигмы, политические игры с мировой торговлей

или однонаправленной помощью — это опасная, саморазрушительная партия для сторонников открытого мира. <…> Таким образом, внешнее экономическое давление определенно менее перспективно в случае жестко-централизованных, чем демократических режимов. <…> Наиболее очевидный вывод заключается в следующем: союзники США с высокой степенью зависимости от Вашингтона (особенно если их политические институты выстроены по западному дизайну) — лучшие кандидаты для экономических санкций в случае соответствующего решения коллективного Запада. <…> В то же время зависимые от СССР страны с плановой экономикой попросту менее уязвимы» [Taubenfeld H., Taubenfeld R., 1964: 193–194]. Как и в предыдущем примере, здесь прослеживается последовательное движение в теоретико-методологической плоскости, которое получило свой современный вид в результате задействования элементов игрового моделирования[14].

Однако важно заметить, что характер научного поиска на данном направлении в целом не отличается равномерным поступательным приращением знания, а скорее выстраивается вокруг знаковых системообразующих работ и последующих дискуссий относительно их методологии, содержания и выводов. В частности, уже упоминавшийся программный материал «Economic sanctions reconsidered: history and current policy», с одной стороны, стал органичным продолжением ранее начатых обсуждений эффективности санкций; с другой стороны, положил начало новой волны рефлексии по теме. Схематично этот цикл можно представить следующим образом: «Economic sanctions» (1981) [Renwick, 1981] — «Economic sanctions in support of foreign policy goals» (1983) [Hufbauer, Shott, 1983] — «Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics» (1983) [Dilemmas of economic coercion…, 1983] — «Economic sanctions reconsidered: history and current policy» (1985) [Hufbauer et al., 1985] — «International sanctions in theory and practice» (1987) [Doxey, 1987] — «Why economic sanctions do not work?» (1997) [Pape, 1997] — «Why economic sanctions still do not work» (1998) [Pape, 1998] — «The sanctions paradox: economic statecraft and international relations» (1999) [Drezner, 1999]. Другим примером может служить серия публикаций 1960-х гг., посвящен-

[14] Внедрение компонентов теоретико-игрового моделирования в виде не только ранее распространенного анализа кейсов, но и ожиданий участников потенциального конфликта, который будет сопровождаться введением санкций, стало важной методологической находкой Д. Дрезнера [Drezner, 1999].

ная совершенствованию процедуры анализа кейсов, а именно: «The economic weapon: the League and the United Nations» (1964) [Taubenfeld H., Taubenfeld R., 1964] — «The functions of economic sanctions: a comparative analysis» (1967) [Hoffmann, 1967] — «On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia» (1967) [Galtung, 1967] — «Characteristics of economic sanctions» (1968) [Wallensteen, 1968].

Во-вторых, при оценке ситуации рационально, на наш взгляд, ориентироваться и на косвенные показатели, например широту представленности темы на ведущих специализированных площадках. Если обратиться к архивным материалам старейшей и одной из самых влиятельных профильных организаций — Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA), которая объединяет более 7000 специалистов в области международных отношений, то можно обнаружить, что в рамках ее ежегодных Конвентов за период с 2009 по 2024 г. (выборка обусловлена наличием программ в открытом доступе) состоялось по меньшей мере 86 панелей и круглых столов, связанных с санкционной проблематикой[15]. При этом сравнительный анализ показывает, что события 2014 г. не оказали существенного влияния на их количество: начиная с 2015 г. можно наблюдать постепенный рост, однако медианные значения до и после оставались в целом сопоставимыми (табл. 1, табл. 2).

Данные мероприятия попадают в широкий спектр направлений — от безопасности и политической экономии до новых трендов в изучении внешней политики, что одновременно говорит об их высокой востребованности и междисциплинарном характере (табл. 3).

Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие явного стремления скоординировать усилия и определить общие рамки, которые могли бы стать основой для создания специализированной области политической науки. Другими словами, в профессиональном сообществе санкции пока что не воспринимаются как феномен, претендующий на центральное место в отдельном направлении рефлексии международной повестки. Основные идеи раздела систематизированы в табл. 4.

[15] При работе с программами Конвентов ключевыми словами для поиска были фигурировавшие в темах мероприятий термины «sanctions», «economic coercion» и «boycotts». См.: Past ISA conferences and programs // International Studies Association. URL: https://www.isanet.org/Conferences/Archive (accessed: 05.03.2026).

Таблица 1

Мероприятия по санкционной проблематике на Конвентах Ассоциации международных исследований (2009–2013)

Год	Количество	Формат	Год	Количество	Формат
2009 *Нью-Йорк*	4	3 панели 1 круглый стол *21 доклад*	2012 *Сан-Диего*	3	3 панели *22 доклада*
2010 *Новый Орлеан*	6	5 панелей 1 круглый стол *27 докладов*	2013 *Сан-Франциско*	6	2 панели 1 круглый стол *13 докладов*
2011 *Монреаль*	3	3 панели *19 докладов*			

Источник: составлено автором на основе: Past ISA conferences and programs[16].

Таблица 2

Мероприятия по санкционной проблематике на Конвентах Ассоциации международных исследований (2014–2024)

Год	Количество	Формат	Год	Количество	Формат
2014 *Торонто*	4	3 панели 1 круглый стол *20 докладов*	2020 *Гонолулу*	Отменен по причине коронавирусных ограничений	
2015 *Новый Орлеан*	4	4 панели *24 доклада*	2021 *Онлайн-формат*	7	5 панелей 2 круглый стол *41 доклад*
2016 *Атланта*	9	8 панелей 1 круглый стол *41 доклад*	2022 *Нэшвилл*	11	10 панелей 1 круглый стол *47 докладов*
2017 *Балтимор*	5	5 панелей *33 доклада*	2023 *Монреаль*	5	4 панелей 1 круглый стол *29 докладов*
2018 *Сан-Франциско*	6	6 панелей *34 доклада*	2024 *Сан-Франциско*	4	1 панелей 3 круглый стол *33 доклада*
2019 *Торонто*	6	6 панелей *33 доклада*			

Источник: составлено автором на основе: Past ISA conferences and programs[17].

[16] Ibidem.
[17] Ibidem.

Таблица 3

Тематические направления мероприятий по санкционной проблематике на Конвентах Ассоциации международных исследований (2009–2024)

Формат	Направление
Панель	Исследования внешней политики (Foreign policy analysis) Международная политическая экономия (International political eeconomy) Международная политическая социология (International political sociology) Международное право (International law) Исследования в области безопасности (Security studies) Исследования мира (Peace studies) Международные организации (International organizations) Сравнительные междисциплинарные исследования (Comparative interdisciplinary studies) Естественно-научные исследования международных процессов (Scientific study of international processes) Исследования в области дипломатии (Diplomatic studies) Исследования в области прав человека (Human rights) Посткоммунистические политические системы (Post-communist systems) Этические вопросы международных отношений (International ethics) Теория феминизма и гендерные исследования (Feminist theory and gender studies)
Круглый стол	Исследования внешней политики (Foreign policy analysis) Международная политическая экономия (International political eeconomy) Международные организации (International organizations) Этические вопросы международных отношений (International ethics)

Источник: составлено автором на основе: Past ISA conferences and programs[18].

Таблица 4

Санкционные исследования как самостоятельная область в предметном поле политической науки

Аргументы «за»	Аргументы «против»
Наличие специфического категориально-понятийного аппарата	Отсутствие традиционных лингвистических маркеров
Академическая преемственность, в том числе в форме экспертных дискуссий в профильной литературе	Низкий уровень институционализации; разрозненность национальных подходов
Высокая актуальность и востребованность в профессиональной среде; запрос на расширение теоретических наработок по теме	Отсутствие саморефлексии в статусе сложившейся субдисциплины

Источник: составлено автором.

[18] Ibidem.

Российская санкционная экспертиза: на пути к становлению национальной школы?

Специфика отечественного подхода к разработке концепции экономических ограничений обусловлена следующими важными вводными.

Во-первых, этот подход в целом можно охарактеризовать как реактивный, т. е. сформировавшийся в силу необходимости отреагировать на международно-политический контекст, сложившийся в результате первого «санкционного цунами» 2013–2014 гг. При этом существуют и заслуживающие внимания исключения, которые, однако, скорее подтверждают правило. Например, в 1936 г. СССР представил собственный взгляд на противодействие международной агрессии в рамках Лиги Наций, воплощенный в одноименной монографии Д. Борисова «Санкции» [Борисов, 1936]. Безусловно, оценивать ее необходимо прежде всего с учетом преобладания соответствующей идеологической рамки, но и игнорировать ее представляется нецелесообразным. Само присутствие в повестке говорит о том, что Москва внимательно следила за актуальными международными трендами: к моменту признания со стороны ведущих государств Советская Россия уже сталкивалась с массовым применением санкций против внешнеторговой деятельности[19], следовательно, накопленный опыт позволял ей предметно и легитимно высказать позицию. Наконец, в основу анализа был положен принцип рассмотрения политических мотивов использования рестрикций. Указанный принцип в возрожденном виде широко применяется в отечественной академической среде. Тем не менее текст Д. Борисова не вышел за рамки единичного исследования; в период массового применения как односторонних, так и санкционированных ООН ограничений в 1950–2000-е гг. интерес к теме фактически угас. Более того, даже постепенное, но устойчивое возвращение Вашингтона к политике экономического сдерживания России (только в период с 1992 по 2008 г. США как минимум

[19] Так, в результате блокады со стороны Верховного совета Антанты и присоединившейся к ней по итогам Версальского договора Германии торговый оборот РСФСР за год снизился практически в 35 раз: с 88,9 млн руб. в 1918 г. до 2,6 млн руб. в 1919 г. См.: Санкции Запада против СССР. Досье // ТАСС. 10.03.2016. URL: https://tass.ru/info/2728444?ysclid=mkgtuoumgv820570955 (дата обращения: 05.03.2026).

12 раз прибегали к подобным мерам[20]) не стало катализатором увеличения корпуса профильной литературы, а реальный рост количества публикаций пришелся на отрезок после 2017–2018 гг. Таким образом, принимая во внимание поздний старт, сложно говорить о самостоятельной полноценной традиции, потребность в которой, между тем, ощущается достаточно остро: «С учетом того, что Россия находится в эпицентре современной политики санкций, перед отечественной наукой встает как задача проведения профессиональных эмпирических исследований, так и необходимость их теоретических обобщений с выходом за пределы теорий среднего уровня» [Тимофеев, 2023b: 116].

Во-вторых, поскольку к моменту активизации российских авторов категориально-понятийный аппарат, а также общие особенности соответствующего дискурса уже оформились хронологически, произошло их закономерное заимствование. Следовательно, специалисты практически не используют языковые средства, характеризующие их деятельность как интеллектуально самодостаточную область. Среди приверженцев альтернативного стиля организации аналитического процесса выделяется И. Тимофеев, сосредоточивший усилия не только на «классическом» разборе кейсов, но и на поиске онтологических основ санкционной политики [Тимофеев, 2023a, 2023b]. Что касается оригинальных концептуальных решений, стоит отметить М. Братерского, который еще в 2010 г. сформулировал несколько нестандартных эвристически ценных выводов: «Другое важное свойство экономических санкций состоит в том, что они лишь инструмент внешней политики, но никогда не становятся ее воплощением. Это соображение очень существенно при оценке эффективности санкций: санкции как таковые могут возыметь тот или иной эффект, однако оценивать следует эффективность не санкций, а политики, частью которой они являются. Утверждения о неэффективности экономических санкций, часто встречающиеся в литературе и политических заявлениях, сами по себе не имеют смысла, так как их авторы часто путают оценки инструментальной эффективности санкций с оценками эффективности той или иной политики. <…> На деле применение санкций

[20] При этом, как правило, данные санкции вводились на ограниченный срок и по его истечении снимались в соответствии с установленной процедурой. См.: Санкции США в отношении российских компаний в 1992–2008 гг. Справка // РИА Новости. 24.10.2008. URL: https://ria.ru/20081024/153760143.html (дата обращения: 05.03.2026).

часто преследует больше внешнеполитических целей, чем объявлено официально, и порой заявленная цель введения санкций отнюдь не главная» [Братерский, 2010: 101–102]. И несмотря на то что намеченная линия не получила прямого развития в виде последующего планомерного выстраивания вокруг нее системы, претендующей на статус школы, вероятно, такой сценарий может быть реализован.

В-третьих, задачи, стоящие перед Москвой в области санкционной повестки, в силу объективных обстоятельств носят прежде всего прагматичный характер в виде внедрения стратегии адаптации к существующим и потенциальным ограничениям. В этом смысле развитие, выходящее за пределы теорий среднего уровня и, следовательно, требующее большего объема ресурсов, может восприниматься избыточным, поскольку вопросы, составляющие изначально академический интерес, как правило, закономерно отходят на второй план. Аналогичным образом объясняется в целом относительно небольшое число отечественных работ теоретико-методологического плана; впрочем, здесь прослеживается хоть и не резкая, но положительная динамика [Ананьев, 2019; Арапова, 2023; Корольков и др., 2022; Энтин и др., 2024].

Совокупность рассмотренных аргументов позволяет предположить, что возможное становление российской традиции санкционных исследований с характерными дискурсивными и инструментальными признаками является в значительной степени вопросом времени. В пользу этого утверждения также свидетельствуют постепенное формирование инструментария, направленного на концептуализацию специфики отечественной санкционной политики, и преодоление ограничений, выявленных при анализе уже существующих методологических решений[21]. В первую очередь это разноформатные базы данных, в частности:

- «B2B софт X-Compliance» от группы «Интерфакс», позволяющая производить поиск подсанкционных лиц и связанных с ними

[21] В частности, крупная международная база данных TIES (Threat and Imposition of Economic Sanctions), в основе которой лежит регрессионный анализ, с одной стороны, позволяет тестировать исследовательские гипотезы, в том числе при оценке ущерба от классических и «умных» санкций, а с другой — демонстрирует чрезмерную чувствительность к изменению комбинации вводных и переменных [Clifton Morgan et al., 2014].

активов, отслеживать новости по теме и динамику изменения ситуации[22];

- коммерческий продукт Российского совета по международным делам (База данных санкционных событий), фиксирующий отдельные эпизоды введения ограничений и специфику их имплементации [Тимофеев, 2023а];
- портал «SanstionsRuBase+», созданный представителями факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. На портале размещены базы «Мониторинг конфискации российских активов и доходов от российских активов» и «Санкционные ограничения в отношении физических и юридических лиц», а также информация по актуальной повестке[23].

Таким образом, национальное экспертное сообщество может двигаться в сторону школы по принципу «матрешки» [Тимофеев, 2023а: 31], т. е. преимущественно индуктивно за счет драйвера в виде эмпирического компонента и последующей надстройки теоретического аппарата, который в свою очередь тестируется на дальнейших кейсах.

* * *

В данном материале были рассмотрены вопросы, образующие полемику относительно возможности классифицировать изучение санкционной проблематики в качестве самостоятельного направления в рамках предметного поля политической науки. На основе изложенных доводов можно прийти к следующим заключениям. Ряд признаков позволяют утверждать, что, несмотря на отсутствие некоторых формальных лингвистических и организационных составляющих, правомерно вести речь о стабильной интеллектуальной практике.

Во-первых, недостаток оригинальных методологических приемов частично компенсируется уникальным понятийно-категориальным аппаратом, который является отражением развития взглядов на природу и механику применения экономических ограничений в XX в. Во-вторых, при работе с корпусом англоязычной литературы можно проследить черты инструментальной преемственности и эволюции, а также наличие развернутых циклов прямого и опосредованного

[22] X-Compliance // Информационная группа «Интерфакс». URL: https://x-compliance.ru/?ysclid=mkjnbxh1ih69281222 (дата обращения: 05.03.2026).

[23] База данных антироссийских санкций SanctionsRuBase+. URL: https://sanctionsbase.hse.ru:8443/home (дата обращения: 05.03.2026).

экспертного диалога по ключевым аспектам санкционной повестки. В-третьих, к положительным индикаторам относится устойчивый системный интерес к теме на уровне профильных организаций, объединяющих международников.

Таким образом, предмет обсуждения характеризуется востребованностью и одновременно низким уровнем институционализации в условиях существующей архитектуры производства научного знания. Следовательно, в дальнейшем предлагается ввести в оборот и использовать синонимы «*sanctions studies*» / «санкционные исследования» как легитимный элемент экспертной риторики по соответствующим вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 136–150. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-07.

2. Арапова Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 37–51. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51.

3. Борисов Д. Санкции. М.: Соцэкгиз, 1936.

4. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.

5. Корольков В.Е., Смирнова И.А., Ерофеева Т.А. Политика санкций как инструмент современных международных отношений. М.: Прометей, 2022.

6. Соломин А.С. Санкции как политический инструмент: анализ феномена санкций с точки зрения международных отношений // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 12 (100). С. 6625–6635. DOI: 10.35775/PSI.2023.100.12.037.

7. Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 22–36. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36.

8. Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 103–119. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.08.

9. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 7–20. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.02.

10. Bapat N., Heinrich T., Kobayashi Y., Clifton Morgan T. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data // International Interactions. 2013. Vol. 39, No. 1. P. 79–98. DOI: 10.1080/03050629.2013.751298.

11. Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

12. Carr E.H. The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations. 2nd ed. London: MacMillan&Co Ltd., 1946.

13. Charron A. UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats. London: Routledge, 2011.

14. Chen X., Garcia R.J. Economic sanctions and trade diplomacy: sanction-busting strategies, market distortion and efficacy of China's restrictions on Norwegian salmon imports // China Information. 2016. Vol. 30, No. 1. P. 29–57. DOI: 10.1177/0920203X15625061.

15. Clifton Morgan T., Bapat N., Kobayashi Y. The threat and imposition of sanctions: updating the TIES dataset // Conflict Management and Peace Science. 2014. Vol. 31, No. 5. P. 541–558. DOI: 10.1177/0738894213520.

16. Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics / ed. by M. Nincic, P. Wallensteen. New York: Praeger Publishers, 1983.

17. Doxey M.P. International sanctions in contemporary perspective. Basingstoke: Macmillan Press, 1987.

18. Drezner D.W. The sanctions paradox: economic statecraft and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

19. Economic sanctions in international law and practice / ed. by M. Asada. London: Routledge, 2020.

20. Farrall J. United Nations sanctions and the rule of law. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

21. Galtung J. On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19, No. 3. P. 378–416. DOI: https://doi.org/10.2307/2009785.

22. Giumelli F. Coercing, constraining, signalling. Explaining UN and EU sanctions after the Cold War. Colchester: ECPR Press, 2011.

23. Giumelli F. Da sanzioni comprensive a sanzioni mirate. L'evoluzione di uno strumento fondamentale di politica estera // La politica internazionale in transizione / ed. by F. Andreatta, L. Zambernardi. Bologna: Il Mulino, 2012. P. 399–420.

24. Giumelli F. Le sanzioni internazionali: storia, obiettivi ed efficacia. Bologna: Il Mulino, 2023.

25. Giumelli F. The restrictive measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions // The International Spectator. 2010. Vol. 45, No. 3. P. 131–144. DOI: 10.1080/03932729.2010.504629.

26. Giumelli F. The success of sanctions: lessons learned from the EU experience. London: Routledge, 2013.

27. Hoffmann F. The functions of economic sanctions: a comparative analysis // Journal of Peace Research. 1967. Vol. 4, No. 2. P. 140–159.

28. Hufbauer G.C., Shott J.J. Economic sanctions in support of foreign policy goals. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1983.

29. Hufbauer G.C., Shott J.J., Elliott K.A. Economic sanctions reconsidered. History and current policy. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1985.

30. Jaeger M.D. Coercive sanctions and international conflicts. A sociological theory. London: Routledge, 2018.

31. Martin L.L. Credibility, costs and institutions: cooperation on economic sanctions // World Politics. 1993. Vol. 45, No. 3. P. 406–432. DOI: 10.2307/2950724.

32. Mitrany D. Le problème des sanctions internationales. Paris: Centre Européen de la Dotation Carnegie, 1926.

33. Pape R.A. Why economic sanctions do not work // International Security. 1997. Vol. 22, No. 2. P. 90–136. DOI: 10.2307/2539368.

34. Pape R.A. Why economic sanctions still do not work // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 66–77. DOI: 10.2307/2539263.

35. Renwick R. Economic sanctions. Cambridge: Center for International Affairs, Harvard University, 1981.

36. Research handbook on economic sanctions / ed. by P.A.G. van Bergeijk. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021.

37. Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions / ed. by C. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021.

38. Taubenfeld H.J., Taubenfeld R. The economic weapon: the League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969). 1964. Vol. 58. P. 183–205.

39. Vaslavskiy Y., Ananyev B., Sergi B. The impact of international sanctions on Russia's sustainable development // Exploring the future of Russia's economy and markets: towards sustainable economic development / ed. by B.S. Sergi. Bingley: Emerald Publishing Ltd., 2019. P. 201–218.

40. Wallensteen P. A century of economic sanctions: a field revisited // Uppsala Peace Research Papers. 2000. No. 1. P. 1–23.

41. Wallensteen P. Characteristics of economic sanctions // Journal of Peace Research. 1968. Vol. 5, No. 3. P. 248–267. DOI: 10.1177/002234336800500303.

REFERENCES

1. Ananyev, B.I. (2019) 'Sanktsii v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: metodologicheskie protivorechiya i problemy interpretatsii' [Sanctions in IR: understanding, defining, studying], *International Organisations Research Journal*,

14(3), pp. 136–150. Available at: https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07. (In Russian.)

2. Arapova, E.Ya. (2023) 'Novye modal'nosti global'noi sanktsionnoi politiki' [New modalities of the global sanctions policy], *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 37–51. Available at: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51. (In Russian.)

3. Borisov, D. (1936) *Sanktsii* [Sanctions]. Moscow: Sotsekgiz Publ. (In Russian.)

4. Braterskii, M.V. (2010) *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski* [Economic instruments of foreign policy and political risks]. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russian.)

5. Korol'kov, V.E., Smirnova, I.A. and Erofeeva, T.A. (2022) *Politika sanktsii kak instrument sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [The policy of sanctions as an instrument of contemporary international relations]. Moscow: Prometei Publ. (In Russian.)

6. Solomin, A.S. (2023) 'Sanktsii kak politicheskii instrument: analiz fenomena sanktsii s tochki zreniya mezhdunarodnykh otnoshenii' [Sanctions as a political instrument: analysis of the phenomenon of sanctions from the point of international relations], *Political Science Issues*, 13(12), pp. 6625–6635. Available at: https://doi.org/10.35775/PSI.2023.100.12.037. (In Russian.)

7. Timofeev, I.N. (2023a) 'Kak issledovat' politiku sanktsii? Strategiya empiricheskogo issledovaniya' [How to study the policy of sanctions? The vision of empirical research], *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 22–36. Available at: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36. (In Russian.)

8. Timofeev, I.N. (2023b) 'Politika sanktsii v menyayushchemsya mire: teoreticheskaya refleksiya' [Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection], *Polis. Political Studies*, (2), pp. 103–119. Available at: https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08. (In Russian.)

9. Entin, M.L., Entina, E.G., Davranova, S.B. and Nadzharov, A.M. (2024) 'Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya sanktsionnoi politiki Zapada' [Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research], *Polis. Political Studies*, (1), pp. 7–20. Available at: https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02. (In Russian.)

10. Bapat, N., Heinrich, T., Kobayashi, Y. and Clifton Morgan, T. (2013) 'Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data', *International Interactions*, 39(1), pp. 79–98. Available at: https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298.

11. Buzan, B. and Hansen, L. (2009) *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press.

12. Carr, E.H. (1946) *The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. 2nd edn. London: MacMillan&Co Ltd.

13. Charron, A. (2011) *UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats*. London: Routledge.

14. Chen, X. and Garcia, R.J. (2016) 'Economic sanctions and trade diplomacy: sanction-busting strategies, market distortion and efficacy of China's restrictions on Norwegian salmon imports', *China Information*, 30(1), pp. 29–57. Available at: https://doi.org/10.1177/0920203X15625061.

15. Clifton Morgan, T., Bapat, N. and Kobayashi, Y. (2014) 'The threat and imposition of sanctions: updating the TIES dataset', *Conflict Management and Peace Science*, 31(5), pp. 541–558. Available at: https://doi.org/10.1177/0738894213520.

16. Nincic, M. and Wallensteen, P. (eds.) (1983) *Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics*. New York: Praeger Publishers.

17. Doxey, M.P. (1987) *International sanctions in contemporary perspective*. Basingstoke: Macmillan Press.

18. Drezner, D.W. (1999) *The sanctions paradox: economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

19. Asada, M. (ed.) (2020) *Economic sanctions in international law and practice*. London: Routledge.

20. Farrall, J. (2007) *United Nations sanctions and the rule of law*. Cambridge: Cambridge University Press.

21. Galtung, J. (1967) 'On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia', *World Politics*, 19(3), pp. 378–416. Available at: https://doi.org/10.2307/2009785.

22. Giumelli, F. (2011) *Coercing, constraining, signalling. Explaining UN and EU sanctions after the Cold War*. Colchester: ECPR Press.

23. Giumelli, F. (2012) 'Da sanzioni comprensive a sanzioni mirate. L'evoluzione di uno strumento fondamentale di politica estera', in Andreatta, F. and Zambernardi, L. (eds.) *La politica internazionale in transizione*. Bologna: Il Mulino, pp. 399–420.

24. Giumelli, F. (2023) *Le sanzioni internazionali: storia, obiettivi ed efficacia*. Bologna: Il Mulino.

25. Giumelli, F. (2010) 'The restrictive measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions', *The International Spectator*, 45(3), pp. 131–144. Available at: https://doi.org/10.1080/03932729.2010.504629.

26. Giumelli, F. (2013) *The success of sanctions: lessons learned from the EU experience*. London: Routledge.

27. Hoffmann, F. (1967) 'The functions of economic sanctions: a comparative analysis', *Journal of Peace Research*, 4(2), pp. 140–159.

28. Hufbauer, G.C. and Shott, J.J. (1983) *Economic sanctions in support of foreign policy goals*. Washington, D.C.: Institute for International Economics.

29. Hufbauer, G.C., Shott, J.J. and Elliott, K.A. (1985) *Economic sanctions reconsidered. History and current policy*. Washington, D.C.: Institute for International Economics.

30. Jaeger, M.D. (2018) *Coercive sanctions and international conflicts. A sociological theory*. London: Routledge.

31. Martin, L.L. (1993) 'Credibility, costs and institutions: cooperation on economic sanctions', *World Politics*, 45(3), pp. 406–432. Available at: https://doi.org/10.2307/2950724.

32. Mitrany, D. (1926) *Le problème des sanctions internationales*. Paris: Centre Européen de la Dotation Carnegie.

33. Pape, R.A. (1997) 'Why economic sanctions do not work', *International Security*, 22(2), pp. 90–136. Available at: https://doi.org/10.2307/2539368.

34. Pape, R.A. (1998) 'Why economic sanctions still do not work', *International Security*, 23(1), pp. 66–77. Available at: https://doi.org/10.2307/2539263.

35. Renwick, R. (1981) *Economic sanctions*. Cambridge: Center for International Affairs, Harvard University.

36. van Bergeijk, P.A.G. (ed.) (2021) *Research handbook on economic sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

37. Beaucillon, C. (ed.) (2021) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

38. Taubenfeld, H.J. and Taubenfeld, R. (1964) 'The economic weapon: the League and the United Nations', *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*, 58, pp. 183–205.

39. Vaslavskiy, Y., Ananyev, B. and Sergi, B. (2019) 'The impact of international sanctions on Russia's sustainable development', in B.S. Sergi (ed.) *Exploring the future of Russia's economy and markets: towards sustainable economic development*. Bingley: Emerald Publishing Ltd., pp. 201–218.

40. Wallensteen, P. (2000) 'A century of economic sanctions: a field revisited', *Uppsala Peace Research Papers*, (1), pp. 1–23.

41. Wallensteen, P. (1968) 'Characteristics of economic sanctions', *Journal of Peace Research*, 5(3), pp. 248–267. Available at: https://doi.org/10.1177/002234336800500303.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.03.2026;
принята к публикации 09.04.2026

The paper was submitted 22.01.2026;
approved after reviewing 03.03.2026;
accepted for publication 09.04.2026

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-33-61

Научная статья / Research paper

Л.Д. Оганисян*

САНКЦИИ В ДИСКУРСЕ БРИКС

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

В настоящий момент разнообразные санкционные меры являются одними из самых активно используемых инструментов в арсенале ведущих акторов мировой политики. При этом и объектом их применения, и, во всё большей мере, субъектом становятся страны Глобального Юга. Наиболее ярко обе эти тенденции демонстрируют государства, формирующие ядро БРИКС. Данная статья преследует цель выявить ключевые особенности многомерного дискурса о санкциях в рамках этого неформального объединения. В первом разделе рассмотрено отношение ключевых стран — участниц БРИКС к применению односторонних и международных санкций, которое затем транслируется на уровень всего объединения, в значительной мере определяя его повестку в данной сфере. Показано, что, продолжая официально осуждать практику односторонних ограничительных мер, ряд стран БРИКС также начинают всё более активно использовать разнообразные автономные рестрикции: обычно неформальные (санкции под другими названиями), но в последние годы всё чаще и формальные. Во втором разделе выявлены ключевые элементы дискурса о санкциях в рамках БРИКС в целом. Одним из важнейших его нарративов, по мнению автора, является идея о недопустимо высоком «сопутствующем ущербе», наносимом санкциями населению государства-объекта, а также третьим странам, особенно развивающимся. Третий раздел посвящен изучению новых тенденций в подходах участников БРИКС к проблематике санкций в условиях расширения применения западными субъектами в последние годы вторичных рестрикций и прихода к власти в США администрации Д. Трампа, усилившего давление на страны объединения. Автор заключает, что, хотя усиление давления со стороны Вашингтона и повышает вероят-

* *Оганисян Лида Давидовна* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

© Оганисян Л.Д., 2026

ность выработки согласованной линии стран БРИКС, направленной на минимизацию ущерба от санкций, на сегодняшний день говорить об их готовности выступать единым фронтом против односторонних санкций Запада и тем более прямо противодействовать им не приходится. Тем не менее даже эта, очень умеренная, позиция БРИКС в вопросах санкционной политики вносит свой вклад в продвижение и укрепление дискурса о необходимости формирования нового, более справедливого полицентричного мирового порядка.

Ключевые слова: международные санкции, односторонние санкции, вторичные санкции, рестриктивные меры, БРИКС, БРИКС+, Глобальный Юг, Глобальное большинство, сопутствующий ущерб

Для цитирования: Оганисян Л.Д. Санкции в дискурсе БРИКС // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 33–61. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-33-61.

Lida D. Oganisyan

SANCTIONS IN THE BRICS DISCOURSE

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997

Currently, various restrictive measures are among the most actively used tools in the arsenal of leading actors in world politics. The countries of the Global South are both the object and, increasingly, the subject of their application. The most notable examples are the states that form the core of the BRICS. This article identifies the key features of the multidimensional discourse on sanctions within this informal association. The first section examines the attitude of key BRICS member countries towards the use of unilateral and international sanctions, which is then projected onto the level of the entire association, largely determining its agenda in this sphere. As shown, while still officially condemning the practice of unilateral restrictive measures, a number of BRICS countries are increasingly employing various autonomous restrictions: typically informal sanctions (sanctions under other names), but in recent years more and more often formal ones as well. The second section identifies the key elements of the discourse on sanctions within BRICS as a whole. According to the author, one of its most important narratives is the idea of the unacceptably high 'collateral damage' inflicted by sanctions on the target state's population, as well as on third countries, particularly developing ones. The third section examines new

trends in the approaches of BRICS members to sanctions amidst the expanded use of secondary restrictions by Western actors in recent years and the Trump administration's rise to power in the United States, which intensified pressure on the BRICS countries. The author concludes that although this pressure could stimulate the development of a coordinated policy among the BRICS countries aimed at minimizing damage from sanctions, as of today, there is no indication that the association is ready to speak with one voice against Western unilateral sanctions, let alone directly counter them. Nevertheless, even this moderate BRICS position on sanctions contributes to advancing and strengthening the discourse on the need to form a new, more just, polycentric world order.

Keywords: international sanctions, unilateral sanctions, secondary sanctions, restrictive measures, BRICS, BRICS+, Global South, Global Majority, collateral damage

About the author: *Lida D. Oganisyan* — PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

For citation: Oganisyan, L.D. (2026) 'Sanctions in the BRICS discourse', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 33–61. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-33-61. (In Russian.)

Объединение БРИКС возникло как неформальный форум развивающихся государств для обсуждения проблем реформирования международных финансовых институтов, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, включая вопросы представительства в этих организациях и общие принципы их функционирования. Мировой кризис, рост недоверия к существующей финансовой системе, относительное ослабление американского лидерства в международных делах стали драйверами активизации развивающихся стран и усиления кооперации между ними во имя достижения общей цели — формирования более справедливого мирового экономического порядка, который бы отражал их интересы. Цель, несомненно, была амбициозная, но весьма адекватная международным реалиям того времени. Финансовое цунами 2008 г., сильно ударив по развитым странам, выдвинуло на первый план «Группу двадцати», продемонстрировав, что решение мировых экономических проблем нужно искать в более широких

и инклюзивных форматах. И в тот турбулентный период, в 2009 г., состоялся первый саммит БРИК.

Аббревиатура «БРИК», появившись в 2001 г. с легкой руки главного экономиста «Goldman Sachs» Дж. О'Нила[1], раньше, чем возникло само объединение, обозначила группу крупных быстроразвивающихся стран, обладающих потенциалом стать «кирпичами» (*bricks*) мировой экономики, драйверами ее роста. Однако стремление этих государств к сотрудничеству наметилось еще во второй половине 1990-х гг., когда министр иностранных дел, а затем премьер-министр России Е.М. Примаков выдвинул концепцию «многополярного мира» и идею «стратегического треугольника» России, Индии и Китая (РИК) [Дынкин, 2024]. В 2006 г. прошли министерские встречи в формате БРИК (с подключением Бразилии), а уже в 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит объединения. В 2011 г. к нему официально присоединилась ЮАР, и группа получила наименование БРИКС. В 2024 г. число ее участников пополнили Египет, Эфиопия, Иран и ОАЭ, в 2025 г. — Индонезия (БРИКС+).

За прошедшие годы БРИКС/БРИКС+ превратился во влиятельный неформальный форум глобального управления, объединение единомышленников, стремящихся и способных повлиять на трансформацию миропорядка. На сегодняшний день взаимодействие стран БРИКС/БРИКС+ осуществляется в различных сферах — от борьбы с терроризмом и изменением климата до сотрудничества в экономике, финансах и торговле. С момента создания объединения состоялось 17 саммитов. Наиболее обсуждаемыми темами в рамках формата являются формирование полицентричного миропорядка, реформирование мировой финансовой системы, укрепление различных аспектов международной и региональной безопасности, а также содействие развитию. С 2010-х гг. по мере расширения применения ограничительных мер и непосредственно односторонних санкций преимущественно западными субъектами против ряда стран БРИКС и их партнеров данная проблематика также вошла в дискурс объединения. С 2013 г. в итоговых декларациях его саммитов неизменно поднимается проблема применения односторонних

[1] O'Neill J. Building better global economic BRICs // Global Economics Paper No. 66. 30.11.2001. URL: https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2013/04/build-better-brics.pdf (accessed: 05.03.2026).

санкций и подчеркивается позиция стран-участниц относительно широкого круга ее аспектов.

Тема БРИКС с момента появления этой группы вызывает большой научный интерес. Массив публикаций по различным вопросам ее функционирования и деятельности, роли и значения в международных процессах насчитывает тысячи наименований. Сущность объединения, специфика его работы и перспективы развития формата [см., например: Панова, 2013; Толорая, Чуков, 2016; Хейфец, 2010; Stuenkel, 2015; Thakur, 2014; Wang, Long, 2024], динамика взаимодействия стран-участниц на приоритетных для группы направлениях и роль БРИКС в глобальном управлении [см., например: Лисоволик, 2023; Хейфец, 2024; BRICS and global governance, 2018; Cooper, Farooq, 2013; Nayyar, 2016] всесторонне исследованы представителями отечественного и зарубежных научных сообществ. Изучены и различные нарративы в политическом дискурсе стран БРИКС [см., например: Кошкарова и др., 2025; Новикова, Алексеева, 2025; Солопова, Кошкарова, 2024; Andal, Muratshina, 2022; Van Noort, 2019]. Однако вопросы, связанные с дискурсом о санкциях, хотя и не центральным в рамках объединения, но приобретающим в последние годы всё большее значение, что отражает более широкое применение односторонних рестрикций, оказались вне поля зрения исследователей.

Современный санкционный ландшафт и дискурс, сопровождающий использование этого инструмента, усложняются. Наряду с развитыми странами ограничительные меры всё активнее вводят развивающиеся государства, а проблемы и последствия санкционной практики всё шире обсуждаются на различных площадках. В ряде исследований последних лет, посвященных позициям развивающихся стран по вопросам применения рестрикций и их санкционной политике в целом, данная тема также периодически освещается [Chauhan, 2021; Kapustin, Khabriev, 2019; Moret, 2021]. Вместе с тем комплексных исследований с анализом различных аспектов многослойного дискурса о санкциях в рамках БРИКС и динамики его развития нами не было обнаружено.

Данная статья в известной мере призвана заполнить этот пробел. Ее цель состоит в выявлении содержания, значения и динамики

дискурса об односторонних и международных санкциях[2] в рамках БРИКС. Эта тема особенно актуализируется с учетом возвращения в Белый дом Д. Трампа, развернувшего кампанию давления на БРИКС, дабы, по его словам, предостеречь эти государства от шагов по дедолларизации[3].

Отношение стран — участниц БРИКС к санкциям: отказаться нельзя применять

Отношение стран БРИКС, а именно Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР[4], к применению односторонних и международных санкций определяется целым рядом внутренних и внешних детерминант.

Основополагающим фактором, формирующим позиции развивающихся стран по применению санкций, являются ценности и принципы, которые определяют их внешнюю политику и которые они отстаивают на международной арене. Прежде всего, страны БРИКС подчеркивают верховенство международного права, суверенное равенство всех государств и невмешательство во внутренние дела друг друга. Очевидно, что применение санкций, в первую очередь односторонних, служит инструментом вмешательства во внутренние дела других государств и средством давления на них с целью изменить их поведение. По сути, ретроспективный взгляд на глобальную политику санкций показывает, что эти меры применяли преимущественно развитые страны против развивающихся [см. подробнее: Hufbauer et al., 2007; Тимофеев, 2018]. Протест против этой практики и объединяет позиции стран БРИКС (формула — «отказаться, нельзя применять»).

[2] Международные, или многосторонние санкции (по терминологии ООН — «принудительные меры») вводятся Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) на основании главы VII ст. 41 ее Устава. Односторонние ограничительные меры применяются вне рамок ООН и вводятся отдельными странами или группами государств на основе собственного законодательства как в дополнение к международным санкциям, так и автономно.

[3] Синев М. «Исключений не будет». Трамп введет пошлины за поддержку БРИКС // Газета.ru. 07.07.2025. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2025/07/07/21333962.shtml?ysclid=mg0on48ked50275761 (дата обращения: 05.03.2026).

[4] Поскольку новые страны БРИКС только с последних двух саммитов включились в работу неформального объединения, значительная часть данного раздела посвящена позиции первоначальных участников.

Важным фактором, детерминирующим отношение участников БРИКС к санкциям, является опыт пребывания (некоторые из них до сих пор находятся) под санкционным давлением. Так, ЮАР[5] на протяжении значительной части своего существования в качестве независимого государства находилась под обширным режимом санкций, введенным их субъектами в целях борьбы с политикой апартеида. Разного рода ограничительные меры применяли страны Запада в отношении КНР[6] и Индии[7] как в период холодной войны, так и в постбиполярную эпоху. Можно отметить и спорадическое введение односторонних рестрикций, преимущественно со стороны США, против Бразилии[8]. В отношении СССР, затем и России также нередко использовались санкции, применялись жесткие меры экспортного контроля[9]. Современный период санкционного давления на Россию берет начало в 2014 г., значимым этапом в его эскалации стал 2022 г.

Официально выступая против односторонних ограничительных мер и отстаивая традиционные нормы международного права и принцип многосторонности, страны БРИКС подчеркивают легитимность санкций, вводимых Советом Безопасности (СБ) ООН.

Продолжающаяся полемика вокруг вопроса о правомерности односторонних санкций выявила глубокие расхождения в позициях развитых и развивающихся государств. Страны, оправдывающие применение таких мер, преимущественно государства Запада, указывают на то, что они вводятся в пределах их суверенных полномочий и направлены на защиту их интересов, прав человека, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности [см. подробнее: Геворгян, 2012; Тимофеев, 2018]. Аргументы критиков, к числу которых относится большинство развивающихся стран, включают упомянутые тезисы о том, что односторонние санкции вводятся по политическим причинам, а не в ответ на неправомерные

[5] Различные ограничительные меры начали вводиться с 1950–1960-х гг. Однако обязательный характер международные санкции стали носить с 1977 г. — после принятия резолюции СБ ООН. Действовали до 1994 г.

[6] Например, деятельность ChinCom, санкции, введенные после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

[7] Например, санкции США в 1965–1967 гг., 1971, 1978–1982, 1998–2001 гг.

[8] Например, санкции США в 1962–1964 гг., 1977–1984, 1978–1981 гг.

[9] Наиболее известные сюжеты их применения связаны с деятельностью Cocom, вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. и принятием Акта Магнитского в 2012 г.

действия, подрывают авторитет многосторонних институтов, отрицательно сказываются на усилиях СБ ООН по поддержанию мира и безопасности, имеют деструктивные последствия [см. подробнее: Геворгян, 2012; Тимофеев, 2018].

Подход к санкциям также является важным элементом международного позиционирования государств БРИКС. Например, отношение Китая к автономным санкциям, во многом совпадающее с позицией большинства стран Глобального Юга, позволяет ему подчеркивать свою причастность к этой группе государств и солидарность с ними [см., например: Cai, 2021]. Индия на многосторонних площадках подтверждает свою приверженность защите интересов стран Глобального Юга и указывает на негативное воздействие односторонних санкций на них [см., например: Chauhan, 2021]. В целом можно констатировать высокую степень сходства подходов участников БРИКС к односторонним и международным санкциям. Эти подходы в свою очередь перекликаются с отношением к ограничительным мерам большинства развивающихся государств.

По мере расширения БРИКС (с присоединением в 2024 г. Эфиопии, Египта, ОАЭ и Ирана, в 2025 г. — Индонезии и введением статуса государств-партнеров) проблема односторонних санкций становится всё более актуальной для объединения. Среди его новых членов (Иран), равно как и среди стран-партнеров (Беларусь, Куба), присутствуют государства, находящиеся под обширными санкциями. Для большинства других действующие на сегодняшний день санкционные режимы, в том числе вторичные рестрикции, в отношении третьих стран — союзников и партнеров — создают множество вызовов и проблем. Между тем примечательно, что, несмотря на отсутствие жестко фиксированных критериев членства в БРИКС, одним из условий является неучастие в санкционных кампаниях в обход СБ ООН против государств — членов объединения[10].

Одновременно с этим в последние годы мы всё чаще наблюдаем, что развивающиеся страны демонстрируют возрастающую актив-

[10] См., например: BRICS membership expansion guiding principles, standards, criteria and procedures // BRICS Information Centre. 2023. URL: http://www.brics.utoronto.ca/docs/BRICS-Membership-expansion-guiding-principles-criteria-and-standards-2023.pdf (accessed: 05.03.2026); Кулагин В. Кто может приехать на саммит БРИКС в Казани // Ведомости. 04.10.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/10/04/1066443-kto-mozhet-priehat-na-sammit-briks-v-kazani (дата обращения: 05.03.2026).

ность в применении собственных рестрикций (формула — «отказаться нельзя, применять»).

Это можно объяснить тем, что помимо ценностей и принципов подходы стран БРИКС/БРИКС+ к применению санкций определяются также международной политической конъюнктурой, их объективным положением в глобальной экономической структуре. Так, обладая динамично развивающимися экономиками, растущими политическими и экономическими амбициями во многих регионах мира, ведущие незападные государства демонстрируют всё более активное применение санкционного инструментария как в качестве ответных мер, так и для обеспечения национальных интересов и безопасности. Однако их санкционная политика имеет ряд специфических черт, отличающих ее от подходов западных субъектов.

Во-первых, ключевой особенностью политики санкций развивающихся стран выступает императив защиты национальных интересов, которые они трактуют значительно *уже*, чем западные акторы [см. подробнее: Cai, 2021; Chauhan, 2021; Moret, 2021]. Введение ограничительных мер они рассматривают прежде всего как инструмент защиты суверенитета, территориальной целостности и экономических интересов, а не как средство продвижения универсальных ценностей и норм, навязывания своих требований третьим странам, что в большей мере присуще западной практике.

Во-вторых, наблюдается существенная дифференциация в выборе инструментария и характере автономных санкционных режимов. Практика применения односторонних рестрикций участников БРИКС и многих развивающихся государств, как правило, характеризуется меньшей продолжительностью действия ограничительных мер, что контрастирует с более долгосрочными санкционными кампаниями западных акторов. Кроме того, в качестве рестрикций обычно выступают ограничения на импорт и экспорт, сокращение или прекращение программ помощи, приостановление торговых соглашений, регулирование туристического потока, фитосанитарные меры, технические барьеры, создание бюрократических препятствий, бойкоты [см. подробнее: Ferguson, 2025; Reilly, 2012] и т. д. Применяемые ограничения[11], как правило, носят адресный характер, узко направлены на отдельные компании и отдельных лиц, что позволяет усилить сигнальный эффект этих мер, а также

[11] Это касается автономных ограничений.

вводить их с относительно низкими затратами и минимизировать неблагоприятное воздействие на подсанкционное государство, снижая вероятность ухудшения отношений с ним и его потенциального ответа[12].

Следующей отличительной особенностью санкционной практики развивающихся стран является имплицитный характер применения многих ограничительных мер. Такие государства, как Китай, Россия, Индия, не всегда открыто декларируют факт введения санкций, предпочитая задействовать неформальные механизмы давления [см. подробнее: Кашин и др., 2020; Chauhan, 2021; Ferguson, 2025; Moret, 2021]. Это позволяет исследователям говорить о таком феномене, как «санкции под другими названиями» (*sanctions by other names*) [Moret, 2021], т. е. меры, де-факто имеющие санкционный эффект, но формально не являющиеся таковыми. В их числе — нетарифные барьеры, приостановка переговоров, расплывчатые угрозы, отказ от закупок и др. [см. подробнее: Reilly, 2012]. С одной стороны, отчасти это обусловлено недостаточно разработанной национальной правовой базой, регламентирующей основания и порядок введения односторонних санкций. С другой стороны, данный подход позволяет их субъектам обеспечить определенную гибкость в ответ на меняющиеся конъюнктурные обстоятельства [см. подробнее: Moret, 2021; Reilly, 2012]. Кроме того, западные исследователи видят в нем возможность для развивающихся стран избежать репутационных издержек, «обвинений в лицемерии» в связи с применением односторонних рестрикций, противниками которых они официально являются [Ferguson, 2025].

Иначе говоря, введение неформальных мер позволяет правительствам развивающихся государств инициировать и прекращать их применение «тихо», оставляя себе свободу маневра. Использование же формальных рестрикций и официальное объявление таких решений происходят в сравнительно редких случаях, обычно продиктованных политической или стратегической целесообразностью, требующей демонстративного эффекта. Такие меры, как правило, являются реактивными и принимают форму контрсанкций в ответ на односторонние рестрикции, предполагаемое вмешательство в их

[12] Ghiretti F. How China imposes sanctions. A guide to the evolution of Beijing's new policy tool // Mercator Institute for China Studies (MERICS). 06.06.2023. URL: https://merics.org/de/studie/how-china-imposes-sanctions (accessed: 05.03.2026).

внутренние дела, недружественные акты или враждебные действия. Это можно наблюдать в отношениях данных государств со странами Запада: России — с 2014 г., Китая — с 2018 г. Однако более рельефно это просматривается в политике Москвы и Пекина с начала 2020-х гг., когда РФ и КНР стали шире использовать формальные рестрикции в виде контрсанкций. Причем в последние годы именно интенсификация применения ограничительных мер в отношении незападных стран способствовала активизации в них процессов формирования нормативно-правовой основы и механизмов противодействия зарубежным санкциям[13]. Однако можно констатировать продолжение практики неформального введения санкций этими государствами, несмотря на усилия по формализации законодательства.

Данная тенденция к расширению использования автономных санкций странами БРИКС сочетается с риторической критикой односторонних ограничительных мер, что свидетельствует о двойственности и одновременно прагматичности их подхода.

БРИКС и односторонние санкции

Понятие «санкции» вошло в официальный дискурс БРИКС с начала 2010-х гг., когда расширение масштабов применения односторонних рестрикций, в том числе вторичных, поставило данную проблему в центр внимания развивающихся стран и государств с формирующимся рынком. В Этеквинской декларации 2013 г. подчеркивалась обеспокоенность участников БРИКС угрозами применения в отношении Ирана «односторонних санкций»[14] на фоне обострения проблемы его ядерной программы и усиления давления Запада на Тегеран. С этого момента одним из нарративов в рамках официального дискурса БРИКС стала озабоченность возрастающим использованием односторонних санкций против третьих стран — союзников и партнеров государств неформального объединения.

[13] См. подробнее: Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.06.2018. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/protivodeystvie-sanktsiyam-strategiya/ (дата обращения: 05.03.2026); Ghiretti F. How China imposes sanctions. A guide to the evolution of Beijing's new policy tool…

[14] Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (ЮАР, г. Дурбан, 27 марта 2013 г.) // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 27.03.2013. URL: https://infobrics.org/ru/document/15/?ysclid=mg0pn0494u700683390 (дата обращения: 05.03.2026).

В последующем на саммитах и министерских встречах осуждалась данная практика в отношении более широкого круга стран, включая Иран и Сирию.

Анализ деклараций по итогам саммитов БРИКС/БРИКС+ позволяет отметить постепенное увеличение в них количества пунктов, в которых в той или иной форме и контексте упоминаются ограничительные меры (рис. 1), и выделить ряд ключевых нарративов в рамках многослойного дискурса о санкциях (рис. 2). Прежде всего, страны БРИКС/БРИКС+ подчеркивают «исключительные полномочия Совета Безопасности ООН по введению санкций»[15] и осуждают применение в одностороннем порядке рестрикций, равно как и организацию военных интервенций, в «нарушение международного права и общепризнанных норм международных отношений»[16]. Подчеркивая легитимность санкций СБ ООН, участники БРИКС+ используют формулировки об односторонних ограничительных мерах как о «незаконных», «противоречащих международному праву», «дискриминационных и политически мотивированных практиках»[17].

[15] См., например: Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 09.09.2021. URL: https://infobrics.org/ru/document/102/?ysclid=mg0ppm923h255738532 (дата обращения: 05.03.2026); Пекинская декларация XIV саммита БРИКС // Там же. 23.06.2022. URL: https://infobrics.org/ru/document/99/?ysclid=mg0pqoxrx514988740 (дата обращения: 05.03.2026).

[16] См., например: Форталезская декларация (Бразилия, г. Форталеза, 15 июля 2014 г.) // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 15.07.2014. URL: https://infobrics.org/ru/document/20/?ysclid=mg0ps2s25w518535897 (дата обращения: 05.03.2026); VII саммит БРИКС, Уфимская декларация (Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 г.) // Там же. 09.07.2015. URL: https://infobrics.org/files/pdf/56.pdf?ysclid=mg0q01sbpw775995809 (дата обращения: 05.03.2026); Декларация Гоа // Там же. 16.10.2016. URL: https://infobrics.org/ru/document/86/?ysclid=mg0q4khkxk412665220 (дата обращения: 05.03.2026); Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС // HealthBRICS. 04.09.2017. URL: https://health-brics.com/assets/files/syamenskaya-deklaraciya-rukovoditelej-stran-briks.pdf?ysclid=mg0q5sl07l163672212 (дата обращения: 05.03.2026).

[17] См., например: Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г. // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 23.08.2023. URL: https://infobrics.org/ru/document/101/?ysclid=mg0q8mhluz119107197 (дата обращения: 05.03.2026); Казанская декларация БРИКС // Там же. 23.10.2024. URL: https://infobrics.org/ru/document/100/?ysclid=mg0qadtooa797520880 (дата обращения: 05.03.2026);

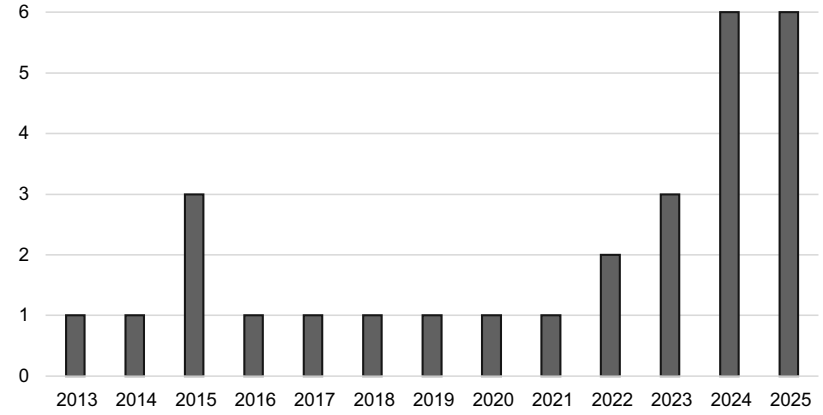

Рис. 1. **Количество пунктов в итоговых декларациях саммитов БРИКС/БРИКС+, в которых упоминаются санкции, ограничительные меры, принудительные меры и т. п.**

Источник: составлено автором по материалам деклараций саммитов БРИКС/БРИКС+ за 2013–2025 гг.

В декларациях констатируются негативные последствия односторонних санкций. Данная проблема в нескольких ее измерениях[18] занимает центральное место в дискурсе о санкциях в БРИКС+. В первую очередь отмечается их многоплановое деструктивное воздействие «на мировую экономику, международную торговлю и достижение целей устойчивого развития»[19]. Подчеркивается, что односторонние ограничительные меры и вторичные санкции повышают риск дестабилизации миропорядка, приводят к нарушениям цепочек поставок и колебаниям цен на мировых рынках, создают препятствия для обеспечения продовольственной безопасности и тормозят экономический рост, особенно в развивающихся странах. Кроме того, подобные меры рассматриваются не только как пре-

Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления // Президент России. 06.07.2025. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

[18] Влияние односторонних рестрикций на мировую экономику и международные отношения в целом, на подсанкционное государство и его население, а также на третьи страны.

[19] Казанская декларация БРИКС…

пятствующие развитию государств и их сотрудничеству, но и как углубляющие напряженность между ними[20].

Рис 2. **Облако слов: пункты, посвященные санкционным вопросам, в декларациях саммитов БРИКС/БРИКС+**

Источник: составлено автором по материалам деклараций саммитов БРИКС/БРИКС+ за 2013–2025 гг.

Особое внимание страны БРИКС/БРИКС+ уделяют вопросу негативного гуманитарного воздействия санкций. Отмечается их деструктивное влияние на права человека, в том числе право на развитие, и на население подсанкционных государств в целом. Подчеркивается, что данные рестрикции непропорционально затрагивают наиболее уязвимые группы людей, углубляя цифровой разрыв и усугубляя экологические проблемы[21]. Вопросы об односторонних ограничительных мерах и их неблагоприятном влиянии на фундаментальные права человека, непропорциональном воздействии на уязвимые слои населения подсанкционных государств тесно

[20] См., например: Казанская декларация БРИКС…; Декларация Рио-де-Жанейро…; BRICS expresses concern over unilateral sanctions // IRNA. 13.07.2024. URL: https://en.irna.ir/news/85537548/BRICS-expresses-concern-over-unilateral-sanctions (accessed: 05.03.2026).

[21] Казанская декларация БРИКС…; Декларация Рио-де-Жанейро…

переплетаются в дискурсе развивающихся стран. Для иллюстрации остроты данной проблемы в декларациях неоднократно упоминалась социально-экономическая ситуация в Сирии[22].

Таким образом, одним из важных нарративов в рамках дискурса является наносимый санкциями «сопутствующий ущерб» (*collateral damage*)[23] населению государства-объекта, а также третьим странам, особенно развивающимся[24]. В частности, учащение в последние годы применения санкций, в том числе экстерриториальных, создало множество вызовов для развивающихся стран и продемонстрировало их уязвимость не только как прямых, но и как опосредованных объектов подобного давления. Являясь крупными экономиками и будучи плотно интегрированными в мировые хозяйственные связи, данные страны несут существенные издержки, связанные с расширением масштабов применения различных рестрикций. Это вызывает озабоченность, особенно на фоне интенсификации введения вторичных санкций. В этой связи важной частью дискурса о санкциях в рамках БРИКС/БРИКС+ является также их негативное воздействие на третьи страны.

Приверженность принципам суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств, верховенства права, взаимного уважения и сотрудничества представляет собой набор ценностей, на которых основывается БРИКС+ и которые он транслирует вовне. Этот ценностный код наряду с доминирующим нарративом о формировании справедливого, инклюзивного и равноправного многополярного миропорядка исключает использование односторонних санкций, «несовместимых с принципами Устава Организации Объединенных Наций» или «противоречащих» им[25].

[22] См., например: VII саммит БРИКС, Уфимская декларация...; Казанская декларация БРИКС…

[23] Данный термин не встречается в декларациях саммитов БРИКС, но широко употребляется в научно-экспертном дискурсе.

[24] См., например: Йоханнесбургская декларация-II…; Декларация Рио-де-Жанейро…

[25] См., например: Йоханнесбургская декларация X саммита БРИКС // Президент России. 26.07.2018. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 05.03.2026); Московская декларация XII саммита БРИКС // Совместный сайт министерств иностранных дел государств — участников БРИКС. 17.11.2020. URL: https://infobrics.org/ru/document/97/?ysclid=mg0qmwsdx0872471223 (дата обращения: 05.03.2026); Йоханнесбургская декларация-II…; Казанская декларация БРИКС…

Отстаивая многосторонний подход к международным отношениям и подчеркивая исключительные полномочия СБ ООН по введению рестрикций, страны БРИКС+ в декларациях 2021 и 2022 гг. внесли призыв к «дальнейшей консолидации и укреплению методов работы комитетов по санкциям Совета Безопасности ООН для обеспечения их действенности, оперативности и прозрачности»[26]. В апреле 2022 г. под эгидой Китая состоялся Семинар по целевым финансовым санкциям, связанным с терроризмом и его финансированием. Это происходило параллельно с усилиями на уровне ООН, приведшими к принятию 9 декабря 2022 г. Советом Безопасности резолюции № 2664, которая предписывала включение в санкционные режимы ООН стандартизированных гуманитарных исключений[27]. Данные шаги вписывались в более широкий комплекс мер, принимаемых в последние годы на международном и национальном уровнях в целях минимизации неблагоприятного воздействия ограничительных мер на население подсанкционных стран и содействия осуществлению в этих государствах гуманитарной деятельности [Оганисян, 2023]. Таким образом, страны БРИКС/БРИКС+ отмечают необходимость дальнейших усилий по совершенствованию санкций СБ ООН в сторону большей действенности, целенаправленности и соразмерности.

БРИКС, США и коллизии вокруг санкций: чем сильнее желание, тем меньше вероятность его достичь[28]?

В последние годы обострение международной напряженности и межгосударственного соперничества, сопровождаемого расширением применения односторонних и экстерриториальных санкций, протекционистских мер, всё острее показывает уязвимость многих развивающихся государств, включая страны БРИКС+. Беспрецедентная санкционная кампания против России, использование доллара США и системы SWIFT как средства давления (так называемая вепонизация доллара) только обострили эту проблему, в известной мере заставив многие страны, оказывающиеся под

[26] Нью-Делийская декларация…; Пекинская декларация…

[27] Резолюция 2664 (2022), принятая Советом Безопасности на его 9214-м заседании 9 декабря 2022 г. // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 09.12.2022. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement (дата обращения: 05.03.2026).

[28] Закон Гамперсона.

прямым или опосредованным ударом, переоценить потенциальные риски для себя и относительно ускорив тренд на дедолларизацию. Причем помимо Соединенных Штатов, с 2022 г. резко расширивших применение вторичных санкций на российском направлении, в этот период Евросоюз и Великобритания разработали правовые механизмы и стали активно использовать этот инструмент для противодействия Москве. Мишенями вторичных санкций западных субъектов являются также компании из отдельных стран БРИКС+, прежде всего КНР [см. подробнее: Тимофеев, 2025].

На саммитах БРИКС в Йоханнесбурге в 2023 г. и Казани в 2024 г. важная роль отводилась содействию использованию национальных валют в международной торговле и финансовых операциях между странами — участницами объединения и их партнерами, а также разработке платежных инструментов и платформ [см. подробнее: Прохоренко, 2024, 2025]. Следует отметить, что с первого саммита БРИКС сотрудничество в сфере экономики и финансов было одним из ключевых направлений взаимодействия стран, а совершенствование архитектуры глобального экономического управления — в числе приоритетных задач. С середины 2010-х гг. на данном треке были сформированы действующие институты, такие как Новый банк развития (НБР), Пул условных валютных резервов, а также разрабатываются новые инициативы: расчетно-платежная платформа «BRICS Bridge», электронная система междепозитарного взаимодействия «BRICS Clear» и т. д. Однако предпринимаемые инициативы носят неконфронтационный характер. Например, Пул условных валютных резервов и НБР появились как механизмы не альтернативные, а дополняющие существующие международные финансовые институты[29]. Несмотря на объективную озабоченность санкциями, внимание к данной теме не было сосредоточено на противодействии им или их обходе[30].

Очевидно, что мотивации стран — участниц БРИКС+ в вопросе сотрудничества на финансово-экономическом направлении различаются. Для находящихся под обширными санкциями России и Ирана создание независимых от Запада платежных механизмов

[29] См., например: Форталезская декларация…; Йоханнесбургская декларация-II…

[30] Тимофеев И. Финансовые расчеты в рамках БРИКС: вперед, несмотря на проблемы // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 18.03.2024. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finansovye-raschyety-v-ramkakh-briks/ (дата обращения: 05.03.2026).

и платформ является приоритетной задачей. Другие же государства, включая Индию, ОАЭ и Египет, проявляют осторожность и сдержанность с учетом их отношений с западными странами и опасений подвергнуться вторичным санкциям. Например, не поддержав практику односторонних и экстерриториальных санкций и не присоединившись к ней, многие развивающиеся страны вынуждены подстраиваться, стремясь к минимизации возможных рисков, что видно на примере их взаимодействия с Россией, Ираном и другими подсанкционными государствами. Точно так же и отказ НБР от участия в инвестициях в Россию после усиления санкционного давления на нее был вызван страхом перед ограничительными мерами и стремлением к митигации рисков. Иначе говоря, несмотря на некий флер антизападности вокруг объединения, в настоящий момент он просматривается лишь в риторике и практической политике отдельных его участников, для большинства же конфронтация с Западом неприемлема. Причем расширение БРИКС+ только усилило это размежевание[31].

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. создало определенные сложности для объединения и его стран-участниц, парадоксальным образом одновременно дав стимул для дальнейшего сотрудничества на финансово-экономическом треке. Еще в ноябре 2024 г. и затем после инаугурации Д. Трамп пригрозил 100% пошлинами, если страны БРИКС создадут альтернативу «могущественному доллару»[32]. На фоне саммита неформального объединения в Рио-де-Жанейро 6 июля Д. Трамп написал в своем аккаунте в «Truth Social», что «любая страна, присоединившаяся к антиамериканской политике БРИКС, столкнется с дополнительной пошлиной в 10%»[33].

В итоговой декларации саммита БРИКС+ в Рио-де-Жанейро 2025 г. нет конфронтационных формулировок, отсылок к США и проводимой администрацией Д. Трампа политике, но отмечена серьезная «озабоченность в связи с ростом односторонних тарифных

[31] Оганисян Л. Запад — не Запад // BRICS+. 07.10.2024. URL: https://bricsmagazine.com/analitika/issledovaniya/zapad-ne-zapad/?ysclid=mg0qo68ta0930360557 (дата обращения: 05.03.2026).

[32] Овчинникова Ю., Полякова В. Кремль призвал разъяснить повестку БРИКС Трампу после слов о долларе // РБК. 31.01.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/31/01/2025/679c9a239a79472be5e1e326?ysclid=mg0r209kqi481594493 (дата обращения: 05.03.2026).

[33] Синев М. Указ. соч.

и нетарифных мер, которые искажают торговлю и не соответствуют правилам ВТО»[34]. Вместе с тем шаги в направлении углубления экономического, торгового и финансового сотрудничества продолжились. Среди прочего в декларации приветствовались укрепление НБР, включая расширение его возможностей по финансированию в национальных валютах, направленность Механизма межбанковского сотрудничества на поиск приемлемых способов финансирования в национальных валютах, усилия в сфере взаимодействия в платежной сфере[35] и т. д.

Летом последовал новый виток давления со стороны Соединенных Штатов на страны БРИКС. В июле 2025 г., несмотря на положительное сальдо торгового баланса США с Бразилией, администрация Д. Трампа ввела новые тарифы в отношении страны, которые в дополнение к введенным в апреле составили 50%[36]. Как отметил генеральный директор Российского совета по международным делам И.Н. Тимофеев, по сути, данные меры представляли собой полноценные санкции, одним из инструментов которых выступает повышение тарифов. В целом использование тарифов как санкционного механизма является отличительной особенностью политики администрации Д. Трампа[37]. Введение пошлин стало ответом на судебное преследование бывшего президента Ж. Болсонару[38], обвиняемого в попытке государственного переворота, а также на действия бразильского правительства, ограничивающие американские социальные сети в стране. По мнению Белого дома, эта политика наносит ущерб американским компаниям, свободе слова американских граждан, внешней политике и экономике США[39]. Кроме того,

[34] Декларация Рио-де-Жанейро…

[35] Там же.

[36] Executive Order 14323: Addressing Threats to the United States by the Government of Brazil // The White House. 30.07.2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/addressing-threats-to-the-us/ (accessed: 05.03.2026).

[37] Тимофеев И. Санкции США: Бразилия под прицелом // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 04.08.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-ssha-braziliya-pod-pritselom/ (дата обращения: 05.03.2026).

[38] Наряду с пошлинами США ввели санкции в отношении судьи Верховного суда Бразилии А. де Мораеса, который, как считают в Вашингтоне, использовал свои полномочия для подавления политической оппозиции. В отношении него Минфин США ввел санкции в рамках Глобального закона Магнитского 2016 г.

[39] Executive Order 14323: Addressing Threats to the United States by the Government of Brazil…

Вашингтон ввел 25% тарифы в отношении Индии и 30% — в отношении ЮАР[40]. Однако уже в августе тарифы в отношении Индии были увеличены на 25% в качестве наказания за продолжающиеся закупки ею российской нефти[41].

На этом фоне 8 сентября по инициативе президента Бразилии Луиса Инасиу Лулы да Силвы прошел внеочередной онлайн-саммит стран — участниц БРИКС+ для обсуждения торговой политики Д. Трампа. Встреча последовала за саммитом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на котором обсуждали необходимость обеспечить «упорядоченный многополярный мир», что включает поддержку свободной торговли и «более справедливой и разумной системы глобального управления»[42]. Несмотря на то что в своих заявлениях в открытой части (после нее состоялось закрытое обсуждение) лидеры стран БРИКС+ избегали упоминания США, по сути, главной темой саммита стала оценка стратегии действий в условиях торговой политики администрации Д. Трампа и применения (и угрозы применения) ею вторичных санкций. Открывший саммит президент Бразилии заявил: «…введение экстерриториальных мер угрожает нашим институтам, вторичные санкции ограничивают нашу свободу укреплять торговлю между дружественными странами»[43]. В связи с этим он и лидеры других государств отметили важность сотрудничества в этих обстоятельствах в торгово-экономической, финансовой, инвестиционной и других сферах[44].

По сути, действия США, с одной стороны, способствуют увеличению политического веса БРИКС+. Расширение этого объединения, повысившее его значение, также вызвало дискуссии о его будущем,

[40] Executive Order 14326: Further Modifying the Reciprocal Tariff Rates // The White House. 31.07.2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/further-modifying-the-reciprocal-tariff-rates/ (accessed: 05.03.2026).

[41] Executive Order 14329: Addressing Threats to the United States by the Government of the Russian Federation // The White House. 06.08.2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/08/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-the-russian-federation/ (accessed: 05.03.2026).

[42] Портякова Н. Миру меняют концепцию // Коммерсантъ. 01.09.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8006850?ysclid=mfz39t2ux6607493380 (дата обращения: 05.03.2026).

[43] Нефёдова А. Объединяй и властвуй: как БРИКС готовится дать отпор тарифам США // Известия. 08.09.2025. URL: https://iz.ru/1951263/alena-nefedova/obedinyaj-i-vlastvuj-kak-briks-gotovitsya-dat-otpor-tarifam-ssha (дата обращения: 05.03.2026).

[44] Там же.

вероятности стагнации его развития и потере ориентиров (которые и прежде были недостаточно четкими) в связи с разрозненными интересами возросшего числа участников и существующими противоречиями между ними[45] [см., например: Баваскар, 2024; Obajinmi, Garba, 2025]. Д. Трамп своими заявлениями и нападками на отдельные страны и объединение в целом может помочь эти самые ориентиры обрести. С другой стороны, эти действия подталкивают страны БРИКС+ к дальнейшей диверсификации своих внешнеэкономических и внешнеполитических связей, в том числе за счет укрепления двустороннего взаимодействия, а также могут стать для группы стимулом для дальнейшего углубления сотрудничества в финансово-экономической сфере, вызывающего такое беспокойство западных государств. В своей статье в «Project Syndicate» в августе 2025 г. Дж. О'Нил отметил, что действия Д. Трампа могут привести к диаметрально противоположенным результатам, давая странам БРИКС+ и другим государствам более веский повод разрабатывать альтернативы западному мировому порядку[46]. Иначе говоря, своими действиями он рискует форсировать процессы, против которых сам же борется.

Однако следует оговориться: несмотря на то что направление движения на финансово-экономическом треке задано, эти процессы идут поступательно и не имеют антиамериканской направленности. Представляется, что эти шаги стран БРИКС+, среди прочего, носят скорее сигнальный характер и нацелены на демонстрацию своей готовности проводить независимый курс и отстаивать свои интересы. Также они мотивированы различными внутренними и внешними факторами[47]. Отдельные призывы выработать механизм противо-

[45] См., например: Королёв А. To BRICS, or not to BRICS: будущее объединения после расширения // Российский совет по международным делам. 15.10.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/to-brics-or-not-to-brics-budushchee-obedineniya-posle-rasshireniya/ (дата обращения: 05.03.2026).

[46] O'Neill J. Is Trump a BRICS secret agent? // Project Syndicate. 19.08.2025. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-trade-war-alienating-friends-and-going-easy-on-adversaries-by-jim-o-neill-2025-08 (accessed: 05.03.2026).

[47] Например, для Индии вопрос закупки российских энергоносителей имеет стратегическое значение, в Бразилии введение ограничений со стороны США усилило националистические и антиамериканские настроения, укрепив позиции президента Лулы да Силвы.

действия санкциям в рамках БРИКС носят маргинальный характер[48], в рамках группы вопросы совместного противодействия рестрикциям и их обхода по-прежнему не ставятся. Учитывая разнообразие интересов участников, сложную динамику их взаимоотношений и, что более существенно, специфику их связей с США и странами Европы, на сегодняшний день говорить об их готовности выступать единым фронтом против односторонних санкций Запада и тем более противодействовать им не приходится.

В этом смысле существует принципиальное различие между БРИКС и клубом западных демократий — «Группой семи», являющейся одним из важнейших форумов для координации санкционных режимов его стран-участниц. Наиболее рельефно беспрецедентный уровень такой координации можно наблюдать на примере ограничительных мер против России, введенных с февраля 2022 г. Среди предпринятых в рамках «Группы семи» усилий — установление в 2022 г. ценового потолка на российскую нефть и создание в 2023 г. Механизма координации соблюдения санкций (Enforcement Coordination Mechanism)[49], выпустившего в 2024 г. первое Руководство по предотвращению уклонения от санкций и экспортного контроля в отношении России[50]. Таким образом, «Группа семи» является не только площадкой для обсуждения подходов к санкциям и декларации позиций стран-участниц, как БРИКС, но и форумом для координации своих усилий с целью повышения эффективности принимаемых мер. Впрочем, этот сюжет заслуживает отдельного рассмотрения, особенно с учетом политики администрации Д. Трампа. Тем не менее это не отменяет того, что в вопросах санкционной политики БРИКС+ демонстрирует способность влиять на глобальный дискурс и распространять свою интерпретацию в качестве одного из ключевых нарративов.

[48] Например, на онлайн-саммите в сентябре 2025 г. к этому вновь призывал Иран. См. подробнее: Нефедова А. Указ. соч.

[49] Nardelli A., Jacobs J. G-7 set to create new tool to bolster enforcement of Russia sanctions // Bloomberg. 22.02.2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-22/g-7-readies-new-tool-to-bolster-enforcement-of-russia-sanctions (accessed: 05.03.2026).

[50] Sarhan A. et al. G7 guidance published on Russian sanctions evasion // DLA Piper (United States). 02.10.2024. URL: https://www.dlapiper.com/en-us/insights/publications/2024/10/g7-guidance-published-on-russian-sanctions-evasion (accessed: 05.03.2026).

* * *

Проблематика санкционного давления вызывает значительный резонанс в большинстве развивающихся стран. Ценности и принципы, отстаиваемые ими на международной арене, богатый опыт пребывания в роли подсанкционных стран и общность подходов к трансформации миропорядка определили отношение этих государств к санкциям и взгляды, продвигаемые ими в организациях и объединениях, участниками которых они являются. Одним из таких объединений стал БРИКС/БРИКС+, в рамках которого более десятилетия неизменно поднимаются различные вопросы, связанные с использованием односторонних санкций. Хотя нарративы о санкциях не являются центральными в рамках БРИКС/БРИКС+, в последние годы наблюдаются всё более частое их упоминание в итоговых декларациях и обозначение позиции стран объединения по поводу их применения.

В рамках формата сложилась система довольно устойчивых представлений о различных вопросах современной санкционной политики. Несмотря на некоторые расхождения по отдельным аспектам политики санкций, которые порой возникают, предателей «клубных» интересов не наблюдается, а позиции стран-участниц вписываются в общую палитру преобладающих в БРИКС+ настроений. Так, страны подчеркивают легитимность международных санкций и выступают против применения односторонних ограничительных мер, отмечая их многоаспектные деструктивные последствия. В условиях усиления межгосударственного соперничества и расширения использования односторонних рестрикций БРИКС+ постулирует иной, отличный от западного, взгляд на различные аспекты политики санкций. Однако формулировки по данной проблематике носят неконфронтационный характер, а трактовки тех или иных санкционных сюжетов отражают свой (традиционный для объединения) набор ценностей.

В условиях меняющегося геополитического ландшафта данный подход стран БРИКС+ сосуществует с тенденцией к расширению использования развивающимися государствами автономных санкций, что свидетельствует о двойственности и одновременно прагматичности их подхода. Прагматизм этих стран также проявляется в адаптивном поведении в условиях возрастающих рисков вторичных санкций.

Однако в БРИКС+ позиции по этим вопросам не выходят на рамки деклараций, а предпринимаемые меры на финансово-экономическом треке не представляют собой попытки противодействия санкционным кампаниям западных стран. При этом усиление давления со стороны США, наметившееся в последние годы, повышает вероятность интенсификации сотрудничества стран на этом направлении с целью снизить их потенциальную уязвимость перед лицом американских санкций. Впрочем, как представляется, в отсутствие экстраординарных вызовов эти усилия скорее будут носить поступательный (эволюционный) характер в силу специфики объединения и политики его участников. Тем не менее БРИКС+ предлагает свое альтернативное прочтение современной санкционной политики. Позиция группы относительно односторонних санкций, несомненно, вносит свой вклад в дискурс о трансформации миропорядка и построении подлинной многосторонности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2, № 4 (8). С. 56–84. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84.

2. Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 91–106.

3. Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 8–23. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.02.

4. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024.

5. Кошкарова Н.Н., Солопова О.А., Чудинов А.П. На пути к многополярному миру: метафоры в декларациях саммитов БРИКС // Полис. Политические исследования. 2025. № 3. С. 113–124. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.08.

6. Лисоволик Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 138–148. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148.

7. Новикова И.Н., Алексеева Е.В. Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения «БРИКС» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. № 2 (859). С. 44–52.

8. Оганисян Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 2. С. 116–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152.

9. Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Обозреватель. 2013. № 1 (276). С. 39–53.

10. Прохоренко И.Л. БРИКС: итоги председательства ЮАР и решение о расширении состава участников // Год планеты: Ежегодник / под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьёва. М.: Идея-Пресс, 2024. С. 107–114.

11. Прохоренко И.Л. Итоги председательства России в БРИКС // Год планеты: Ежегодник / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьёва. М.: Идея-Пресс, 2025. С. 111–118.

12. Солопова О.А., Кошкарова Н.Н. Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 4. С. 39–54. DOI: 10.31429/26190567-25-4-39-54.

13. Тимофеев И.Н. Вторичные санкции на российском направлении: опыт США, ЕС и Британии // Современная Европа. 2025. № 4. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0201708325040011.

14. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.

15. Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 2. С. 97–112.

16. Хейфец Б.А. БРИК: миф или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-9-72-80.

17. Хейфец Б.А. БРИКС плюс — закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31857/S0207367624010093.

18. Andal A.G.T., Muratshina K.G. Adjunct rather than alternative in global governance: an examination of BRICS as an international bloc through the perception of its members // Social Science Information. 2022. Vol. 61, No. 1. P. 77–99. DOI: 10.1177/05390184211068012.

19. BRICS and global governance / ed. by J. Kirton, M. Larionova. London: Routledge, 2018.

20. Cai C. China's position and practice concerning unilateral sanctions // Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions / ed. by Ch. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2021. P. 70–89.

21. Chauhan R. From pessimism to accommodation: India's stand and practice on unilateral sanctions // Research handbook on unilateral and

extraterritorial sanctions / ed. by Ch. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2021. P. 55–69.

22. Cooper A.F., Farooq A.B. BRICS and the privileging of informality in global governance // Global Policy. 2013. Vol. 4, No. 4. P. 428–433. DOI: 10.1111/1758-5899.12077.

23. Ferguson V.A. Putting your money where your mouth is not: China and Russia's implementation of economic sanctions // Journal of Global Security Studies. 2025. Vol. 10, No. 3. P. 1–21. DOI: 10.1093/jogss/ogaf010.

24. Hufbauer G.C., Shott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic sanctions reconsidered. Washington, D.C.: Peter G. Peterson Institute for International Economics, 2007.

25. Kapustin A., Khabriev B. Unilateral sanctions — a vestige of a unipolar world: the conceptualization of the legal position of the BRICS countries // BRICS Law Journal. 2019. Vol. 6, No. 4. P. 67–94. DOI: 10.21684/2412-2343-2019-6-4-67-94.

26. Moret E. Unilateral and extraterritorial sanctions in crisis: implications of their rising use and misuse in contemporary world politics // Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions / ed. by Ch. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2021. P. 19–36.

27. Nayyar D. BRICS, developing countries and global governance // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37, No. 4. P. 575–591.

28. Obajinmi O.J., Garba D. BRICS expansion and its challenges to the global economic order // FUDMA Journal of Humanities, Social Science and Creative Arts. 2025. Vol. 1. P. 80–88. DOI: 10.70882/fujohssaca.2025.v1(AHBSI).10.

29. Reilly J. China's unilateral sanctions // The Washington Quarterly. 2012. Vol. 35, No. 4. P. 121–133. DOI: 10.1080/0163660X.2012.726428.

30. Stuenkel O. The BRICS and the future of global order. Lanham: Lexington, 2015.

31. Thakur R. How representative are BRICS? // Third World Quarterly. 2014. Vol. 35, No. 10. P. 1791–1808. DOI: 10.1080/01436597.2014.971594.

32. Van Noort C. The construction of power in the strategic narratives of the BRICS // Global Society. 2019. Vol. 33, No. 4. P. 462–478. DOI: 10.1080/13600826.2019.1581733.

33. Wang W., Long C. A new era of «greater BRICS cooperation»: the future of the world and China's role // BRICS Journal of Economics. 2024. Vol. 5, No. 4. P. 37–54. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e129530.

REFERENCES

1. Bavaskar, R. (2024) 'BRICS v perekhodnyi period: kriticheskii analiz vozmozhnostei i problem v ramkakh formiruyushchegosya global'nogo poryadka' [BRICS in transition: a critical analysis of opportunities and challenges within an

emerging global order], *Contemporary World Economy*, 2(4), pp. 56–84. Available at: https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84. (In Russian.)

2. Gevorgyan, K.G. (2012) '"Odnostoronnie sanktsii" i mezhdunarodnoe pravo' ["Unilateral sanctions" and international law], *The International Affairs*, (8), pp. 91–106. (In Russian.)

3. Dynkin, A.A. (2024) 'Transformatsiya mirovogo poryadka: ekonomika, ideologiya, tekhnologii' [World order transformation: economy, ideology, technology], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), pp. 8–23. Available at: https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02. (In Russian.)

4. Kashin, V.B., Pyatachkova, A.S. and Krasheninnikova, L.S. (2020) 'Kitaiskaya politika v sfere primeneniya ekonomicheskikh sanktsii: teoriya i praktika' [Chinese economic sanctions policy: theory and practice], *Comparative Politics Russia*, 11(2), pp. 123–138. Available at: https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024. (In Russian.)

5. Koshkarova, N.N., Solopova, O.A. and Chudinov, A.P. (2025) 'Na puti k mnogopolyarnomu miru: metafory v deklaratsiyakh sammitov BRIKS' [On the way to a multipolar world: metaphors in the BRICS summits declarations], *Polis. Political Studies*, (3), pp. 113–124. Available at: https://doi.org/10.17976/jpps/2025.03.08. (In Russian.)

6. Lisovolik, Ya.D. (2023) 'BRIKS+ kak novaya sila v global'nom upravlenii' [BRICS-Plus: the new force in global governance], *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 138–148. Available at: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148. (In Russian.)

7. Novikova, I.N. and Alekseeva, E.V. (2025) 'Ispol'zovanie termina "Global'nyi Yug" v diskurse ob"edineniya "BRIKS"' [Usage of the term 'Global South' in the BRICS discourse], *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, (2), pp. 44–52. (In Russian.)

8. Oganisyan, L.D. (2023) 'Gumanitarnaya pomoshch' pod sanktsiyami: ot postanovki problemy k poiskam reshenii' [Humanitarian aid under sanctions: from the problem statement to the search for solutions], *Lomonosov World Politics Journal*, 15(2), pp. 116–152. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152. (In Russian.)

9. Panova, V.V. (2013) 'BRIKS: problemy vzaimodeistviya i potentsial sotrudnichestva' [BRICS: problems of interaction and potential for cooperation], *Observer*, (1), pp. 39–53. (In Russian.)

10. Prokhorenko, I.L. (2024) 'BRIKS: itogi predsedatel'stva YuAR i reshenie o rasshirenii sostava uchastnikov' [BRICS: the outcome of the South African chairmanship and decision on membership expansion], in V.G. Baranovskii and E.G. Solov'ev (eds) *God planety: Ezhegodnik* [Year of the planet: yearbook]. Moscow: Ideya-Press Publ., pp. 107–114. (In Russian.)

11. Prokhorenko, I.L. (2025) 'Itogi predsedatel'stva Rossii v BRIKS' [Results of Russia's BRICS presidency], in V.G. Baranovskii and E.G. Solov'ev (eds) *God*

planety: Ezhegodnik [Year of the planet: yearbook]. Moscow: Ideya-Press Publ., pp. 111–118. (In Russian.)

12. Solopova, O.A. and Koshkarova, N.N. (2024) 'Dobroe bratstvo luchshe bogatstva: semeinyaya metafora v diskursakh stran BRIKS' [Good brotherhood is the best wealth: family metaphor in BRICS' discourses], *South-Russian Journal of Social Sciences*, 25(4), pp. 39–54. Available at: https://doi.org/10.31429/26190567-25-4-39-54. (In Russian.)

13. Timofeev, I.N. (2025) 'Vtorichnye sanktsii na rossiiskom napravlenii: opyt SShA, ES i Britanii' [The US, the UK and the EU secondary sanctions related to Russia: comparative analysis], *Contemporary Europe*, (4), pp. 5–17. Available at: https://doi.org/10.31857/S0201708325040011. (In Russian.)

14. Timofeev, I.N. (2018) 'Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie' [Economic sanctions as a concept of power politics], *MGIMO Review of International Relations*, (2), pp. 26–42. Available at: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. (In Russian.)

15. Toloraya, G.D. and Chukov, R.S. (2016) 'Rasschityvat' li na BRIKS?' [BRICS to be considered?], *International Organisations Research Journal*, 11(2), pp. 97–112. (In Russian.)

16. Kheifets, B.A. (2010) 'BRIK: mif ili real'nost'?' [BRIC: myth or reality?], *World Economy and International Relations*, (9), pp. 72–80. Available at: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-9-72-80. (In Russian.)

17. Kheifets, B.A. (2024) 'BRIKS plyus — zakonomernyi rezul'tat nakopitel'noi integratsii v usloviyakh geopoliticheskoi fragmentatsii mirovoi ekonomiki' [BRICS Plus is a natural outcome of cumulative integration in the context of geopolitical fragmentation of the world economy], *Society and Economics*, (1), pp. 109–121. Available at: https://doi.org/10.31857/S0207367624010093. (In Russian.)

18. Andal, A.G.T. and Muratshina, K.G. (2022) 'Adjunct rather than alternative in global governance: an examination of BRICS as an international bloc through the perception of its members', *Social Science Information*, 61(1), pp. 77–99. Available at: https://doi.org/10.1177/05390184211068012.

19. Kirton, J. and Larionova, M. (eds) (2018) *BRICS and global governance*. London: Routledge.

20. Cai, C. (2021) 'China's position and practice concerning unilateral sanctions', in Beaucillon, Ch. (ed.) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., pp. 70–89.

21. Chauhan, R. (2021) 'From pessimism to accommodation: India's stand and practice on unilateral sanctions', in Ch. Beaucillon (ed.) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., pp. 55–69.

22. Cooper, A.F. and Farooq, A.B. (2013) 'BRICS and the privileging of informality in global governance', *Global Policy*, 4(4), pp. 428–433. Available at: https://doi.org/10.1111/1758-5899.12077.

23. Ferguson, V.A. (2025) 'Putting your money where your mouth is not: China and Russia's implementation of economic sanctions', *Journal of Global Security Studies*, 10(3), pp. 1–21. Available at: https://doi.org/10.1093/jogss/ogaf010.

24. Hufbauer, G.C., Shott, J.J., Elliott, K.A. and Oegg, B. (2007) *Economic sanctions reconsidered*. Washington, D.C.: Peter G. Peterson Institute for International Economics.

25. Kapustin, A. and Khabriev, B. (2019) 'Unilateral sanctions — a vestige of a unipolar world: the conceptualization of the legal position of the BRICS countries', *BRICS Law Journal*, 6(4), pp. 67–94. Available at: https://doi.org/10.21684/2412-2343-2019-6-4-67-94.

26. Moret, E. (2021) 'Unilateral and extraterritorial sanctions in crisis: implications of their rising use and misuse in contemporary world politics', in Ch. Beaucillon (ed.) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., pp. 19–36.

27. Nayyar, D. (2016) 'BRICS, developing countries and global governance', *Third World Quarterly*, 37(4), pp. 575–591.

28. Obajinmi, O.J. and Garba, D. (2025) 'BRICS expansion and its challenges to the global economic order', *FUDMA Journal of Humanities, Social Science and Creative Arts*, 1, pp. 80–88. Available at: https://doi.org/10.70882/fujohssaca.2025.v1(AHBSI).10.

29. Reilly, J. (2012) 'China's unilateral sanctions', *The Washington Quarterly*, 35(4), pp. 121–133. Available at: https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726428.

30. Stuenkel, O. (2015) *The BRICS and the future of global order*. Lanham: Lexington.

31. Thakur, R. (2014) 'How representative are BRICS?', *Third World Quarterly*, 35(10), pp. 1791–1808. Available at: https://doi.org/10.1080/01436597.2014.971594.

32. Van Noort, C. (2019) 'The construction of power in the strategic narratives of the BRICS', *Global Society*, 33(4), pp. 462–478. Available at: https://doi.org/10.1080/13600826.2019.1581733.

33. Wang, W. and Long, C. (2024) 'A new era of "greater BRICS cooperation": the future of the world and China's role', *BRICS Journal of Economics*, 5(4), pp. 37–54. Available at: https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e129530.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025;
принята к публикации 03.01.2026

The paper was submitted 27.09.2025;
approved after reviewing 03.12.2025;
accepted for publication 03.01.2026

ТЕМА В ФОКУСЕ: СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ
И КОНТУРЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80

Научная статья / Research paper

К.В. Бабаев*

АЗИАТСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ И ГЕОЭКОНОМИКЕ

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и Современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

В последние годы происходит переориентация российской внешней политики и экономической деятельности в восточном направлении, что оказывает заметное влияние не только на Азиатский регион, но и на мировую политику в целом. В настоящей статье предпринимается попытка проследить ключевые эффекты российской политики «разворота на Восток» для международных отношений. В первом разделе статьи оцениваются последствия нового внешнеполитического курса России для Азиатского региона. В этом контексте автор обращает особое внимание на активизацию российской дипломатии на площадке ШОС, а также в рамках продвижения таких масштабных проектов, как международные транспортные коридоры «Восток — Запад» и «Север — Юг», Северный морской путь и газопровод «Сила Сибири 2». Во втором разделе рассматриваются последствия российско-китайского сближения для международных отношений. В частности, отмечается, что складывание стратегического альянса России и КНР актуализировало вопрос об укреплении уже существующих незападных форматов многостороннего сотрудничества, включая БРИКС и ШОС, и придало импульс развитию новых макрорегиональных проектов типа Большого евразийского партнерства. В заключение делается вывод, что система международных отношений переходит к модели «холодной войны 2.0», в рамках которой стагнирующему западному лагерю во главе с США будет противостоять динамично развивающийся Глобальный Юг.

* *Бабаев Кирилл Владимирович* — доктор филологических наук, профессор, директор Института Китая и современной Азии РАН (e-mail: kbabaev@iccaras.ru; ORCID: 0000-0001-5731-8667).

© Бабаев К.В., 2026

Ключевые слова: мировой порядок, мировая политика, мировая экономика, система международных отношений, поворот на Восток, Россия, Китай, ШОС, Большое евразийское партнерство, Глобальный Юг, Большая Евразия

Для цитирования: Бабаев К.В. Азиатская стратегия России в современной геополитике и геоэкономике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 62–80. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80.

Kirill V. Babaev

RUSSIA'S ASIAN STRATEGY IN CONTEMPORARY GEOPOLITICS AND GEOECONOMICS

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

In recent years, Russian foreign policy and economic activity have been reorienting eastward, which has a noticeable impact not only on the Asian region, but also on the world politics as a whole. This article traces the key effects of Russia's 'pivot to the East' policy on international relations. The first section assesses the consequences of Russia's new foreign policy course for the Asian region. In this context, the author highlights the intensification of Russian diplomacy within the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as in the promotion of large-scale projects such as the 'East–West' and 'North–South' international transport corridors, the Northern Sea Route, and the 'Power of Siberia 2' gas pipeline. The second section examines the implications of the Russia–China rapprochement for international relations. Specifically, the author emphasizes that the forging of a strategic alliance between Russia and the People's Republic of China has provided impetus for both the strengthening of existing non-Western multilateral cooperation formats, including BRICS and the SCO, and the development of new macro-regional projects such as the Greater Eurasian Partnership. The article concludes that the international relations system is transitioning toward a 'Cold War 2.0' model, in which the stagnating Western camp led by the United States will be counterbalanced by a dynamically developing Global South.

Keywords: world order, world politics, world economy, system of international relations, pivot to the East, Russia, China, SCO, Greater Eurasian Partnership, Global South, Greater Eurasia

About the author: *Kirill V. Babaev* — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: kbabaev@iccaras.ru; ORCID: 0000-0001-5731-8667).

For citation: Babaev, K.V. (2026) 'Russia's Asian strategy in contemporary geopolitics and geoeconomics', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 62–80. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80. (In Russian.)

Начиная с середины 2010-х гг. Россия активно развивает азиатское направление своей внешней политики и внешнеэкономической деятельности. Этот процесс, в ходе которого Азия становится приоритетным регионом для отечественной дипломатии, торговли и межкультурного взаимодействия, часто называют «поворотом на Восток». В то же время более правильно было бы говорить о ребалансировке внешнеполитических и внешнеэкономических интересов России, ранее в течение длительного времени сосредоточенных в основном в Европе и странах СНГ.

Изменение основного вектора российской внешнеполитической деятельности имеет далеко идущие последствия не только для нашей страны, но и для всей мировой политики. В частности, российский «поворот на Восток» запускает процесс формирования амбициозного проекта Большой Евразии, который был бы невозможен без участия РФ. Помимо этого российская переориентация на Азию способствует созданию новых формальных и неформальных двусторонних союзов в политике и экономике, по крайней мере один из которых (Россия — Китай) уже имеет глобальный характер и на ближайшее десятилетие будет во многом определять геополитическую ситуацию в мире [Бабаев, 2024а]. Весьма важные последствия имеет российская переориентация на Азию для Европейского континента, прежде всего для стран Европейского союза.

Разрыв между Россией и Западом и лишь отчасти связанный с ним «азиатский поворот» нашей страны — один из важнейших геополитических трендов современного мира, что определяет высокую актуальность данной статьи. Этот вопрос, безусловно, заслуживает объемного исследования на уровне научной монографии. Однако, несмотря на это, на сегодняшний день в российской и зарубежной литературе ощущается недостаток научных публикаций на эту тему,

что в первую очередь связано с быстрыми темпами переориентации внешней политики России на сравнительно непродолжительном временном интервале. Не все эффекты этой переориентации проявились в полной мере, и тем более интересно спрогнозировать развитие некоторых из них.

Говоря о наиболее современных отечественных исследованиях, можно выделить статью С.А. Караганова и И.С. Козылова, одного из признанных авторов концепций «сибиризации» России и ее «поворота на Восток» [Караганов, Козылов, 2025]. В последние годы особое внимание уделяется изучению перспектив российской экономической переориентации в азиатском направлении [Лузянин, 2022; Мосяков и др., 2024; Николаенко, Куркина, 2025]. Ретроспектива десятилетия восточной политики России подробно рассмотрена в работе А.С. Науменко [Науменко, 2025]. О проблемах и рисках, возникающих на пути российской внешней и внешнеэкономической политики в ходе усиления восточного направления, пишут А.В. Торкунов и Д.В. Стрельцов [Торкунов, Стрельцов, 2023], а также Ю.В. Ельникова [Ельникова, 2024]. Российско-китайское сотрудничество как важнейший фактор российской восточной политики освещается в работе В.В. Михеева [Михеев, 2025].

Зарубежные авторы, исследующие современное развитие международных отношений [см., например: Duchynski, 2021; Hong, 2024; Lewis, 2019; Wisniewska, 2024], в большинстве случаев вынуждены учитывать негативный образ России, закрепившийся в сознании западных элит, и публиковать политически «корректные», т. е. резко негативные оценки происходящего[1], что существенно снижает ценность таких исследований как объективно научных.

В последние годы появляются публикации китайских ученых и экспертов, анализирующих изменения в российской политике и их последствия как для мира в целом, так и для Азиатского региона и, собственно, для Китая. Взгляд «с китайской пагоды» настолько же интересен, насколько и субъективен. И русскоязычные работы, и публикации на китайском языке сосредоточены в основном на российско-китайских отношениях и их перспективах в условиях нового фокуса российской внешней политики [Гао, 2025; Инь, 2023;

[1] См., например: Turning East: How Russia's ambitions in Asia are confronted by reality // New Eurasian Strategies Centre. 12.09.2025. URL: https://nestcentre.org/turning-east/ (accessed: 15.01.2026).

Линь, 2024; Чжан, 2025]. В других работах исследуются различные направления развития российской экономики и внешней торговли в условиях закрытия западных рынков [Гу, 2023; Фэн и др., 2024; Хуан, Ван, 2024; Цюй, 2023; Шан, 2023], однако и эти публикации в основном касаются перспектив «азиатского поворота» Москвы с точки зрения реализации интересов Китая и в контексте китайско-российского взаимодействия.

Настоящая работа, написанная в рамках запуска на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Институтом Китая и современной Азии РАН новой магистерской программы «Современная Азия в многополярном мировом порядке», имеет целью кратко суммировать основные эффекты российского «поворота на Восток», которые могут оказать значительное влияние на мировую политику в период до 2050 г.

Последствия «восточного поворота» России для политики и экономики в Азии

Переориентация российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности на Юг и Восток стартовала после 2014 г., однако в полной мере этот процесс проявился в 2022 г., после создания странами Запада искусственного «железного занавеса» на западных границах России. Наиболее наглядно об этом свидетельствуют показатели внешней торговли. В 2021 г. на долю ЕС приходилось 36% российского товарооборота, на долю Китая — вдвое меньше (18%)[2]. Но уже в 2023 г. доля КНР во внешней торговле России выросла почти до 34%, а доля ЕС сократилась до 12,5%[3]. За период 2022–2025 гг. практически прекратились внешнеполитические отношения между Россией и странами Европейского союза, научный и студенческий обмен, в несколько раз упал туристический поток в обе стороны. В то же время цифры, описывающие взаимодействие с КНР в тех же сферах, напротив, показывали значительный рост, в результате чего по итогам 2024 г. Китай стал лидером среди стран дальнего

[2] Экспорт-импорт России за январь-декабрь 2021 года // Optimalog. 08.02.2022. URL: https://optimalog.ru/articles/novosti-otrasli/eksport-import-rossii-za-yanvar-dekabr-2021-goda/ (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Загвоздкина К. Товарооборот России и ЕС вырос впервые с ноября 2023 года // Forbes. 20.09.2024. URL: https://www.forbes.ru/biznes/521585-tovarooborot-rossii-i-es-vyros-vpervye-s-noabra-2023-goda (дата обращения: 15.01.2026).

зарубежья по числу туристических, деловых и образовательных поездок россиян [Линь, 2025].

Эти процессы оказали определяющее влияние на экономику и внешнюю политику России [см. подробнее: Бабаев, Лузянин, 2024]. Однако важно оценить, какой эффект имела восточная переориентация РФ в самих государствах Азии.

В первую очередь необходимо упомянуть консолидацию и рост Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). За последние годы она расширялась уже дважды: в 2023 г. к ней присоединился Иран, в 2024 г. — Белоруссия. В течение 2022–2025 гг. постоянно растет количество стран — партнеров ШОС по диалогу, их число достигло 14. При этом две такие страны — Армения и Азербайджан — в 2025 г. официально подали заявки на вступление в состав полноправных членов ШОС (эти заявки, правда, пока остаются блокированными).

Саммит организации 2025 г., прошедший в китайском Тяньцзине, запомнился существенным углублением взаимодействия стран объединения в таких областях, как финансы, высокие технологии, торговля и транспорт. Многие наблюдатели называли этот саммит «беспрецедентным» именно из-за количества весьма содержательных документов, которые удалось подписать[4]. Однако важно и то, что в тяньцзиньском саммите принимали участие не только главы государств — членов ШОС, но и высокопоставленные гости, в частности генеральный секретарь ООН и лидеры двух стран — членов НАТО — Турции и Словакии.

Активность, проявляемая ШОС в последние годы, и усиление влияния этой организации, о котором в Тяньцзине говорили практически все главы государств, не в последнюю очередь объясняется активизацией усилий России по инициированию новых проектов в области экономики и безопасности.

Наиболее амбициозными проектами, продвигаемыми Москвой на уровне двусторонних контактов со странами ШОС и в целом в рамках организации, являются инициативы в области транспортировки и логистики. На сегодняшний день их четыре:

1) транспортный коридор «Восток — Запад» (в который вовлечены Россия, Казахстан, Монголия и Китай);

[4] Макаревич Г. А плодов не хвалят сразу: итоги 25-го саммита ШОС для Индии и Пакистана // РСМД. 10.09.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/a-plodov-ne-khvalyat-srazu-itogi-25-go-sammita-shos-dlya-indii-i-pakistana/?sphrase_id=234444210 (дата обращения: 15.01.2026).

2) транспортный коридор «Север — Юг» (Россия, Азербайджан, Иран, Пакистан, Индия, а также, возможно, Казахстан, страны Центральной Азии и Афганистан);

3) газопровод «Сила Сибири 2» и его ответвление «Союз — Восток» (Россия, Монголия, Китай»);

4) Северный морской путь (СМП).

Все четыре проекта в случае их успешного осуществления смогут сыграть определяющую роль в экономическом развитии евразийского материка и формировании единой Большой Евразии. Важнейшую, хотя и не столь масштабную роль они будут играть для экономики и внешней политики государств Азии, причем не только тех, которые вовлечены в указанные инициативы. И хотя все четыре проекта имеют весьма давнюю историю, импульс к их разработке и осуществлению придала именно восточная переориентация России с 2022 г.

Транспортный коридор «Запад — Восток» изначально рассматривался как наиболее эффективный сухопутный маршрут транспортировки товаров между Китаем и Европой через территорию Казахстана и России (либо через Казахстан, Закавказье и Турцию). Сегодня это перспективный транспортный маршрут прежде всего для самой России, а также Белоруссии. С учетом того, что за последнее десятилетие товарооборот между РФ и КНР вырос почти втрое, коридор «Восток — Запад» приобретает большое геоэкономическое значение. Российская сторона неоднократно подчеркивала, что рассматривает его не только как маршрут с конечной точкой в Китае, но и как перспективный путь для торгово-экономического взаимодействия со странами АСЕАН. Фактически реализация этого проекта, особенно вкупе с амбициозной и в целом схожей китайской инициативой «Пояс и путь» (ИПП), позволит сформировать единую ось торгового взаимодействия между европейской частью России и всей Восточной и Юго-Восточной Азией [Golubev, 2025].

В перспективе, после неизбежного завершения конфликта на Украине и возобновления торгово-экономических связей между РФ и ЕС, коридор «Запад — Восток» сможет служить своей первоначальной цели, т. е. соединять Европу и Восточную Азию. С точки зрения геополитики и геоэкономики его вес сможет сравниться со значением Великого шелкового пути в Средневековье.

Еще более важной представляется реализация транспортного коридора «Север — Юг». Предполагается, что основное его направление пройдет через Россию и Азербайджан (а также Грузию)

в Иран, а оттуда — через Аравийское море или, в перспективе, через Пакистан в Индию. В условиях резкого роста товарооборота между Россией и Ираном, Россией и Индией можно ожидать, что маршрут будет весьма востребован. Государства Центральной Азии, Казахстан и Афганистан весьма заинтересованы в том, чтобы альтернативные маршруты указанного коридора проходили также через их территории [Chediya et al., 2025].

С экономической точки зрения реализация проекта будет означать существенное усиление связи между Россией и Индией — двумя из трех крупнейших экономик Евразии [Zakharov, 2023], а также укрепление их влияния как в Иране, так и в государствах бывшего СССР в Закавказье и Центральной Азии. С точки зрения геополитики такой маршрут позволит России и Индии повысить статус стратегического партнерства, ослабит зависимость Индии от США, даст Дели возможность обрести подлинную стратегическую автономию, являющуюся одной из целей внешней политики страны. Россия получит серьезные рычаги воздействия на государства Закавказья и Центральной Азии. Возможно, реализация проекта позволит вовлечь Афганистан в полноценное сотрудничество с его соседями, интегрировать наиболее нестабильную страну Евразии в современные международные отношения.

Особую роль в упрочении партнерства между двумя сверхдержавами Евразии — Россией и Китаем — может сыграть газопровод «Сила Сибири 2». Именно в 2025 г. в осуществлении этого многообещающего проекта был сделан прорыв: в ходе визита президента России в Пекин был подписан юридически обязывающий меморандум о строительстве газопровода «Сила Сибири 2» и транзитного газопровода через Монголию «Союз Восток»[5]. Поставки газа по новому маршруту составят 50 млрд кубометров в год, контракт рассчитан на 30 лет. Не только для трех стран-участниц, но и для всей Евразии этот проект имеет большое значение. Он позволяет рассчитывать на несколько десятилетий взаимовыгодного сотрудничества двух ядерных держав, исходя из взаимной зависимости их экономик. Как известно, в 1970-е гг. именно нефте- и газопроводы позволили Советскому Союзу наладить подобное сотрудничество

[5] Миллер сообщил о подписании обязывающего меморандума о строительстве «Силы Сибири 2» // Интерфакс. 02.09.2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1045247 (дата обращения: 15.01.2026).

со странами Западной Европы, продолжавшееся вплоть до украинского конфликта. Газопровод в Китай, который сделает Россию ключевым поставщиком энергоносителей, позволит двум странам рассчитывать на дальнейшее сближение, что, безусловно, окажет влияние на общую систему безопасности в Евразии.

Наконец, СМП в последние годы также привлек к себе более пристальное внимание как российских властей, так и дипломатов стран Азии. Несмотря на то что его экономическая целесообразность была очевидна еще в 1990-е гг., процесс освоения этого чрезвычайно перспективного международного маршрута с участием азиатских государств был запущен только в 2024 г., когда РФ и КНР подписали протокол об учреждении подкомиссии по сотрудничеству по СМП. Председателем подкомиссии с российской стороны утвержден гендиректор госкорпорации «Росатом», с китайской — министр транспорта КНР. Летом 2025 г. первое судно с товарами из Китая преодолело маршрут в Европу через СМП, а в октябре Россия и Китай утвердили план мероприятий по дальнейшему развитию перевозок по этому коридору. Сегодня российское правительство, Внешэкономбанк и ведущие госкорпорации разрабатывают планы по формированию консорциума с целым рядом стран Евразии, заинтересованных в развитии СМП, который на треть сокращает сроки доставки товаров в европейские порты. В качестве участников проекта могут рассматриваться, помимо КНР, также Индия, Вьетнам, Южная Корея и Япония — все они в разное время выражали заинтересованность в данном маршруте. Участие зарубежных инвесторов будет ключевым условием для скорейшего создания необходимой инфраструктуры.

Будучи чисто транспортно-логистическим проектом, направленным на снижение стоимости морских перевозок, СМП на самом деле обладает и значительным политическим потенциалом. В случае перенаправления хотя бы части морских транспортных потоков из Индийского в Северный Ледовитый океан резко снижается зависимость Китая от Соединенных Штатов, в разной степени осуществляющих контроль над проливами и торговыми путями из Тихого океана в Индийский. Это условие станет особенно актуальным в случае начала горячей фазы тайваньского конфликта. Если сегодня КНР не может пойти на обострение, опасаясь проблем для своих транспортных артерий в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море, то использование СМП даст Пекину бо́льшую свободу для

маневра, что позволит быстро перенаправить транспортный поток из южных морей в северные [Шэнь, 2022].

Кроме того, инфраструктура СМП будет играть и весьма важную военно-политическую роль в Арктике, что приведет к резкому росту возможностей России по контролю над Северным Ледовитым океаном [Алхименко, 2023]. Возможно, Китай также попытается воспользоваться своим участием в проекте развития СМП, для того чтобы упрочить свое значение как «приарктического» государства и с помощью экономических рычагов усилить влияние на государства Северной Европы.

Основные эффекты «восточного поворота» России для мировой политики

Основным последствием разрыва Западом отношений с Россией стало, безусловно, ее беспрецедентное сближение с Китаем, в результате которого сформировался полноценный, хотя и неформальный, стратегический альянс между двумя из трех сверхдержав на мировой арене. Этот альянс стал прямым следствием недальновидной политики США, отказавшихся в 2021 г. принимать во внимание российские национальные интересы в Европе. Это неоднократно признавал и президент Д. Трамп[6]. Двойная политика «сдерживания» КНР и «изоляции» России, проводившаяся несколькими подряд демократическими администрациями в Вашингтоне, потерпела фиаско. На сегодняшний день Россия и Китай, во-первых, координируют свои позиции в Совете Безопасности и других органах ООН, во-вторых, оказывают активную дипломатическую поддержку друг другу по наиболее чувствительным внешнеполитическим вопросам (Украина и Тайвань), занимают единую позицию по проблемам будущего мироустройства и системы глобального управления (например, относительно неприемлемости односторонних санкций, уважения политических и общественных систем всех стран, инклюзивной безопасности). За последние четыре года Россия и Китай значительно укрепили как военное, так и военно-техническое сотрудничество, регулярно организуя совместные учения как на суше, так и в акваториях Тихого и Индийского океанов. В области экономического

[6] Дуганова П. Трамп назвал Россию и Китай естественными врагами // РБК. 16.08.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/689fe95e9a79477ac4798438 (дата обращения: 15.01.2026).

сотрудничества обе державы проводят политику дедолларизации и практически полностью перешли на расчеты в национальных валютах, постепенно формируя единую финансово-платежную инфраструктуру. Сближение России с Ираном и КНДР, а Китая — с Пакистаном де-факто формирует систему политических и военно-политических союзов вокруг оси «Москва — Пекин».

Стратегическое партнерство России и Китая придало новый импульс многосторонним форматам, где они являются основными драйверами. Представляется очевидным, что расширение и усиление ШОС, о котором говорилось выше, не могло бы происходить без активного вовлечения России. Однако то же можно сказать и о формате БРИКС: наиболее мощный рост этого объединения произошел именно в 2023–2025 гг. Напомним, что состав БРИКС сформировался еще в 2011 г. и до 2023 г. не менялся. С января 2024 г. полноправными членами объединения стали Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ и Индонезия — важные региональные игроки на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В 2025 г. целых 10 стран, представляющих Африку, Азию и Латинскую Америку, получили статус партнеров БРИКС. Официальные заявки на вступление в объединение подали еще 17 государств. Ожидается, что на саммите 2026 г. будет продолжен диалог о вступлении новых членов.

Причинами столь быстрого роста роли и популярности БРИКС является ситуация, сложившаяся в отношениях между Россией и Западом. Страны Глобального Юга стремятся избежать рисков доминирования США в мировой экономике и торговле, налаживая новые связи между собой. Зависимость от доллара, хранение суверенных средств в западных валютах и финансовых институтах, внезапное введение торговых пошлин, арест или конфискация активов, давление на правительства или вмешательство в политическую ситуацию в стране — всё это представляется большинству государств Глобального Юга в свете той политики, которую США и их союзники проводят в отношении России, как реальная угроза их собственным интересам. Это вызывает среди них ощущение незащищенности и стремление сформировать новую, альтернативную инфраструктуру торговли, финансов, новые форматы в области безопасности, которые будут неподконтрольны Вашингтону. Политика администрации Д. Трампа, основанная на использовании силы безо всякой опоры на дипломатию и компромиссы, способна еще более усилить эту тенденцию.

В результате формируются и усиливаются новые многосторонние форматы, дающие определенную страховку странам мирового большинства от западного давления. Разумеется, в отсутствие других полюсов силы они формируются прежде всего вокруг крупнейших незападных ядерных держав — России, Китая, Индии.

Потенциальным неформальным объединением, которое может обрести конкретные очертания в ближайшие годы, является Большая Евразия. Концепция Большого евразийского партнерства (БЕП) была выдвинута российским президентом еще в 2015 г., однако сейчас, по прошествии десятилетия, она получает более определенные очертания. Принципы БЕП — равноправие больших и малых стран, взаимное уважение национальных интересов, единое торговое, финансовое и транспортно-логистическое пространство без границ и искусственных ограничений — в последние годы всё более привлекает государства Южной и Восточной Азии, Ближнего Востока. В КНР видят Большую Евразию как естественное продолжение своего проекта ИПП, а в Индии — напротив, как альтернативу, способную уравновесить ИПП и сбалансировать растущую экономическую мощь Китая.

БЕП рассматривается как единое пространство не только государств, но и международных объединений. Такие организации, как ШОС, СНГ, Евразийский экономический союз, уже восприняли идею Большой Евразии и используют это понятие в совместных заявлениях. «Большая Евразия» звучит с трибун мероприятий Совещания по безопасности и мерам доверия в Азии (СВМДА)[7] и Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ). Россия активно стремится вовлечь в проект и другие многосторонние форматы, включая АСЕАН и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Поскольку БЕП не имеет военно-политического измерения и рассматривается лишь как оформление единого пространства экономического партнерства в Евразии, эта концепция обладает привлекательностью для всех без исключения стран от Калининграда до Сингапура и потому обладает большим потенциалом. Активная дипломатическая и внешнеэкономическая деятельность России вполне может превратить идею БЕП в полноценный международный формат уже к концу текущего десятилетия

[7] Лавров обсудил с генсеком СВМДА ключевую повестку Большой Евразии // ТАСС. 11.02.2025. URL: https://tass.ru/politika/23111657 (дата обращения: 15.01.2026).

и тем самым воплотить давнюю мечту части российской интеллигенции о России как объединителе Европы и Азии [Филькевич, 2024].

* * *

Российский «поворот на Восток», активно обсуждавшийся еще с начала 2010-х гг., стал реальностью лишь в последние четыре года. Этот процесс в свою очередь является и отражением, и катализатором перестройки глобальных политических и экономических связей, постепенной смены парадигмы всего глобального управления.

Для мировой политики разрыв России с Западом означает прежде всего стратегический альянс двух из трех крупнейших ядерных держав — России и Китая, фактически направленный на противодействие глобальному доминированию третьей — Соединенных Штатов. Вокруг российско-китайского альянса формируется инфраструктура будущей системы международных отношений: совместными усилиями две страны развивают региональные и глобальные форматы в сфере экономики, технологий и безопасности, такие как ШОС и БРИКС. При всё более активном участии Индии становится возможным формирование единого экономического пространства в Евразии в виде БЕП: в будущем это пространство может послужить моделью для новой глобализации на основе иных, незападных принципов.

Российский импульс на восточном и южном направлениях способен значительно оживить не только ее двусторонние связи с государствами Азии, но и всю азиатскую экономику, чему будет способствовать реализация четырех транспортно-логистических проектов с российским участием: коридоров «Север — Юг» и «Запад — Восток», газопровода «Сила Сибири 2» (и ему подобных газотранспортных проектов в южном направлении), а также СМП.

По сути, если рассматривать текущую геополитическую ситуацию в ретроспективе, мир переходит к модели «Второй холодной войны» [Бабаев, 2024b], когда мировая политика будет определяться взаимодействием и противостоянием двух лагерей — восточного и западного. Однако, в отличие от холодной войны XX в., восточный лагерь сегодня включает крупнейшие мировые экономики и динамично развивающийся Глобальный Юг, а западный концентрируется по-прежнему вокруг стагнирующих стран Запада. Новая система международных отношений, скорее всего, окончательно оформится уже к 2030 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алхименко С.И. Северный морской путь и геополитика России в Арктике // Морские исследования на Дальнем Востоке. Вопросы использования флота компании группы ПАО «Совкомфлот»: сборник докладов VI научно-практической конференции «Морские исследования на Дальнем Востоке», Владивосток, 23 ноября 2023 г. Владивосток: Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, 2023. С. 89–94.

2. Бабаев К.В. Вторая холодная война // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 8 (656). С. 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013.

3. Бабаев К.В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток // Экономика Центральной Азии. 2024. Т. 8, № 2. С. 91–110. DOI: 10.18334/asia.8.2.121012.

4. Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России, 2014–2024. М.: Российская академия наук, 2024.

5. Гао Ц. Китайско-российское сотрудничество на Дальнем Востоке в контексте взаимодействия «открытости на Север» и «поворота на Восток» // Экономика региона. 2025. Т. 21, № 3. С. 802–816. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-16.

6. Гу В. Секьюритизация стратегии продвижения России на Восток: характеристики, мотивы и перспективы // Журнал исследований Северо-Восточной Азии. 2023. № 2 (67). С. 57–74. (На китайском яз.)

7. Ельникова Ю.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С. 9–20. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764.

8. Инь С. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия» // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 32–37. DOI: 10.24158/pep.2023.5.4.

9. Караганов С.А., Козылов И.С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1 (131). С. 221–229. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229.

10. Линь Л. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 194–200. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200.

11. Линь Л. Стратегия поворота на Восток: эволюция и влияние на китайско-российские отношения // Власть. 2025. Т. 33, № 1. С. 15–22. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-15-22.

12. Лузянин С.Г. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750020426-0.

13. Михеев В.В. Повернуть Восток к России: фактор Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18, № 4. С. 7–45. DOI: 10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45.

14. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191.

15. Науменко А.С. Российская политика поворота на Восток, 2014–2024 гг.: основные результаты // Власть. 2025. Т. 33, № 2. С. 86–90. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-86-90.

16. Николаенко А.В., Куркина Е.Н. Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1 (51). С. 141–149. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-141-149.

17. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 4. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16.

18. Филькевич И.А. Большое евразийское партнерство: от Николая Данилевского до Владимира Путина // Евразийский диалог. 2024. № 1. URL: https://eadialog.com/tpost/mfmyg2lhf1-i-filkevich-bolshoe-evraziiskoe-partnyor (дата обращения: 15.01.2026).

19. Фэн Ш. и др. Кризис и порядок: проблемы глобальной трансформации в XXI веке // Российские исследования. 2024. № 3. С. 3–24. (На китайском яз.)

20. Хуан Д., Ван И. Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 18–30. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30.

21. Цюй В. Валютная трансформация России и использование юаня в российской экономике // Российские исследования. 2023. № 6. С. 45–69. (На китайском яз.)

22. Чжан Ц. Китайско-российское морское сотрудничество в контексте стратегии России «Поворот на Восток» // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и океанографические исследования. 2025. № 2. (На китайском яз.)

23. Шан Ю. На фоне украинского кризиса Россия ускоряет свой «поворот на Восток» // Современные международные отношения. 2023. № 4. (На китайском яз.)

24. Шэнь Ч. Глобальное значение Северного морского пути и роль Китая в данном транспортном коридоре // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 5. С. 155–169.

25. Chediya A.R., Imamkulieva E.E., Razdrih M. International North-South transport corridor: socio-political reasons of development // Asia and Africa Today. 2025. No. 6. P. 62–69. DOI: 10.31857/S0321507525060079.

26. Duchynski K.R. Looking East: evaluating Russia's pivot to Asia: PhD thesis. Stanford, 2021. URL: https://purl.stanford.edu/gg245sb8154 (accessed: 15.01.2026).

27. Golubev A.A. History and prospects of the international East — West transport corridor // BRICS Transport. 2025. Vol. 4, No. 2. DOI: 10.46684/2025.2.5.

28. Hong W.-S. The Putin paradox and Russia's pivot to Asia // Global Asia. 2024. Vol. 19, No. 2. URL: https://www.globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (accessed: 15.01.2026).

29. Lewis D. Strategic culture and Russia's «Pivot to the East»: Russia, China, and «Greater Eurasia» // George C. Marshall European Center for Security Studies. July 2019. No. 34. URL: https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0 (accessed: 15.01.2026).

30. Wisniewska I. Pivot to the East Russia's transport policy: OSW report. Warsaw, Center for Eastern Studies, 2024. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/OSW-Pivot%20to%20the%20east.%20Russia's%20transport%20policy_net.pdf (accessed: 15.01.2026).

31. Zakharov A. The international North-South transport corridor: the prospects and challenges for connectivity between Russia and India // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16, No. 2. P. 216–234. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234.

REFERENCES

1. Alkhimenko, S.I. (2023) 'Severnyi morskoi put' i geopolitika Rossii v Arktike' [The Northern Sea Route and Russia's geopolitics in the Arctic], in *Morskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke. Voprosy ispol'zovaniya flota kompanii gruppy PAO "Sovkomflot": sbornik dokladov VI nauchno-prakticheskoi konferentsii "Morskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke", Vladivostok, 23 noyabrya 2023 goda* [Marine research in the Far East — the use of the Sovcomflot group fleet]. Vladivostok: Morskoi gosudarstvennyi universitet im. adm. G.I. Nevel'skogo Publ., pp. 89–94. (In Russian.)

2. Babaev, K.V. (2024a) 'Vtoraya kholodnaya voina' [Cold War II], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (8), pp. 5–15. Available at: https://doi.org/10.31857/S2686673024080013. (In Russian.)

3. Babaev, K.V. (2024b) 'Ideya "Bol'shoi Evrazii" i povorot rossiiskoi ekonomiki na Vostok' [The idea of Greater Eurasia and the Russian economy's turn to the East], *Journal of Central Asia Economy*, 8(2), pp. 91–110. Available at: https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012. (In Russian.)

4. Babaev, K.V. and Luzianin, S.G. (2024) *Povorot na Vostok: vostochnoaziatskii vektor Rossii, 2014–2024* [Pivot to the East: Russia's East Asian vector, 2014–2024]. Moscow: Rossiiskaya akademiya nauk Publ. (In Russian.)

5. Gao, Ts. (2025) 'Kitaisko-rossiiskoe sotrudnichestvo na Dal'nem Vostoke v kontekste vzaimodeistviya "otkrytosti na Sever" i "povorota na Vostok"' [Sino-Russian cooperation in the Far East in the context of the "Openness to the North" and "Turn to the East" strategies], *Economy of Regions*, 21(3), pp. 802–816. Available at: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-16. (In Russian.)

6. Gu, W. (2023) 'Sek'yuritizatsiya strategii prodvizheniya Rossii na Vostok: kharakteristiki, motivy i perspektivy' [Securitization of Russia's eastward advancement strategy: characteristics, motives and prospects], *Dongbeiya xuekan*, 2, pp. 57–74. (In Chinese.)

7. El'nikova, Yu.V. (2024) 'Rossiiskii povorot na Vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy' [Russia's turn to the East: achievements, problems and prospects], *World Politics*, 3, pp. 9–20. Available at: https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71764. (In Russian.)

8. In', S. (2023) 'Rossiisko-kitaiskie dvustoronnie otnosheniya na fone perekhoda ot strategii "Povorot na Vostok" k kontseptsii "Bol'shaya Evraziya"' [Sino-Russian bilateral relations amid the transition from the "Pivot to the East" strategy to the "Greater Eurasia" concept], *Society: Politics, Economics, Law*, (5), pp. 32–37. Available at: https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.4. (In Russian.)

9. Karaganov, S.A. and Kozylov, I.S. (2025) 'Vostochnyi povorot 2.0, ili "Sibirizatsiya" Rossii' [Eastward turn 2.0, or "Siberiazation" of Russia], *Russia in Global Affairs*, 23(1), pp. 221–229. Available at: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229. (In Russian.)

10. Lin', L. (2024) 'Kitaisko-rossiiskoe torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo na fone strategii "Povorot na Vostok"' [Sino-Russian trade and economic cooperation against the backdrop of the "Turn to the East" strategy], *State and municipal management. Scholar notes*, (1), pp. 194–200. Available at: https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200. (In Russian.)

11. Lin', L. (2025) 'Strategiya povorota na Vostok: evolyutsiya i vliyanie na kitaisko-rossiiskie otnosheniya' [The strategy of pivot to the East: evolution and impact on Sino-Russian relations], *The Authority*, 33(1), pp. 15–22. Available at: https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-1-15-22. (In Russian.)

12. Luzyanin, S.G. (2022) 'Dal'nevostochnoe izmerenie rossiiskogo povorota na Vostok. Zakroet li Kitai sanktsionnye "breshi" Rossii?' [The Far Eastern dimension of the Russian pivot to the East. Will China close Russia's sanctions gaps?], *Asia and Africa Today*, (6), pp. 5–14. Available at: https://doi.org/10.31857/S032150750020426-0. (In Russian.)

13. Mikheev, V.V. (2025) 'Povernut' Vostok k Rossii: faktor Kitaya' [Turning the East toward Russia: the China factor], *MGIMO Review of International*

Relations, 18(4), pp. 7–45. Available at: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-7-45. (In Russian.)

14. Mosyakov, D.V., Shpakovskaya, M.A., Pon'ka, T.I. and Danilov, V.A. (2024) 'Razvorot na Vostok kak faktor ukrepleniya vliyaniya Rossii v Azii' [Pivot to the East as a factor in strengthening Russian influence in Asia], *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), pp. 181–191. Available at: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191. (In Russian.)

15. Naumenko, A.S. (2025) 'Rossiiskaya politika povorota na Vostok, 2014–2024 gg.: osnovnye rezul'taty' [Russian policy of turn to the East, 2014–2024: main results], *The Authority*, 33(2), pp. 86–90. Available at: https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-2-86-90. (In Russian.)

16. Nikolaenko, A.V. and Kurkina, E.N. (2025) 'Povorot Rossii na Vostok: perspektivy sotrudnichestva so stranami Bol'shoĭ Evrazii' [Russia's turn to the East: prospects for cooperation with Greater Eurasia countries], *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 19(1), pp. 141–149. Available at: https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-141-149. (In Russian.)

17. Torkunov, A.V. and Strel'tsov, D.V. (2023) 'Rossiiskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski' [Russian policy of turning to East: problems and risks], *World Economy and International Relations*, 67(4), pp. 5–16. Available at: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16. (In Russian.)

18. Fil'kevich, I.A. (2024) 'Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: ot Nikolaya Danilevskogo do Vladimira Putina' [Eurasia is so big and so close], *The Eurasian Dialogue*, 1. Available at: https://eadialog.com/tpost/mfmyg2lhf1-i-filkevich-bolshoe-evraziiskoe-partnyor (Accessed: 15 January 2026). (In Russian.)

19. Feng, Sh. et al. (2024) 'Krizis i poryadok: problemy global'noi transformatsii v XXI veke' [Crisis and order: problems of global transformation in the 21st century], *Rossiiskie issledovaniya*, 3, pp. 3–24. (In Chinese.)

20. Khuan, D. and Van, I. (2024) 'Rossiiskaya politika "povorota na Vostok": motiviruyushchie factory' [Russia's turn to the East: motivating factors], *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), pp. 18–30. Available at: https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30. (In Russian.)

21. Tsiui, V. (2023) 'Valyutnaya transformatsiya Rossii i ispol'zovanie yuanya v rossiiskoi ekonomike' [Russia's monetary transformation and the use of the yuan in the Russian economy], *Rossiiskie issledovaniya*, 6, pp. 45–69. (In Chinese.)

22. Chzhan, Ts. (2025) 'Kitaisko-rossiiskoe morskoe sotrudnichestvo v kontekste strategii Rossii "Povorot na Vostok"' [Sino-Russian maritime cooperation in the context of Russia's "Turn to the East" strategy], *Bezopasnost' v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i okeanograficheskie issledovaniya*, 2. (In Chinese.)

23. Shan, Iu. (2023) 'Na fone ukrainskogo krizisa Rossiya uskoryaet svoi "povorot na Vostok"' [Against the backdrop of the Ukrainian crisis, Russia is accelerating its "Turn to the East" policy], *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya*, 4. (In Chinese.)

24. Shen', Ch. (2022) 'Global'noe znachenie Severnogo morskogo puti i rol' Kitaya v dannom transportnom koridore' [The global significance of the Northern Sea Route and the role of China in this transport corridor], *Voprosy ustoiichivogo razvitiya obshchestva*, 5, pp. 155–169. (In Russian.)

25. Chediya, A.R., Imamkulieva, E.E. and Razdrih, M. (2025) 'International North-South transport corridor: socio-political reasons of development', *Asia and Africa Today*, 6, pp. 62–69. Available at: https://doi.org/10.31857/S0321507525060079.

26. Duchynski, K.R. (2021) *Looking East: evaluating Russia's pivot to Asia*. PhD thesis. Stanford University. Available at: https://purl.stanford.edu/gg245sb8154 (Accessed: 15 January 2026).

27. Golubev, A.A. (2025) 'History and prospects of the international East–West transport corridor', *BRICS Transport*, 4(2). Available at: https://doi.org/10.46684/2025.2.5.

28. Hong, W.-S. (2024) 'The Putin paradox and Russia's pivot to Asia', *Global Asia*, 19(2). Available at: https://www.globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (Accessed: 15 January 2026).

29. Lewis, D. (2019) 'Strategic culture and Russia's "Pivot to the East": Russia, China, and "Greater Eurasia"'. *George C. Marshall European Center for Security Studies*, 34. Available at: https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0 (Accessed: 15 January 2026).

30. Wisniewska, I. (2024) *Pivot to the East Russia's transport policy: OSW report*. Warsaw: Center for Eastern Studies. Available at: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/OSW-Pivot%20to%20the%20east.%20Russia's%20transport%20policy_net.pdf (Accessed: 15 January 2026).

31. Zakharov, A. (2023) 'The international North-South transport corridor: the prospects and challenges for connectivity between Russia and India', *MGIMO Review of International Relations*, 16(2), pp. 216–234. Available at: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234.

Статья поступила в редакцию 16.11.2025;
одобрена после рецензирования 21.01.2026;
принята к публикации 22.03.2026

The paper was submitted 16.11.2025;
approved after reviewing 21.01.2026;
accepted for publication 22.03.2026

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-81-110

Научная статья / Research paper

Е.О. Заклязьминская*

КОНТУРЫ ПОСТГЛОБАЛИЗМА: АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ И КРИЗИС УНИВЕРСАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Феномен деглобализации, еще десятилетие назад воспринимавшийся как маргинальная гипотеза или концепт антиглобалистского дискурса, к середине 2020-х гг. превратился в доминирующий тренд развития мировой экономики и одновременно в предмет активной научной полемики. Особый интерес в этом контексте представляет анализ того, как данный тренд проявляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) на фоне усиливающегося противостояния между двумя ведущими экономиками мира — КНР и США. В настоящей статье автор пытается ответить на вопрос, приведет ли соперничество между ними к складыванию новой модели глобального развития или же в мировой экономике возобладает тенденция к дальнейшей фрагментации, пусть и регулируемой. В частности, показано, что в АТР, где США и КНР продвигают конкурирующие проекты региональной интеграции, вместо движения к «интеграции интеграций» наблюдается умножение параллельных структур, которые скорее разграничивают экономическое пространство на противоборствующие блоки, нежели способствуют его объединению. В этих условиях региональные державы всё чаще отдают приоритет соображениям безопасности, устойчивости и суверенитета над чистой экономической эффективностью, а в случае малых стран — маневрированию между китайским и американским экономическими блоками. В этом контексте широкое распространение получает также политика технонационализма. Автор подробно освещает развитие технологической гонки между КНР и США, которая приводит к углублению линий разлома в мировой экономике и формированию замкнутых технологических кластеров. На

* *Заклязьминская Екатерина Олеговна* — кандидат экономических наук, руководитель Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН (e-mail: zaklyazminskaya@iccaras.ru).

© Заклязьминская Е.О., 2026

основе анализа указанных тенденций автор формулирует четыре сценария развития мировой экономики, ни один из которых, однако, пока не был реализован в полной мере. В этой связи делается вывод, что современный этап развития мировой экономической системы можно описать термином «постглобализм», под которым понимается ситуация, когда прежние модели организации глобального хозяйства утратили привлекательность, а новые еще не сформировались. Как таковой постглобализм таит новые угрозы, но и открывает перед государствами, особенно странами Глобального Юга, новые возможности. Однако для того, чтобы воспользоваться последними, необходимы внутренняя консолидация и способность артикулировать собственное видение будущего.

Ключевые слова: мировая экономика, глобализация, деглобализация, фрагментация, постглобализм, поликризис, дезинтеграция, технонационализм, протекционизм, США, Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Заклязьминская Е.О. Контуры постглобализма: американо-китайская конфронтация и кризис универсальных моделей // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 81–110. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-81-110.

Ekaterina O. Zaklyazminskaya

THE CONTOURS OF POSTGLOBALISM: THE U.S.–CHINA CONFRONTATION AND THE CRISIS OF UNIVERSAL MODELS

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

The deglobalization phenomenon, which just a decade ago was perceived as a marginal hypothesis or a concept of anti-globalist discourse, has by the mid-2020s become both a dominant trend in the development of the global economy and a subject of intense scholarly debate. Of particular interest in this context is the analysis of how this trend manifests itself in the Asia-Pacific amid the intensifying confrontation between the world's two leading economies — i.e., the People's Republic of China and the United States. In this article, the author seeks to answer the question of whether the rivalry between the PRC and the United States will lead to the emergence of a new global development model, or whether the tendency toward further, albeit regulated, fragmentation will prevail in the world economy. Specifically, the article demonstrates that the Asia-Pacific, where

the United States and the PRC are advancing competing regional integration projects, experiences not so much a movement toward the 'greater integration' as the proliferation of concurrent structures that tend to delineate the economic space into opposing blocs rather than facilitate its unification. Under these conditions, regional powers increasingly prioritize considerations of security, resilience, and sovereignty over pure economic efficiency, with smaller states engaging in maneuvering between the Chinese and American economic blocs. In this context, the policy of techno-nationalism is also becoming widespread. The author examines the development of the technological race between the PRC and the United States, which leads to the deepening of fault lines within the global economy and the formation of insulated technological clusters. Drawing on the analysis of these trends, the author formulates four scenarios for the development of the global economy, none of which, however, has been fully realized so far. In this regard, the article concludes that the current stage in the development of the world economic system can be described by the term 'post-globalism', which refers to a situation in which the old models of the global economy have lost their appeal, while new ones have not yet taken shape. As such, post-globalism harbors new threats but also opens up new opportunities for states, especially those of the Global South. However, to take advantage of these opportunities, internal consolidation and the ability to articulate a distinct vision of the future are necessary.

Keywords: global economy, globalization, deglobalization, fragmentation, post-globalism, polycrisis, disintegration, techno-nationalism, protectionism, USA, China, Asia-Pacific

About the author: *Ekaterina O. Zaklyazminskaya* — PhD Candidate (Economics), Head of the Center for World Policy and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: zaklyazminskaya@iccaras.ru).

For citation: Zaklyazminskaya, E.O. (2026) 'The contours of postglobalism: the U.S.–China confrontation and the crisis of universal models', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 81–110. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-81-110. (In Russian.)

Кризис неолиберальной глобализации и поиск новой модели развития в условиях американо-китайской конфронтации

В 1970-е гг. западный проект глобализации, следуя по экстенсивному пути, переместился в страны Азии, вызвав их стремительный

экономический рост, который неизбежно сопровождался увеличением и их политического веса. Однако после Азиатского кризиса 1997–1998 гг. и мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. проект глобализации неолиберального толка зашел в системный тупик [Кузнецов, 2025: 7]. Исследователи заговорили о начале полноценного поликризиса глобальной экономики [Яковлев, 2024], под которым понимается наложение друг на друга множества взаимосвязанных кризисных процессов: финансовых, технологических, экологических и геополитических. Экстенсивная модель, основанная на постоянном поиске новых сырьевых и промышленных баз, рынков сбыта и инвесторов, достигла своих естественных пределов. Как озвученная в 1989 г. модель «Вашингтонского консенсуса», так и разработанная в 2004 г. концепция «Пекинского консенсуса», которая воспринимается рядом исследователей как «Поствашингтонский консенсус» [Экономические системы незападных стран, 2025: 145], начали ставиться под сомнение, а появившиеся в более поздние периоды концепты «Делийского» [Меркулов, 2019], «Корнуоллского» [Мосейкин и др., 2022], «Арабского» [Войченко, 2011] и других «консенсусов» свидетельствуют о попытках незападного мира переосмыслить старые шаблоны глобализации в поисках новых работающих моделей, способных учесть изменившийся баланс сил на мировой арене.

В 2010–2020-е гг. крупнейшие экономики мира, наиболее глубоко интегрированные в глобальные мирохозяйственные связи, а именно США и Китай, начали новую волну конфронтации. Вашингтон выступил настоящим архитектором деглобализации, масштабировав свою политику по введению «санкционных и других торгово-инвестиционных ограничений [, для того чтобы] не допустить усиления глобального влияния наиболее динамично развивающихся стран» [Кузнецов, 2025: 7]. Соединенные Штаты оказались в критической для дальнейшего суверенного развития зависимости от Китая: средняя доля этой страны как доминирующего иностранного поставщика промышленных ресурсов в США стала больше, чем суммарная доля трех следующих поставщиков в 8 из 17 ключевых американских секторов экономики. В производстве американской одежды и электроники доля Китая превысила совокупную долю 10 следующих крупнейших иностранных стран-поставщиков [см. подробнее: Кузнецов, 2025: 11].

Приход Д. Трампа к власти в 2017 г. привел к новому витку усиления ограничительной торгово-инвестиционной и санкционной политики. Проводимый им экономический курс, названный учеными «трампономикой» [см., например: Яковлев, 2017], предполагал пересмотр текущих правил глобализации, отказ от базовых принципов «Вашингтонского консенсуса» (например, в отношении тарифных барьеров [см. подробнее: Williamson, 2004]) и корректировку этой модели в пользу реставрации протекционистских мер, направленных на возврат производств и защиту национального рынка.

Китайский лидер Си Цзиньпин, находящийся у власти с 2012 г., также видел необходимость в «исправлении» действовавшего в стране экономического курса. В 2020 г. председатель КНР озвучил новую модель экономического роста, получившую название «двойная циркуляция» (*dual circulation*, или 双循环). Она предполагала отказ от прежних драйверов роста китайской экономики — экспортной ориентации и масштабных инвестиций в основной капитал — из-за их скорого исчерпания. Новая модель была нацелена на развитие внутреннего рынка при сохранении внешнеэкономической активности [Луконин, Заклязьминская, 2020]. Корректировка «Пекинского консенсуса», или «дэнсяопиновского» взгляда на экономическое развитие Китая [Портяков, 1998], впрочем, не привела к началу экспертных дискуссий о складывании экономической модели типа «сицзиньпиномики».

На две крупнейшие экономики мира в 2025 г. приходилось 42,7% всего объема мирового ВВП, по данным Международного валютного фонда (МВФ)[1]. Обе страны глубоко интегрированы в мировое экономическое пространство: Китай — крупнейший мировой экспортер и второй в мире импортер, США — крупнейший импортер и второй крупнейший мировой экспортер[2]. В этой связи естественным образом китайско-американское противостояние отражается так или иначе на всех трансформациях, происходящих в экономике любого региона. Торговые партнеры США и КНР в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке, будучи глубоко интегрированными

[1] GDP, current prices (billions of U.S. dollars) // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (accessed: 05.04.2026).

[2] World trade statistics: key insights and trends in 2025 // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/world_trade_statistics_e.htm (accessed: 05.04.2026).

в мировую экономическую систему, столкнулись с поликризисом, связанным с происходящими в геоэкономическом ландшафте изменениями.

Дискуссии о поликризисе глобальной экономики, деглобализации и регионализации активизировались в экспертном сообществе уже на рубеже XX–XXI вв. В этот период наблюдался устойчивый сдвиг баланса экономической мощи от развитых западных государств к развивающимся незападным. Данная динамика вступила в противоречие с изначальной логикой глобалистской экспансии, которая в соответствии с концепцией «периферийного капитализма» [Пребиш, 1992] предполагала закрепление за развивающимися экономиками зависимого, периферийного статуса.

На смену идеям о «периферийной экономике» пришли теории зависимого развития, которые разрабатывали С. Амин [Amin, 1976], П. Баран [Баран, 1960], А.Г. Франк [Frank, 1967] и другие ученые. Эти теории объясняли экономическую отсталость стран «третьего мира» не внутренними проблемами, а их положением в мировой капиталистической системе: по мнению указанных исследователей, богатый «центр» процветает за счет выкачивания ресурсов из бедной «периферии», что цементирует неравенство и не дает зависимым странам развиваться самостоятельно.

Теории зависимого развития в свою очередь сменил мир-системный подход И. Валлерстайна, который обосновал идею циклической смены гегемоний и неизбежности дезинтеграционных процессов по мере исчерпания возможностей американского лидерства [Валлерстайн, 2017]. Его последователь Дж. Арриги в работе «Долгий двадцатый век» развил концепцию системных циклов накопления, показав, как фазы материального внешнеэкономического наступления сменяются этапами финансовой экспансии и последующей фрагментации мировой экономики при смене гегемона [Арриги, 2006].

В современной дискуссии вопросы деглобализации поднимает У. Белло, который еще в 2004 г. в своей книге «Деглобализация: идеи для новой мировой экономики» предложил развернутую программу переориентации экономик на локальные рынки и восстановления национального суверенитета [Bello, 2004]. Профессор Копенгагенской школы бизнеса Э. Ашби в своей монографии 2024 г. «Деглобализация» представляет анализ этого процесса как сложной реконфигурации мирового порядка, вводя понятие «технонацио-

нализма» в качестве ключевого драйвера современных тенденций [Ashbee, 2024].

Проблемы деглобализации также находятся в фокусе внимания китайских ученых: Цай То (蔡拓), основатель китайской школы глобальных исследований, в своей книге 2023 г. «Теория космополитизма и ее современная ценность» [Цай, 2023] анализирует мировую историю космополитической мысли, пытаясь преодолеть привычный «западоцентризм»; Ван Ивэй (王义桅), директор Института международных отношений Народного университета Китая, продвигает идеи «параллельного развития» и необходимости формирования открытого регионализма в условиях фрагментации глобальной экономики [Ван, 2021].

В российском исследовательском поле теоретические вопросы поиска оптимальной модели глобального развития также сохраняют высокую актуальность. Методологические аспекты системного анализа общественных (в том числе международных) отношений применительно к глобализации мировой экономики разрабатывает коллектив под руководством А.С. Булатова [Новые тренды в экономической глобализации, 2023; Перспективы экономической глобализации, 2019]. Проблемами экономического роста современной Азии и вопросами развития постбиполярного мира занимается коллектив ученых МГИМО МИД России, включающий Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко, И.Н. Платонову и др. [Новая парадигма развития…, 2022; Современные международные экономические отношения…, 2020]. Эти ученые-международники указывают на необходимость формирования полноценной постбиполярной системы, в которой хозяйствуют многочисленные акторы, а центр экономической активности окончательно смещен от Запада к Востоку. В противовес им с 2021 г. ряд исследователей начали говорить о неполном преодолении принципов биполярности и, как следствие, о начале формирования «новой биполярности», где США и Китай выступают как два полюса, вокруг которых выстраиваются все остальные экономики [Дегтерев, 2021; Михеев, 2021]. Вопрос о том, что будет представлять собой глобальная экономическая архитектура в будущем — равноценный диалог многочисленных центров силы или же фрагментированное сотрудничество между американской и китайской экономиками (концепции Pax Americana или же Pax Sinica [Меркулов, 2019]) и примкнувшими к ним партнерами, — остро стоит на повестке дня со второго десятилетия XXI в.

Перспективы глобализации с акцентом на повышении роли восточных государств активно исследуют такие российские экономисты-международники, как А.В. Кузнецов [Кузнецов, 2025], П.П. Яковлев [Яковлев, 2024], О.О. Комолов [Комолов, 2018]. Все они приходят к выводу о том, что неолиберальная модель глобализации находится в глубоком кризисе именно из-за роста благосостояния в незападном мире, который делает невозможным сохранение прежних асимметричных отношений. Важные размышления об особенностях функционирования незападных экономик содержатся в коллективном труде «Экономические системы незападных стран» [Экономические системы незападных стран, 2025], а также в работах Д.А. Дегтерева [Дегтерев, 2021] и А.Д. Воскресенского [Восток и политика…, 2015], исследующих политическую и экономическую специфику восточных обществ. Понимание этой специфики становится критически важным для прогнозирования того, по каким правилам будет выстраиваться взаимодействие между развитым и развивающимся миром в новых условиях, в которых прежние модели утратили эффективность, а новые еще только складываются в процессе геоэкономического и геополитического противостояния.

В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос: присутствуют ли в мировой экономике тенденции к формированию новой «основной» модели развития или же американо-китайское противостояние пока не привело к выработке функциональной альтернативы, оставляя мировую экономику в состоянии «управляемой фрагментации»?

Деглобализация как новая реальность: от «периферийного капитализма» к «управляемой фрагментации»

Феномен деглобализации, еще десятилетие назад воспринимавшийся как маргинальная гипотеза или концепт антиглобалистского дискурса, к середине 2020-х гг. превратился в доминирующий тренд развития мировой экономики, фиксируемый как на уровне макростатистики, так и в трансформации стратегий ключевых акторов. Под деглобализацией в данном контексте понимается не полный отказ от международного экономического взаимодействия, а качественное изменение его характера: сокращение трансграничных потоков товаров, услуг, капитала и технологий в мировом ВВП, фраг-

ментация глобальных цепочек добавленной стоимости, регионализация торговых связей и возврат производств под национальную юрисдикцию. Если глобализация эпохи 1990–2010-х гг. базировалась на оптимизации издержек путем выноса производств в страны с дешевой рабочей силой, то для деглобализации свойственна идея о превосходстве соображений безопасности, устойчивости и суверенитета над чистой экономической эффективностью. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), после 2010 г. в мире на 2% увеличилась доля чистого национального производства в мировом ВВП при сокращении доли простых цепочек добавленной стоимости на 1%, а сложных — на 2% [приводится по: Комолов, 2018: 51]. Это означает, что процессы фрагментации уже не просто прогнозируются, а объективно фиксируются статистикой национальных счетов и международной торговли.

Ключевой причиной разворота глобализационного тренда стало фундаментальное перераспределение экономического веса в пользу государств Глобального Юга, где проживает свыше 85% населения планеты[3]. Доля G7 в мировом ВВП по паритету покупательной способности опустилась ниже 30%, тогда как удельный вес стран БРИКС, напротив, вырос до 35%[4]. Параллельно с этим Азия трансформировалась из периферийного региона в центр генерации технологий и новых регуляторных норм. В сложившихся условиях прежняя модель «периферийного капитализма» [Комолов, 2018; Пребиш, 1992], при которой развивающиеся страны выполняли функции сырьевых придатков и сборочных цехов, утратила свою силу.

Китай стал не только крупнейшим экспортером товаров, но и лидером в критических технологических сегментах: производстве солнечных панелей, литиевых аккумуляторов, редкоземельных магнитов и пр. [см. подробнее: Заклязьминская, 2024]. Это качественное изменение позиционирования государств Глобального Юга создало для Запада ситуацию стратегической зависимости, которая ранее считалась невозможной. Если в XX в. развивающиеся страны не могли обходиться без западных технологий и рынков капитала, то к 2020-м гг. западные экономики оказались в критической зависи-

[3] Бордачёв Т. Азия, Евразия и европейский кризис: итоги 2022 года // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 04.01.2023. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aziya-evraziya-i-evropeyskiy-krizis/ (дата обращения: 05.04.2026).

[4] BRICS vs. the G7 // The Globalist. 23.20.2024. URL: https://www.theglobalist.com/brics-brics-g7-economy-population-just-the-facts/ (accessed: 05.04.2026).

мости от азиатских производителей промежуточной и даже конечной продукции — от антибиотиков до чипов и аккумуляторов для электромобилей [см. подробнее: Луконин, Заклязьминская, 2020].

Институциональным выражением трансформации глобальной экономики стал кризис Бреттон-Вудских структур, исторически формировавшихся в условиях западного доминирования в регулировании международных экономических отношений. В ВТО это проявилось в утрате переговорной функции: Дохийский раунд не был завершен из-за разногласий между развитыми и развивающимися странами по вопросам сельскохозяйственных субсидий и доступа на рынки [см. подробнее: Икромов, 2023]. С 2019 г. к этому добавилась блокировка Апелляционного органа из-за невозможности назначения новых судей[5], что фактически лишило организацию механизма разрешения споров.

МВФ сталкивается с кризисом доверия со стороны государств Глобального Юга, где традиционная модель кредитования, основанная на требованиях бюджетной экономии, утратила свою популярность. Дополнительным фактором стала политизация финансовых потоков: заморозка российских золотовалютных резервов в 2022 г.[6] продемонстрировала риски одностороннего использования долларовых инструментов, что стимулировало создание альтернативных механизмов, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС и расширение двусторонних расчетов в национальных валютах.

Пандемия COVID-19 стала катализатором перехода деглобализации в активную фазу, обнажив критическую зависимость мировой экономики от азиатских производственных центров. Разрыв глобальных цепочек поставок высветил уязвимость модели, основанной исключительно на сравнительных преимуществах, заставив Запад осознать риски чрезмерной концентрации производств за пределами своей юрисдикции.

Поскольку издержки такой зависимости стали неприемлемыми для национальной безопасности и экономической устойчивости,

[5] США в 81-й раз заблокировали работу органа ВТО по урегулированию споров // Альта-софт. 26.11.2024. URL: https://www.alta.ru/external_news/114960/ (дата обращения: 05.04.2026).

[6] Сало И. Золотовалютные резервы: что это и как они влияют на экономику России // РБК. 01.11.2025. URL: https://www.rbc.ru/base/01/11/2025/690363079a794716558a8840 (дата обращения: 05.04.2026).

западные державы перешли к политике целенаправленного демонтажа глобальных цепочек и их переформатирования в региональные и блоковые структуры. Инструментами этой политики выступают три взаимосвязанных процесса: решоринг (возврат производств на национальную территорию), ниаршоринг (перенос производств в соседние, географически близкие страны) и френдшоринг (перенос производств в государства, рассматриваемые как союзные в политическом и военном отношении) [см. подробнее: Кузнецов, 2025: 7].

Эскалация американо-китайского противостояния в 2025 г., актуализированная после возвращения Д. Трампа к власти, придала этим тенденциям дополнительный импульс и качественно новую динамику. Администрация США перешла от политики «честной торговли» (*fair trade*) к принудительному переформатированию торговых потоков. Практически все азиатские партнеры (за исключением КНР) были вынуждены принять предложенные условия: они не только согласились на масштабные закупки американской продукции, зачастую превышающие их внутренние потребности, но и взяли обязательства по ускоренным инвестициям в экономику США. И если, например, для Узбекистана они исчисляются 35 млрд долл. в течение ближайших 3 лет[7], то для Евросоюза эта сумма составила 600 млрд долл.[8] Подобные вынужденные соглашения свидетельствуют лишь о том, что за счет прежних драйверов и «ренты гегемона» экономика Соединенных Штатов уже расти не может. Одновременно Вашингтон ужесточает технологические ограничения против КНР: расширяет список компаний, включенных в санкционные списки, вводит запреты на поставку передовых чипов и оборудования для их производства, оказывает давление на союзников — Нидерланды («ASML»), Японию («Tokyo Electron»), Тайвань («TSMC») — в целях блокировки доступа Китая к критическим технологиям [см. подробнее: Заклязьминская, 2024].

Пекин со своей стороны отвечает форсированным импортозамещением в полупроводниковой сфере: в мае 2024 г. был основан «Национальный инвестиционный фонд развития индустрии инте-

[7] Трамп: Узбекистан планирует вложить $35 млрд в экономику США за три года // Коммерсантъ. 07.11.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8181752 (дата обращения: 05.04.2026).

[8] Боровикова К. Торговая война закрывает второй фронт // Коммерсантъ. 27.07.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7923156 (дата обращения: 05.04.2026).

гральных схем (3-я фаза)» с уставным капиталом в 344 млрд юаней[9], компания «SMIC» освоила производство чипов по технологическому процессу 7 нм (хотя ограничения на поставки литографического оборудования со стороны «ASML» сохраняются), активно развиваются программы рекрутинга зарубежных специалистов и поддержки отечественных производителей [Заклязьминская, 2024]. Параллельно Китай расширяет экономическое взаимодействие со странами Глобального Юга в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Только в 2025 г. инвестиции КНР в страны, участвующие в этом мегапроекте, составили около 40 млрд долл., рост по сравнению с 2024 г. достиг 17,6%[10]. Тем самым Пекин демонстрирует намерение в кратчайшие сроки максимально углубить экономический диалог с этой группой стран.

В текущих условиях государства — члены АСЕАН и другие страны Юго-Восточной Азии оказываются в логике вынужденного лавирования между двумя центрами силы. С одной стороны, доступ на китайский рынок остается критически важным: по итогам 2025 г. объем торговли Китая с АСЕАН достиг рекордных 1,05 трлн долл., увеличившись на 7,4% по сравнению с 2024 г.[11] С другой стороны, американские технологии и инвестиции (приток последних из США в страны АСЕАН в 2024 г. составил 42 млрд долл.[12]) требуют принятия жестких стандартов и ограничений в сотрудничестве с КНР. Приведем пример Малайзии: государство одновременно привлекает инвестиции в развитие центров обработки данных и искусственного интеллекта (ИИ) от американских «Google», «Microsoft» и «Nvidia», а завод «Boeing Composites Malaysia» производит компоненты для самолетов «Boeing», но при этом Китай остается его крупнейшим торговым партнером и стороны реализуют Пятилетнюю программу экономического и торгового сотрудничества, рассчитанную вплоть

[9] 注册资本3440亿，国家大基金三期成立 // 界面快报. 27.05.2024. URL: https://www.jiemian.com/article/11216479.html (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[10] 2025年我国对共建“一带一路” 国家投资合作情况 // 商务部网站. 30.01.2026. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0RTQ10T5.html (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[11] Главное таможенное управление КНР. URL: http://stats.customs.gov.cn/ (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[12] ASEAN investment report 2025: foreign direct investment and supply chain development // The Association of Southeast Asian Nations. October 2025. URL: https://asean.org/book/asean-investment-report-2025-foreign-direct-investment-and-supply-chain-development// (accessed: 05.04.2026).

до 2028 г.[13] Аналогичная картина наблюдается во Вьетнаме, Таиланде, Индонезии, что заставляет эти государства применять сложные техники балансирования.

Однако пространство для такого маневра неуклонно сжимается. 27 августа 2025 г. США ввели импортные пошлины в размере 50% на ряд индийских товаров (предметы одежды и текстиль, драгоценные камни и ювелирные изделия, обувь, спортивные товары, мебель, а также некоторые виды химикатов) в отместку за покупку Нью-Дели российской нефти[14]. В 2025 г. российские компании поставили в Индию почти 85 млн т нефти (на 5% меньше, чем в 2024 г.). Доля российского сырья в индийском импорте составила 32,3%[15]. Объемы поставок топлива из РФ в первой половине года были сопоставимы с экспортом в КНР. Индия, до этого успешно балансировавшая между Западом и Россией с Китаем, оказалась перед жестким выбором: либо сокращать выгодный импорт, либо терять преференциальный доступ на американский рынок. Вашингтон последовательно реализует стратегию, направленную на принуждение союзников и партнеров к однозначной блоковой идентификации.

Ярким и репрезентативным проявлением деглобализационных процессов выступает финансовая фрагментация. Дедолларизация расчетов приобретает структурный характер: по итогам 2025 г. доля расчетов, например, у Китая с Россией в рублях и юанях составила 99,1%[16]. Трансакционный объем китайской системы CIPS в 2024 г. достиг 175,5 трлн юаней с годовым приростом в 43%[17]. Формиро-

[13] Joint Statement Between the People's Republic of China and Malaysia on Building a High-level Strategic China-Malaysia Community with a Shared Future // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 17.04.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/gb/202504/t20250417_11595814.html#:~:text=12.,and%20further%20synergise%20development%20strategies (accessed: 05.04.2026).

[14] Карпов А. «Моди почувствовал себя оскорбленным»: США ввели против Индии пошлины в 50% за покупку нефти из РФ // Газета.ru. 27.08.2025. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2025/08/27/21597770.shtml (дата обращения: 05.04.2026).

[15] Красовская Е. Индия в 2025 году увеличила импорт нефти на 6%, но доля российской нефти упала // Нефть и Капитал. 25.02.2026. URL: https://oilcapital.ru/news/2026-02-25/indiya-v-2025-godu-uvelichila-import-nefti-na-6-no-dolya-rossiyskoy-nefti-upala-5555829 (дата обращения: 05.04.2026).

[16] Доля расчетов РФ и КНР в нацвалютах превысила 99 проц. — министр финансов РФ // Синьхуа Новости. 04.11.2025. URL: http://russian.news.cn/20251104/080dca4415104d37b713c36671d2a411/c.html (дата обращения: 05.04.2026).

[17] Cross-Border Interbank Payment System (CIPS). URL: https://www.cips.com.cn/en/index/index.html (accessed: 05.04.2026).

вание параллельных платежных экосистем объективно подрывает монопольное положение SWIFT и доллара США в системе международных расчетов.

Таким образом, азиатское геоэкономическое пространство вступает в фазу системной фрагментации, что естественным образом отражается на логике и динамике интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Конкурирующие проекты региональной интеграции в АТР: между китайской и американской моделями экономического роста

Интеграционные блоки, которые создавались для сдерживания противоречий и связывания стран взаимными интересами, всё чаще становятся полем геоэкономической борьбы. Принципы «честной торговли» отступают перед задачами обеспечения национальной безопасности и технологической независимости. В такой логике идея «интеграции интеграций» — последовательного сращивания региональных объединений в единое глобальное целое — теряет как теоретический, так и практический смысл.

Кризис прежней модели особенно нагляден в Азии. В отличие от ЕС, прошедшего путь от зоны свободной торговли (ЗСТ) к валютному союзу, в Восточной и Юго-Восточной Азии интеграция остановилась на первом из этих этапов. Как отмечает Д.З. Икромов [Икромов, 2023], за пределами Евросоюза ни одно объединение не прошло полный цикл. В АТР ситуация усложняется сразу двумя факторами: колоссальным разрывом в уровнях развития (достаточно сравнить Сингапур и Мьянму) и наложением американо-китайского противостояния на любые интеграционные инициативы.

В итоге вместо движения к «интеграции интеграций» наблюдается умножение параллельных структур, которые скорее разграничивают экономическое пространство на противоборствующие блоки, нежели способствуют его объединению.

Показательна эволюция мегарегиональных соглашений, которые из ступеней к глобальному единству превратились в инструменты блокового размежевания. Подписанное в 2020 г. Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), объединившее 15 стран с совокупным ВВП около 29 трлн долл., стало кульминацией китайской стратегии по созданию альтернативной торговой

архитектуры, ориентированной на азиатские стандарты и правила. ВРЭП охватывает 2,3 млрд человек и 28% глобальной торговли[18], закрепляя за Китаем роль системообразующего ядра региональной экономики. В противовес ему сформировалось Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП) — наследник Транстихоокеанского партнерства (ТТП), из которого США вышли в 2017 г., передав фактическое лидерство Японии [см. подробнее: Заклязьминская, Зуенко, 2025]. В результате регион оказался разделен на два мегаблока, функционирующих на основе несовместимых стандартов. Это создает структурные препятствия для формирования единого экономического пространства от западного побережья США до восточных границ Китая и окончательно снимает с повестки дня перспективу «интеграции интеграций» в АТР.

Параллельно с классическими торговыми соглашениями формируются «рыхлые» зонтичные структуры, ориентированные на координацию политик, а не на либерализацию тарифов. Для Китая такой структурой выступает ИПП, запущенная в 2013 г. и к началу 2026 г. охватившая более 150 государств. Совокупный объем инвестиций в рамках инициативы к настоящему времени достиг 1,4 трлн долл.[19], при этом значительные суммы пришлись на транспортные коридоры, включая трансграничную железную дорогу «Китай–Лаос», высокоскоростную магистраль «Джакарта–Бандунг» в Индонезии, порты Гвадар в Пакистане, Хамбантота в Шри-Ланке, Пирей в Греции и др. [Национальные и международные стратегии…, 2020]. Несмотря на выход Италии из состава участников ИПП в декабре 2023 г.[20] (первой и единственной страны G7, присоединившейся к проекту), Пекин продолжает наращивать инвестиции в энергетику и цифровую инфраструктуру, закрепляя зависимость стран Глобального Юга от

[18] Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP): can it be a game changer // Socio-Economic Research Centre. 27.08.2021. URL: https://www.acccimserc.com/images/researchpdf/2020/20201123%20RCEP%20(Updated%20on%2020210827).pdf (accessed: 05.04.2026).

[19] 13年暗度陈仓！中国用2135亿美元投资打破美国关税围堵，万亿顺差背后是150国的信任投票 // Baidu. 19.01.2026. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1854749387172106437&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[20] McCarthy S. Italy quits Belt and Road plan as Europe rethinks China relations // CNN. 08.12.2023. URL: https://edition.cnn.com/2023/12/08/china/italy-belt-and-road-eu-china-summit-intl-hnk (accessed: 05.04.2026).

китайских стандартов. Уже в 2020 г. более 70% всех базовых станций 4G в Африке принадлежали китайской корпорации «Huawei»[21].

США, осознав стратегический просчет с выходом из ТТП, инициировали в 2022 г. создание аналогичного «рыхлого» блока — Индо-Тихоокеанской экономической структуры для процветания (ИТЭС; The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF), объединившей 14 стран с совокупной долей 40% мирового ВВП. Принципиальное отличие ИТЭС от предшествующих соглашений заключается в отказе от тарифной либерализации в пользу фокусировки на гармонизации стандартов по четырем направлениям: справедливая торговля (цифровые стандарты, защита интеллектуальной собственности), устойчивость цепочек поставок (создание механизма раннего оповещения о сбоях), чистая энергетика (в целях сокращения выбросов CO_2 в атмосферу на 50% к 2030 г.) и борьба с коррупцией[22]. По сути, Вашингтон делает ставку не на открытие рынков, а на экспорт регуляторных норм, формируя «клуб по интересам», доступ в который для других акторов, прежде всего для Китая, будет затруднен.

ВРЭП и ИТЭС представляют собой не столько шаги к глобальной интеграции, сколько альтернативные проекты, каждый из которых претендует на роль ядра будущей, но уже фрагментированной мировой экономики.

Позиция третьих стран в этой конфигурации становится всё более сложной. Индия, балансируя между стратегическим партнерством с США и экономической связанностью с Китаем (двусторонний товарооборот в 2025 г. достиг рекордных 155,6 млрд долл.[23]), выбрала селективное участие. Нью-Дели присоединился к трем из четырех направлений ИТЭС, отказавшись от торгового блока ввиду чувствительности аграрного сектора и опасений за цифровой

[21] 非洲"支付宝"和手机野蛮生长 // 界面. 24.05.2023. URL: https://www.jiemian.com/article/9455026.html (дата обращения: 05.04.2026.). (На кит. яз.)

[22] Cimino-Isaacs C.D., Kitamura K.H., Manyin M.E. Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) // Library of Congress. Congressional Research Service. 22.07.2024. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/PDF/IF12373/IF12373.10.pdf (accessed: 05.04.2026).

[23] Laskar R.H. India-China trade reached 'record high' of $155.6 billion in 2025: Chinese envoy // Hindustan Times. 04.02.2026. URL: https://www.hindustantimes.com/india-news/indiachina-trade-reached-record-high-of-155-6-billion-in-2025-chinese-envoy-101770145392884.html (accessed: 05.04.2026).

суверенитет и сохранив статус наблюдателя в отношении ВРЭП[24]. Остальные страны АСЕАН оказались в ловушке: для них ВРЭП — это реальный выход на китайский рынок, тогда как ИТЭС — это доступ к технологиям и инвестициям Соединенных Штатов при условии принятия жестких американских стандартов. Лавирование становится единственно возможной стратегией, однако ее эффективность снижается по мере ужесточения требований Вашингтона.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. придало деглобализационным тенденциям дополнительный импульс. Главным инструментом стали двусторонние соглашения, которые США заключали с ключевыми партнерами в 2025–2026 гг. (Японией, ЕС, Тайванем, Индией, Узбекистаном и др.). Соглашения напрямую не ограничивают сотрудничество партнеров с Китаем, однако они вполне могут рассматриваться как полноценные инструменты геоэкономической войны, поскольку основным направлением работы переговорщиков стало «не ослабление экономики противника, а усиление собственной экономики и максимальное повышение ее конкурентоспособности» [Чёрная, 2015: 36].

В итоге формируются две параллельные экономические экосистемы, а страны Глобального Юга — особенно АСЕАН — оказываются в положении маневрирующих между центрами, утрачивая влияние на то, по каким правилам будет строиться международная торговля.

Технонационализм и «периферийный капитализм»: новая логика технологической конкуренции

Западные державы в постбиполярный период (после 1991 г.) и на этапе интеграции КНР в ВТО в 2001 г. исходили из ошибочной предпосылки о незыблемости своего конкурентного преимущества — генерации технологических инноваций и фундаментальных научных знаний. Доминировало представление о том, что незападные экономики в силу институциональных и социокультурных особенностей не способны овладеть сложными компетенциями в сфере создания передовых технологий[25]. Соответственно перенос сборочных про-

[24] Bhardwaj N. Everything you need to know about the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) // India Briefing. 09.09.2022. URL: https://www.india-briefing.com/news/everything-you-need-to-know-about-the-indo-pacific-economic-framework-25141.html/ (accessed: 05.04.2026).

[25] Owens M.T. The end of strategic happy talk? // FPRI. 01.09.2012. URL: https://www.fpri.org/article/2012/09/the-end-of-strategic-happy-talk/ (accessed: 05.04.2026).

изводств на их территорию не рассматривался как угроза утраты технологического лидерства Запада. Однако реальная ситуация опровергла все теоретические построения.

КНР вопреки западным ожиданиям взяла курс на форсированное укрепление своего технологического суверенитета. Государством была разработана и последовательно реализуется комплексная национальная программа инновационного развития, имеющая долгосрочный горизонт планирования до 2050 г. Стратегической целью программы провозглашено превращение Китая в ведущую мировую научно-техническую державу. На первом этапе реализации (2006–2020) планировалось довести долю расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) до 2,5% ВВП и сократить зависимость от иностранных технологий и высокотехнологичных компонентов до 30%. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что КНР в целом достигла намеченных ориентиров, хотя и с незначительным опозданием. Фактическая доля расходов на НИОКР в ВВП в контрольные точки реализации программы несколько уступала плановым показателям: в 2010 г. — 1,76% (при плане 2%), в 2015 г. — 2,07% (при плане 2,2%), в 2020 г. — около 2,4% (при плане 2,5%)[26].

По состоянию на 2022 г. относительный показатель расходов на НИОКР в КНР (2,56% ВВП) уступал среднемировому уровню (2,67%) и существенно отставал от технологически развитых государств: Республики Корея (5,21%), Японии (3,41%), Германии (3,13%) и США (3,59%)[27]. Однако анализ абсолютных величин, скорректированных по паритету покупательной способности, демонстрирует принципиально иную динамику: Китай инвестирует в научные исследования больше, чем Япония и Германия в совокупности, уступая по данному показателю лишь США, причем разрыв неуклонно сокращается.

В ответ на обострение американо-китайских торговых противоречий и постпандемийные вызовы китайским руководством был взят курс на ускоренную инновационную трансформацию национальной экономики. Объем затрат КНР на НИОКР демонстрирует стремительный рост: преодолев отметку в 1 трлн юаней в 2012 г.

[26] Государственное статистическое управление КНР. URL: https://www.stats.gov.cn/ (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[27] Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (accessed: 05.04.2026).

и 2 трлн в 2019 г., к 2022 г. показатель достиг 3 трлн, а в 2025 г. вплотную приблизился к 4 трлн юаней[28]. Для научных организаций и промышленных предприятий установлены директивные ориентиры по разработкам, фиксируемые в пятилетних планах и специализированных отраслевых программах. Подобная мобилизационная модель планирования, ориентированная на преодоление критических уязвимостей (микроэлектроника, авиадвигателестроение, станкостроение), обеспечивает последовательное наращивание технологического суверенитета КНР, снижая ее чувствительность к внешнему давлению [Заклязьминская, 2022].

В США, напротив, долгие годы наблюдалась противоположная динамика. Доля бюджетных ассигнований на НИОКР в структуре расходов федерального бюджета сократилась с 11,8% в 1970 г. до 3,7% в 2015 г., причем в гражданском секторе падение было более выраженным: с 5,9 до 1,8%. Исследователи фиксируют крайне низкие темпы увеличения расходов на НИОКР: с 1970-х гг. среднегодовой прирост составлял всего 0,004% [Комолов, 2018: 57]. Только с начала системной конфронтации США с КНР в 2016 г. Вашингтон приступил к наращиванию «научных» расходов. Вложения в НИОКР впервые со времен холодной войны превысили показатели 1964 г. в 2,79% ВВП и продолжают неуклонно расти[29], что позволяет сделать вывод о начале полномасштабной «технологической гонки» между двумя державами.

В условиях эскалации американо-китайского противостояния динамика технологического развития КНР демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению инновационного разрыва с США, что объективно ведет к утрате последними конкурентных преимуществ. Реагируя на данный структурный сдвиг, Вашингтон избирает в качестве доминирующей стратегии сохранения гегемонии применение инструментов экономического принуждения в отношении Китая. Указанная стратегия реализуется через попытки реинституционализации зависимого положения китайской экономики в логике обновленной модели «периферийного капитализма», предполагающей закрепление за КНР роли технологически зависимого актора и блокирование ее доступа к критическим инновациям.

[28] 从0.44个百分点看科技创新“加速度” // 人民日报. 10.02.2026. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202602/content_7057567.htm (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[29] Research and development expenditure (% of GDP)…

Однако эффективность данной стратегии снижается по мере сокращения Китаем технологического разрыва. Совокупная зависимость страны от иностранных технологий и высокотехнологичных компонентов уменьшилась с 64,2% в 2006 г. до 31,8% в 2019 г.[30] Показательна динамика снижения доли предприятий с иностранным участием во внешнеторговом обороте КНР: в импорте их доля сократилась с 53% в 2010 г. до 35,1% в 2022 г., в экспорте — с 55 до 31,5% [Кузнецов, 2025: 10], что свидетельствует об углублении процессов импортозамещения и возрастании роли национального технологического потенциала.

Китай достиг паритета с США в атомных технологиях и космической сфере, а по ряду направлений зафиксировано опережение. К числу последних относятся телекоммуникационное оборудование, ИИ, квантовые вычисления, высокоскоростной железнодорожный транспорт, возобновляемая энергетика и бытовая электроника [см. подробнее: Заклязьминская, 2022].

Вместе с тем сохраняется критическая зависимость: потребность КНР в импортных технологиях в полупроводниковой сфере оценивается приблизительно в 90%[31]. Наиболее уязвимой позицией остается литографическое оборудование для производства передовых чипов (технологического процесса менее 7 нм), где сохраняется монополия нидерландской «ASML», деятельность которой подпадает под экспортные ограничения, инициированные США. Китаю удалось освоить технологию производства 7-нм-чипов, однако масштабировать выпуск до промышленных объемов пока не представляется возможным из-за острой нехватки профильного литографического оборудования.

Осознавая данное обстоятельство, Вашингтон формирует сеть технологических альянсов для консолидации лидерства за счет союзников, мониторинга ситуации в критических секторах и предотвращения сближения партнеров с КНР. Ключевую роль в этой стратегии играет созданный по инициативе американской администрации альянс «Chip 4» (США, Япония, Южная Корея и Тайвань), наце-

[30] 高培勇：中国对外贸易依存度腰斩式变化 2019年降为31.8% // 新浪财经. 28.11.2020. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1684578280030038123&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

[31] 国产电动汽车拿下全球66%市场，但90%芯片仍依赖进口！ // 新浪财经. 20.10.2024. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1813408285318889118&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

ленный на координацию политики в полупроводниковой отрасли и создание барьеров для доступа Китая к передовым технологиям[32]. В декабре 2025 г. была инициирована программа «Кремниевый мир» («Pax Silica») с участием Японии, Южной Кореи, Сингапура, Нидерландов, Австралии, Израиля, ОАЭ и Великобритании[33]. В марте 2026 г. рассматривались новые правила экспортного контроля, требующие разрешений для «практически всех» ИИ-ускорителей[34]. В авиастроении США в мае 2025 г. приостанавливали экспорт двигателей для китайского коммерческого лайнера «Comac C919», сорвав производственный план на 2025 г.[35]

Конфронтация между двумя державами в сфере технологического суверенитета будет сохранять устойчивый характер. В орбиту данного противостояния вовлечено большинство государств мира — через участие в санкционных режимах, присоединение к конкурирующим альянсам либо вынужденную реконфигурацию логистических цепочек. Сфера противоборства будет расширяться, охватывая новые секторы: от квантовых вычислений и биотехнологий до освоения космического пространства и глубоководной добычи полезных ископаемых.

Политика технонационализма, проводимая КНР в ответ на санкционное давление Запада и в целях обеспечения технологического суверенитета, объективно ведет к закреплению фрагментации глобального технологического пространства, т. е. именно той тенденции, преодолеть которую она была призвана. Форсированное импортозамещение и многомиллиардные инвестиции в НИОКР позволяют Пекину сокращать разрыв с Западом, но одновременно закрепляют изоляцию страны в рамках технологической экосистемы, альтернативной американоцентричной. В результате технонационализм перестает быть инструментом догоняющего развития

[32] Naik S. CHIPS Act 2.0: strengthening the Chip 4 alliance or driving it apart? // Indo-Pacific Studies Center. URL: https://www.indo-pacificstudiescenter.org/commentaries/chips-act-chip4-alliance (accessed: 05.04.2026).

[33] Pax Silica // U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/pax-silica (accessed: 05.04.2026).

[34] Greenberg K., Rennie A. New export rules could be coming for AI chipmakers' sales // Yahoo Finance. 06.03.2026. URL: https://finance.yahoo.com/news/export-rules-could-coming-ai-213105977.html (accessed: 05.04.2026).

[35] Сарханянц К. США прекратили поставки двигателей для новейшего китайского лайнера C919 // Коммерсантъ. 02.06.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7774540 (дата обращения: 05.04.2026).

и превращается в фактор структурирования биполярного технологического пространства. Для государств Глобального Юга это означает утрату возможности многовекторного технологического развития и вынужденный выбор между двумя центрами силы, каждый из которых предлагает не просто доступ к технологиям, а принятие целостной системы стандартов.

* * *

Современная международная система стремительно меняется, сталкиваясь с растущим числом непредсказуемых вызовов — «черных лебедей» и системных рисков — «серых носорогов» [см. подробнее: Ломанов, 2023]. Азиатский регион, ставший новым центром мировой экономики и политики, оказывается ключевым источником как возможностей, так и дисбалансов глобализации.

На протяжении трех десятилетий после окончания холодной войны развивающиеся страны стояли перед выбором модели экономического роста. Они либо принимали условия «Вашингтонского консенсуса», открывая рынки и минимизируя роль государства в обмен на интеграцию в глобальную экономику под эгидой Запада [см. подробнее: Williamson, 2004], либо, отвергая неолиберальную парадигму, оказывались на периферии мирового развития. Успех Китая продемонстрировал существование альтернативы, впоследствии концептуализированной как «Пекинский консенсус» [см. подробнее: Ramo, 2004].

«Вашингтонский консенсус» — неолиберальная модель, основанная на фискальной дисциплине, либерализации торговли, приватизации и дерегулировании. Государство рассматривалось как источник неэффективности, рынок — как саморегулирующийся механизм. Модель навязывалась странам Глобального Юга через механизмы МВФ и Всемирного банка, однако к 2000-м гг. обнаружила системные провалы: финансовая либерализация вела к кризисам, открытие рынков уничтожало местных производителей, а единые рецепты игнорировали национальную специфику [см. подробнее: Экономические системы незападных стран, 2025: 163–174].

«Пекинский (или Поствашингтонский) консенсус» предложил иную модель, где страна сохраняет контроль над стратегическими секторами, а рынок допускается под надзором партийного государства. Внешнеэкономическая стратегия носит избирательный характер: открытие ровно настолько, насколько необходимо для

доступа к технологиям, при защите внутреннего рынка. За основу процессов берется принцип постепенности, который позволяет избегать шоковой терапии [см. подробнее: Ramo, 2004].

К началу 2020-х гг. обе модели утратили статус универсальных, что дает повод говорить о наступлении глубокого «кризиса идей» в мировой экономике. «Вашингтонский консенсус» оказался подорван протекционистским поворотом самого Запада и кризисом доверия к глобальным институтам [см. подробнее: Rodrik, 2011]. Как отмечает Д. Родрик, фундаментальная «трилемма» глобализации делает невозможным одновременное достижение демократии, национального суверенитета и глубокой экономической интеграции, что вынуждает отдавать приоритет национальным интересам перед наднациональными правилами [Rodrik, 2011].

«Пекинский консенсус» в свою очередь столкнулся со структурными дисбалансами в экономике КНР и невозможностью поддерживать прежние темпы роста за счет сохранения экспортно ориентированной модели. Санкционное давление США, особенно в области микроэлектроники, обнажило пределы догоняющего развития Китая, где для продолжения поступательного роста требуются инновационные прорывы [см. подробнее: Заклязьминская, 2022].

Фундаментальной причиной «кризиса идей» в странах Запада в том числе выступает тектонический сдвиг в распределении глобальной экономической мощи. Однако утрата Глобальным Севером прежних гегемонистских позиций не тождественна формированию нового устойчивого миропорядка. Напротив, текущая фаза мирового развития характеризуется возрастанием роли стратегического выбора модели национального и наднационального роста. Представляется возможным выделить четыре базовых сценария, детерминирующих траекторию данного выбора.

Первый сценарий предполагает возвращение к выбору между двумя уже испытанными моделями социально-экономического устройства — «Вашингтонским» и «Пекинским» консенсусами.

Второй сценарий связан с углублением и усилением блоковой идентичности. Американский блок в АТР институционализируется через ИТЭС, ориентированную на стандарты. Евразийский блок (Китай и партнеры в странах Глобального Юга, члены Шанхайской организации сотрудничества, часть стран БРИКС+ и некоторые участники ИПП) базируется на физической связанности, либерализации торговли (через ВРЭП и прочие региональные ЗСТ) и расчетах

в нацвалютах. Большинство государств Глобального Юга стремятся избежать ситуации однозначного выбора, предпочитая политику «стратегической неопределенности».

Третий сценарий — поиск альтернативных моделей развития в странах не-Запада. Индия реализует стратегию селективного участия в ИТЭС при сохранении связей с БРИКС и Евразийским экономическим союзом. Индонезия придерживается «свободной и активной»[36] политики, стремясь извлекать выгоду из сотрудничества как с Китаем, так и с Западом. Саудовская Аравия в рамках «Vision 2030» совмещает китайские инвестиции, военный альянс с США и собственные финансовые институты[37]. Однако ни один из обсуждаемых консенсусов, включая потенциально перспективный «Делийский», пока не демонстрирует способности стать полноценной альтернативой двум доминирующим моделям.

Четвертый сценарий — переход к «глобализации 2.0», принципиально отличной по своей структурной организации. Ее ключевая особенность заключается в отсутствии единого полюса силы и преодолении жесткого деления мира на «центр» и «периферию». В основе этой модели лежат не стремление к финансовой экспансии и не экономический рост как самоцель, а принципы устойчивого развития и приоритет социальной политики. Главная задача «Глобализации 2.0» видится в обеспечении справедливого развития в противовес универсалистским стандартам, ранее навязывавшимся Западом. Такая «многополярная глобализация» признает право на инаковость, допускает сосуществование различных укладов и асинхронность национального развития. Блоковые объединения в этой модели носят ситуативный характер и формируются под решение конкретных задач, а не под диктат единого гегемона[38].

На современном этапе ни один из стратегических выборов не реализовался в завершенной форме. Мировая система вступила в фазу постглобализма [см. подробнее: Flew, 2018] — переходного состояния, при котором прежние универсальные модели утратили

[36] Myers L. Indonesia's foreign policy under Prabowo: still free but more active? // The Diplomat. 19.03.2025. URL: https://thediplomat.com/2025/03/indonesias-foreign-policy-under-prabowo-still-free-but-more-active/ (accessed: 05.04.2026).

[37] Saudi Vision 2030. URL: https://www.vision2030.gov.sa/en (accessed: 05.04.2026).

[38] Кортунов А. Какой будет «Глобализация 2.0»? // Российский совет по международным делам. 19.03.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-budet-globalizatsiya-2-0/ (дата обращения: 05.04.2026).

эффективность, а новая институциональная среда еще не сформировалась. Постглобализм, по мнению Т. Флю, не означает отказа от глобализации, но предполагает более сложную картину мира, где глобальные силы переплетаются с национальными интересами и политикой идентичности, что ученый определяет как «возвращение государства» (*return of the state*).

Для стран Глобального Юга постглобализм открывает окно возможностей, но ставит перед экзистенциальным выбором: присоединение к американскому блоку дает доступ к технологиям ценой уступки суверенитета, ориентация на Китай сулит инфраструктурное развитие, но несет скрытые риски (рост политической и экономической зависимости). Попытка построения автономных стратегий — наиболее сложный вариант, требующий внутренней консолидации и способности артикулировать собственное видение будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.

2. Баран П.А. К экономической теории общественного развития. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2017.

4. Ван Ивэй. Да бяньцзюй ся дэ Чжунго цзюэсэ [Роль Китая в условиях глобальных перемен]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2021. (На кит. яз.)

5. Войченко О.В. Арабский консенсус или непубличные пункты Вашингтонского консенсуса // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 5, № 1. С. 106–110.

6. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Воскресенского; 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2015.

7. Дегтерев Д.А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 113–122. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122.

8. Заклязьминская Е.О. Геополитический треугольник «Россия — США — Китай» в условиях санкционного противоборства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 7 (655). С. 57–71. DOI: 10.31857/S2686673024070055.

9. Заклязьминская Е.О. Позиции Китая в мировой гонке за доминирование в области высоких технологий // Афро-азиатские страны и новые

технологии — 2022 / отв. ред. Н.Н. Цветкова. М.: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 32–48.

10. Заклязьминская Е.О., Зуенко И.Ю. Американская политика давления на Китай // «Пояс и путь» в Евразии. Новые вызовы и ответ Китая / под ред. Я.В. Лексютиной, Ю.В. Кулинцева. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 15–38.

11. Икромов Д.З. Международная экономическая интеграция. М.: Юрайт, 2023.

12. Комолов О.О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С. 50–63.

13. Кузнецов А.В. Влияние деглобализации на фрагментацию мировой экономики // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4, № 2. С. 5–13. DOI: 10.24412/2949-6454-2025-0115.

14. Ломанов А.В. Предвидеть «лебедя», заметить «носорога» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 1. С. 138–152. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-138-152.

15. Луконин С.А., Заклязьминская Е.О. Трансформация социально-экономической модели Китая в условиях пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 6. С. 198–216. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-11.

16. Меркулов К.К. К вопросу о международном значении «китайской модели» реформ // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 314–329. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10018.

17. Михеев В.В., Луконин С.А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 25–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33.

18. Мосейкин Ю.Н., Охеда Кальюни Э., Мосейкина М.Н. Латинская Америка: от «Вашингтонского» к «Корнуоллскому консенсусу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 506–519. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519.

19. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

20. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России / под ред. Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2022.

21. Новые тренды в экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. М.: Аспект Пресс, 2023.

22. Перспективы экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова. М.: Кнорус, 2019.

23. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература, 1998.

24. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА РАН, 1992.

25. Современные международные экономические отношения в эпоху постбиполярности / под ред. Т.М. Исаченко. М.: МГИМО-Университет, 2020.

26. Цай То. Шицзе чжуи лилунь цзи ци дандай цзячжи [Теория космополитизма и ее современная ценность]. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2023. (На кит. яз.)

27. Чёрная И.П. Геоэкономика: учебное пособие. М.: Дашков и К°, 2015.

28. Экономические системы незападных стран: учебное пособие / под ред. А.А. Габарты, Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2025.

29. Яковлев П.П. Поликризис глобальной экономики: последствия для западных и незападных стран // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 1 (36). С. 7–22. DOI: 10.32726/2411-3417-2024-1-7-22.

30. Яковлев П.П. «Трампономика» и параметры глобальной нестабильности // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1 (9). С. 5–19. URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/tramponomika_i_parametry_globalnoj_nestabilnosti_2016-12-26.htm (дата обращения: 05.04.2026).

31. Amin S. Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism. N.Y.: Monthly Review Press, 1976.

32. Ashbee E. Deglobalization. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing, 2024.

33. Bello W. Deglobalization: ideas for a new world economy. London; N.Y.: Zed Books, 2004.

34. Flew T. Post-globalisation // Javnost: The Public. 2018. Vol. 25, No. 1–2. P. 102–109. DOI: 10.1080/13183222.2018.1418958.

35. Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America: historical studies of Chile and Brazil. N.Y.: Monthly Review Press, 1967.

36. Ramo J.C. The Beijing consensus. London: The Foreign Policy Centre, 2004.

37. Rodrik D. The globalization paradox: democracy and the future of the world economy. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2011.

38. Williamson J. The strange history of the Washington consensus // Journal of Post Keynesian Economics. 2004. Vol. 27, No. 2. P. 195–206.

REFERENCES

1. Arrighi, G. (1994) *The long twentieth century: money, power and the origins of our times*. London: Verso [Russ. edn: Arrigi, Dzh. (2006) Dolgii dvadtsatyi vek: den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. Moscow: Territoriya budushchego Publ.].

2. Baran, P.A. (1957) *The political economy of growth*. N.Y.: Monthly Review Press [Russ. edn: Baran, P.A. (1960) K ekonomicheskoi teorii obshchestvennogo razvitiya. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.].

3. Wallerstein, I. (2004) *World-systems analysis: an introduction*. Durham, London: Duke University Press [Russ. edn: Vallerstain, I. (2017) Mirosistemnyi analiz. Vvedenie. 2nd edn. Moscow: Lenand Publ.].

4. Wang Yiwei (2021) Da bianju xia de Zhongguo juese [China's role in the context of great transformation]. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese.)

5. Voichenko, O.V. (2011) 'Arabskii konsensus ili nepublichnye punkty Vashingtonskogo konsensusa' [Arab consensus or non-public points of the Washington consensus], *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 5(1), pp. 106–110. (In Russian.)

6. Voskresenskii, A.D. (ed.) (2015) *Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy* [The East and politics: political systems, political cultures, political processes]. 2nd edn. Moscow: Aspekt Press. (In Russian.)

7. Degterev, D.A. (2021) 'Nezapadnye teorii razvitiya v epokhu global'nogo kapitalizma' [Non-Western theories of development in the global capitalism era], *World Economy and International Relations*, 65(4), pp. 113–122. Available at: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122. (In Russian.)

8. Zaklyaz'minskaya, E.O. (2024) 'Geopoliticheskii treugol'nik 'Rossiya — SShA — Kitai' v usloviyakh sanktsionnogo protivoborstva' [Geopolitical triangle 'Russia — USA — China' in the context of sanctions confrontation], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (7), pp. 57–71. Available at: https://doi.org/10.31857/S2686673024070055. (In Russian.)

9. Zaklyaz'minskaya, E.O. (2022) 'Pozitsii Kitaya v mirovoi gonke za dominirovanie v oblasti vysokikh tekhnologii' [China's positions in the global race for high-tech dominance], in N.N. Tsvetkova (ed.) *Afro-aziatskie strany i novye tekhnologii — 2022* [Afro-Asian countries and new technologies, 2022]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., pp. 32–48. (In Russian.)

10. Zaklyaz'minskaya, E.O. and Zuenko, I.Yu. (2025) 'Amerikanskaya politika davleniya na Kitai' [American pressure on China], in Ya.V. Leksyutina and Yu.V. Kulintsev (eds) *'Poyas i put'' v Evrazii. Novye vyzovy i otvet Kitaya* [The Belt and Road Initiative in Eurasia: new challenges and China's response]. Moscow: IKSA RAN Publ., pp. 15–38. (In Russian.)

11. Ikromov, D.Z. (2023) *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya* [International economic integration]. Moscow: Yurait Publ. (In Russian.)

12. Komolov, O.O. (2018) 'Deglobalizatsiya v kontekste mirovoi ekonomicheskoi stagnatsii' [Deglobalization in the context of global economic stagnation], *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, (4), pp. 50–63. (In Russian.)

13. Kuznetsov, A.V. (2025) 'Vliyanie deglobalizatsii na fragmentatsiyu mirovoi ekonomiki' [The impact of deglobalization on the fragmentation of the world economy], *World Economy and World Finance*, 4 (2), pp. 5–13. Available at: https://doi.org/10.24412/2949-6454-2025-0115. (In Russian.)

14. Lomanov, A.V. (2023) 'Predvidet' 'lebedya', zametit' 'nosoroga'' [To foresee the 'swan', to notice the 'rhino'], *Russia in Global Affairs*, 21(1), pp. 138–152. Available at: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-138-152. (In Russian.)

15. Lukonin, S.A. and Zaklyaz'minskaya, E.O. (2020) 'Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskoi modeli Kitaya v usloviyakh pandemii' [Transformation of the socio-economic model of China in the context of a pandemic], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(6), pp. 198–216. Available at: https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-6-11. (In Russian.)

16. Merkulov, K.K. (2019) 'K voprosu o mezhdunarodnom znachenii 'kitaiskoi modeli' reform' [On the international significance of the 'Chinese model' of reforms], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 24(24), pp. 314–329. Available at: https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10018. (In Russian.)

17. Mikheev, V.V. and Lukonin, S.A. (2021) 'Vtoroye stoletiye Kommunisticheskoy partii Kitaya i novaya bipolyarnost'' [The second century of the Communist Party of China and the new bipolarity], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 65(7), pp. 25–33. Available at: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33. (In Russian.)

18. Moseikin, Yu.N., Oheda Kal'yuni, E. and Moseikina, M.N. (2022) 'Latinskaya Amerika: ot 'Vashingtonskogo' k 'Kornuollskomu konsensusu'' [Latin America: from the 'Washington' to the 'Cornwall' consensus], *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(3), pp. 506–519. Available at: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519. (In Russian.)

19. Mikheev, V.V. and Shvydko, V.G. (eds) (2020) *Natsional'nye i mezhdunarodnye strategii na indo-tikhookeanskom prostranstve: analiz i prognoz* [National and international strategies in Indo-Pacific: analysis and forecast]. Moscow: IMEMO RAN Publ. (In Russian.)

20. Isachenko, T.M. and Revenko, L.S. (eds) (2022) *Novaya paradigma razvitiya mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii: vyzovy i perspektivy dlya Rossii* [A new paradigm for the development of international economic relations: challenges and prospects for Russia]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. (In Russian.)

21. Bulatov, A.S., Galishcheva, N.V. and Maksakova, M.A. (eds) (2023) *Novye trendy v ekonomicheskoi globalizatsii* [New trends in economic globalization]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian.)

22. Bulatov, A.S. (ed.) (2019) *Perspektivy ekonomicheskoi globalizatsii* [Prospects of economic globalization]. Moscow: Knorus Publ. (In Russian.)

23. Portyakov, V.Ya. (1998) *Ekonomicheskaya politika Kitaya v epokhu Den Syaopina* [China's economic policy in Deng Xiaoping's era]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian.)

24. Prebisch, R. (1981) *Capitalismo periferico. Crisis y transformacion*. Mexico: Fondo de Cultura Economica [Russ. edn: Prebish, R. (1992) *Periferiinyi kapitalizm: est' li emu al'ternativa?* Moscow: ILA RAN Publ.].

25. Isachenko, T.M. (ed.) (2020) *Sovremennye mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya v epokhu postbipolyarnosti* [Modern international economic relations in the post-bipolar era]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. (In Russian.)

26. Cai Tuo (2023) Shijie zhuyi lilun ji qi dangdai jiazhi [Cosmopolitanism theory and its contemporary value]. Tianjin: Tianjin Renmin Chubanshe. (In Chinese.)

27. Chernaya, I.P. (2015) *Geoeconomika* [Geoeconomics]. Moscow: Dashkov i K° Publ. (In Russian.)

28. Gabarta, A.A. and Degterev, D.A. (eds) (2025) *Ekonomicheskie sistemy nezapadnykh stran* [Economic systems of non-Western countries]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian.)

29. Yakovlev, P.P. (2024) 'Polikrizis global'noi ekonomiki: posledstviya dlya zapadnykh i nezapadnykh stran' [Polycrisis of the global economy: consequences for Western and non-Western countries], *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, (1), pp. 7–22. Available at: https://doi.org/10.32726/2411-3417-2024-1-7-22. (In Russian.)

30. Yakovlev, P.P. (2017) ''Tramponomika' i parametry global'noi nestabil'nosti' ['Trumponomics' and the parameters of global instability], *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, (1), pp. 5–19. Available at: https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/tramponomika_i_parametry_globalnoj_nestabilnosti_2016-12-26.htm (Accessed: 5 April 2026). (In Russian.)

31. Amin, S. (1976) *Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism*. New York, NY: Monthly Review Press.

32. Ashbee, E. (2024) *Deglobalization*. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing.

33. Bello, W. (2004) *Deglobalization: ideas for a new world economy*. London, New York, NY: Zed Books.

34. Flew, T. (2018) 'Post-globalisation', *Javnost: The Public*, 25(1–2), pp. 102–109. Available at: https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1418958.

35. Frank, A.G. (1967) *Capitalism and underdevelopment in Latin America: historical studies of Chile and Brazil*. New York, NY: Monthly Review Press.

36. Ramo, J.C. (2004) *The Beijing consensus*. London: The Foreign Policy Centre.

37. Rodrik, D. (2011) *The globalization paradox: democracy and the future of the world economy*. New York, NY: W.W. Norton & Company.

38. Williamson, J. (2004) 'The strange history of the Washington consensus', *Journal of Post Keynesian Economics*, 27(2), pp. 195–206.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025;
одобрена после рецензирования 05.04.2026;
принята к публикации 28.04.2026

The paper was submitted 14.12.2025;
approved after reviewing 05.04.2026;
accepted for publication 28.04.2026

Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. № 1. С. 111–153
Lomonosov World Politics Journal. 2026. No. 1. P. 111–153

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-111-153

Научная статья / Research paper

П.В. Кузнецов*

ОТ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ К КОНКУРЕНТНОМУ РЕГИОНАЛИЗМУ: АТР В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и Современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Модель глобализации, сложившаяся во второй половине XX в., в настоящий момент оказалась в состоянии глубокого кризиса, наглядным выражением которого является нарастающая фрагментация единого экономического пространства. В этих условиях ведущие субъекты международных отношений пересматривают свою экономическую политику, отдавая приоритет соображениям безопасности над эффективностью и пытаясь переформатировать под свои нужды региональные экономические порядки. Наиболее выразительно эта тенденция проявляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где разворачивается конкуренция между сразу несколькими моделями региональной интеграции, а фактически происходит отработка одного из потенциальных форматов будущего мироустройства. На первый план в этом контексте выходит соперничество интеграционных моделей, продвигаемых США и КНР, как двух основных центров экономической гравитации в регионе. Американская экономическая стратегия подчинена цели гарантировать региональное доминирование США, что в условиях кризиса модели неолиберальной глобализации всё больше превращается в анахронизм. Китайские интеграционные проекты, напротив, нацелены не столько на установление региональной гегемонии, сколько на выстраивание такой экономической архитектуры, которая защитила бы Китай от повторения ситуации «века унижения». При этом главным препятствием на пути реализации китайской стратегии в АТР, по мнению автора, могут стать не столько торгово-технологические санкции и военно-политическое давление со стороны государств Запада, сколько структурные проблемы

* *Кузнецов Павел Вячеславович* — заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН (e-mail: pkuznetsov@iccaras.ru; ORCID: 0009-0008-8853-0220).

© Кузнецов П.В., 2026

экономики КНР. Американо-китайское экономическое противостояние ставит перед региональными игроками новые вызовы и одновременно открывает новые возможности для проведения собственной независимой политики. В этом отношении обращает на себя внимание японская стратегия экономической интеграции в АТР, которую можно рассматривать как достаточно выверенную и просчитанную попытку Токио занять нишу нормативного, а может, и инфраструктурного мостика между конкурирующими центрами силы. Наконец, особый интерес представляет политика стран — участниц АСЕАН, которые, используя многовекторную дипломатию для выстраивания связей между различными интеграционными контурами, извлекают выгоду из конкуренции между ними и отыгрывают себе дополнительное пространство для маневра. В целом, несмотря на то что новый многополярный мировой порядок еще находится в стадии становления, пример АТР уже сейчас показывает, что он будет существенно отличаться от предыдущих исторических аналогов значительно большей сложностью и взаимозависимостью.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, деглобализация, регионализм, США, КНР, Япония, АСЕАН, путь АСЕАН, «Пояс и путь», ВРЭП, ИТЭС, ВПСТП

Для цитирования: Кузнецов П.В. От деглобализации к конкурентному регионализму: АТР в контексте становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 111–153. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-111-153.

Pavel V. Kuznetsov

FROM DEGLOBALIZATION TO COMPETING REGIONALISM: ASIA-PACIFIC REGION IN THE CONTEXT OF THE EMERGING MULTIPOLAR WORLD ORDER

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

The globalization model that took its shape in the second half of the 20th century is currently in a deep crisis, vividly manifested in the increasing fragmentation of the previously integrated economic space. Under these conditions,

the leading actors in international relations are revising their economic policies, prioritizing security considerations over efficiency and seeking to tailor regional economic orders to their own needs. This trend is most pronounced in the Asia-Pacific, where competition between several models of regional integration is unfolding, effectively serving as a testing ground for one of the potential formats of the future world order. In this context, the rivalry between the integration models advanced by the United States and the People's Republic of China, as the two principal centers of economic gravity in the region, comes to the fore. The U.S. economic strategy is subordinated to the goal of securing regional dominance; a pursuit that, amid the crisis of the neoliberal globalization model, is increasingly becoming an anachronism. China's integration projects, by contrast, are aimed not so much at establishing regional hegemony as at building an economic architecture that would protect China from a recurrence of the 'century of humiliation'. At the same time, the author argues that the main obstacle to the implementation of China's strategy in the Asia-Pacific may lie not in trade and technological sanctions or military-political pressure from Western states, but rather in the structural problems of the PRC's economy. The Sino-American economic confrontation poses new challenges to regional players while simultaneously opening up new opportunities for pursuing independent policies. In this regard, Japan's strategy of economic integration in the Asia-Pacific merits particular attention; it can be regarded as a carefully calibrated and well-calculated attempt by Tokyo to occupy the niche of a normative, and perhaps also infrastructural, bridge between the competing centers of power. Finally, the policies of the ASEAN member states are of particular interest: by employing multi-vector diplomacy to build linkages among various integration frameworks, they benefit from the competition between them and carve out additional room for maneuver. In general, although the new multipolar world order is still in the making, the case of the Asia-Pacific already demonstrates that it will differ markedly from previous historical analogues in its considerably greater complexity and interdependence.

Keywords: Asia-Pacific, Indo-Pacific, deglobalization, regionalism, USA, China, Japan, ASEAN, ASEAN Way, Belt and Road, RCEP, IPEF, CPTPP

About the author: *Pavel V. Kuznetsov* — Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: pkuznetsov@iccaras.ru; ORCID: 0009-0008-8853-0220).

For citation: Kuznetsov, P.V. (2026) 'From deglobalization to competing regionalism: Asia-Pacific region in the context of the emerging multipolar world order', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 111–153. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-111-153. (In Russian.)

Расцвет процесса глобализации, зародившегося еще в период формирования Бреттон-Вудской системы, пришелся на конец XX — начало XXI в., когда с распадом Советского Союза исчезли последние барьеры для создания единого мирового рынка по модели, сформулированной западными идеологами.

К числу достижений глобализации можно отнести масштабный рост международной торговли, создание глобальных цепочек движения товаров и управления стоимостью, трансграничную оптимизацию производств в мировом масштабе, взрывной технологический прогресс, широкую инновационную кооперацию [см. подробнее: Ноздрев, 2025; Романов, 2025].

Между тем уже в ходе мирового финансового кризиса 2008 г., а в последующем также во время пандемии COVID-19 и особенно после начала активной фазы украинского конфликта стали заметны серьезные уязвимости данной модели, по сути, ее несоответствие современному этапу развития цивилизации:

1) дерегуляция — обрушение по всему миру созданных глобализацией сложных и непрозрачных трансграничных финансовых цепочек, начавшееся с кризиса «ипотечного пузыря» в США («эффект домино»);

2) дефицит национального управления — правительства разных стран обнаружили свою неспособность контролировать транснациональные корпорации и банки (при этом, хотя деятельность последних и носила глобальный характер, спасать их пришлось за деньги собственных налогоплательщиков);

3) разрушение «социального контракта» — финансовые элиты получили госпомощь, а простые граждане даже в развитых странах потеряли рабочие места и жилье, что позже привело к росту протекционизма и популизма;

4) хрупкость глобальных цепочек поставок — остановка заводов в Китае во время пандемии и введение «локдаунов» в Европе мгновенно парализовали производство по всему миру, в результате резкий дефицит жизненно необходимых товаров первой необходимости (фармацевтика, медицинское оборудование, электроника) показал, что их производство гиперконцентрировано в нескольких странах (прежде всего в КНР), — ожидаемо вызвало панику и подорвало репутацию глобального разделения труда;

5) примат национального над глобальным — мир неожиданно столкнулся с «вакцинным национализмом» и закрытием границ,

при этом глобальные институты, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), не смогли своевременно выработать эффективные решения, фактически сдавшись перед напором национальных эгоистических и часто панических мер;

6) секьюритизация экономики — с началом украинского конфликта глобальные рынки (энергоносители, продовольствие, редкоземельные металлы и даже финансовые резервы) стали инструментами гибридной войны, правила глобальной торговли подчинились политической целесообразности;

7) фрагментация и блоковое мышление — страны осознанно начали жертвовать своей реальной экономической выгодой ради мнимой безопасности (отказ от дешевых российских энергоносителей в Европе, несмотря на шок для промышленности и экономическую рецессию, разрушил неприкосновенность рынка).

Отражением этих кризисных тенденций стал процесс, который сейчас принято называть деглобализацией, предполагающий фрагментацию единого экономического пространства. Одним из измерений этого процесса является попытка ряда государств вернуть себе экономический суверенитет за счет пересмотра своей экономической политики, как внешней, так и внутренней, и приоритизации соображений безопасности над эффективностью [см. подробнее: Mariotti, 2024]. Это происходит в том числе в связи с резким и травматичным разрывом по политическим мотивам устоявшихся и, главное, эффективных международных цепочек создания и поставок товаров. Как таковая деглобализация является в целом деструктивным процессом и не может считаться элементом позитивного развития — это скорее откат назад.

На смену «схлопывающейся» глобализации приходит регионализация. Теперь ведущие глобальные игроки настраивают под себя приоритетные регионы, а не весь мир сразу. Иными словами, международное экономическое и политическое сотрудничество переформатируется на региональном уровне на новых принципах через создание отдельных экономических порядков[1] [см. подробнее: Афанасьева, Ильина, 2025].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) из великих держав сейчас активно действуют только США и Китай. Создаваемые ими региональные системы сталкиваются, пересекаются, конкурируют,

[1] Nagy S.R. The economics of regional integration. London: Routledge, 2025.

вызывая серьезные трения и конфликты. Пекин активно, где-то даже агрессивно (как, например, в кейсе с портом Хамбантота в Шри-Ланке [см. подробнее: Stanojević, 2024]) реализует свою инициативу «Пояс и путь» (ИПП; Belt and Road Initiative, BRI) [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025]. Вашингтон, в противовес Китаю, продвигает Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИТЭС; Indo-Pacific Economic Framework, IPEF) [см. подробнее: Papanikos, 2024]. Япония и Республика Корея, оставаясь в американском лагере, предпочитают выстраивать собственные стратегии экономической безопасности, не вступая в открытую конфронтацию с КНР и участвуя в различных региональных форматах сотрудничества. При этом так называемые средние державы, остальные страны региона, проводят привычную и оправдавшую себя многовекторную политику, извлекая максимально возможную выгоду в моменте.

В этом азиатско-тихоокеанском «котле» происходит отработка одного из потенциальных форматов будущего мироустройства, где могут эффективно сосуществовать конкурирующие экономические системы со своими центрами силы и интеграционными объединениями, а региональные акторы могут проводить гибкую политику, маневрируя между ними. Такое взаимодействие не ограничивается экономическим измерением, поскольку любые экономические блоки, даже перестав выполнять явную политическую функцию, как во времена расцвета глобализации, тем не менее остаются для великих держав инструментом их «мягкой силы», распространения их влияния, каналами продвижения их стандартов и правил.

Формирование региональных систем — не феномен новейшего времени. Это закономерный процесс децентрализации, обычно самозапускающийся в условиях ослабления центра силы (великой державы или сверхдержавы). Мир проходил через это много раз. Достаточно вспомнить Вестфальский мир 1648 г. после Тридцатилетней войны или Венский конгресс 1814–1815 гг. Возможное отличие нынешних процессов состоит в том, что они, хоть и вызванные внешней причиной (исчерпание потенциала глобализации), вместе с тем развиваются через возрастающий приоритет региональных политических, экономических и культурных связей над масштабным глобальным взаимодействием. На некоторых этапах такие региональные системы могут приобретать значительную автономию с собственными центрами гравитации (не всегда силы), правилами многовекторных взаимоотношений, процедурами интеграции. Из

этих систем формируется так называемая мозаичная многополярность, в основе которой — внутрирегиональная экономическая взаимозависимость как основной системообразующий фактор, от которого зависят архитектура, представленность, границы конкретного объединения.

Таким образом, на этапе отхода мира от уни- или биполярности именно экономические инструменты становятся для государств основным средством достижения своих геополитических целей, когда главные сражения происходят не в военно-политической сфере, а в области контроля над рынками сбыта, стратегическими ресурсами, технологиями, транспортными маршрутами [см. подробнее: Morschett et al., 2025].

Именно эти процессы мы и наблюдаем сейчас в АТР — формирование двух региональных систем, китаецентричной и американоориентированной, вокруг двух центров экономической гравитации. Рядом (не на равных, но со своим вектором развития) формируется и отдельная, может, даже потенциально автономная «асеановская» модель. В этой связи ИПП, ИТЭС, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП; Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) и другие региональные интеграционные объединения надо рассматривать не как чисто экономические проекты, а как инструменты создания определенными акторами своих «карманных» региональных систем, где экономическое влияние, контроль над товарными и инвестиционными потоками используются для продвижения собственной политической повестки, а в некоторых случаях — в качестве стратегических рычагов давления, как, например, в ходе американской тарифной войны 2024–2025 гг.[2] [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025; Liu et al., 2025; Political economy of East Asian economic integration…, 2025; Raj Aura et al., 2025].

Такие действия великих держав можно рассматривать как яркое проявление известной концепции «экономического государствования» (*economic statecraft*), когда под продвигаемые (или навязываемые) правила игры создаются региональные финансовые институты, преференциальные торговые зоны, устанавливаются

[2] Wen Jing. China's three-dimensional path to building an Asia-Pacific regional cooperation network // China Watch. 28.11.2025. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI0NzgzODQzMQ==&mid=2247541293&idx=2&sn=8bc47a74d3e58c423f444a0214c05f14&chksm=e805ad3d4ea2fe1efbdd21e924e9f4ee21b4ccc1850ea03975b0f1ba0647c4f7826befcc96e7&scene=27 (accessed: 15.03.2026). (In Chinese.)

строгие технические стандарты, (например, зеленая повестка, ESG-открытость (от англ. *environmental, social, governance*))[3].

Цель данного исследования — определение контуров новой би- или многополярной системы и оценка потенциала американских и китайских интеграционных инициатив, а также балансирующих стратегий «средних держав» в области трансформации экономического пространства АТР. В фокусе исследования находятся три взаимосвязанных сюжета: эволюция экономической стратегии США, становление китаецентричной региональной системы, роль Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и «средних держав» как балансиров локальной архитектуры. Япония рассматривается не столько как союзник США, сколько как влиятельный региональный актор, выстраивающий собственную (весьма специфическую) модель экономической безопасности в условиях американо-китайской конфронтации.

Структура статьи выстроена следующим образом. После теоретико-постановочной части следуют два раздела, посвященные экономическим стратегиям США и Китая как двух великих держав и главных игроков в регионе. Каждая из стратегий исследована в динамике — от исторических предпосылок до современных интеграционных проектов. Затем рассмотрена интеграционная стратегия Японии как одной из наиболее мощных региональных экономик и влиятельного участника интеграционных процессов в АТР, создающего собственную экосистему региональных взаимоотношений. Наконец, в центре внимания последнего раздела находится уровень «средних держав» и АСЕАН как площадки регионального консенсуса. Выбранная структура исследования позволяет показать, как более мелкие, но при этом весьма значимые акторы и их национальные интеграционные стратегии дополняют многослойную, многополярную архитектуру региона. В завершающем разделе дана оценка потенциальным траекториям развития региональной подсистемы, жизнеспособности зарождающихся форматов и их роли в контексте формирования многополярного мирового порядка.

[3] McMaster H.R., Grotto A.J. Economic statecraft: the need for an integrated approach // Hoover Institution. March 2025. URL: https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/McMaster-Grotto_EconomicStatecraft_web-240303.pdf (accessed: 15.03.2026); Rafih R., Bharadwaj A., Rodríguez-Chiffelle C. et al. Economic statecraft is back. Here's why it matters // Boston Consulting Group (BCG). 29.10.2024. URL: https://www.bcg.com/publications/2024/economic-statecraft-is-back (accessed: 15.03.2026).

Американская стратегия сдерживания

Американское доминирование в регионе имеет глубокие исторические корни. Сан-Францисская система военно-политических договоренностей США со странами АТР, оформившаяся в 1950-е гг., обеспечила на долгие годы не только сдерживание СССР, КНР, КНДР и ДРВ, но и контроль Вашингтона над горизонтальными коммуникациями государств региона, так как модель «оси и спиц» (*hub-and-spoke model*) предполагала связь между вовлеченными акторами только через США. Именно альянсы с Японией, Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей и Тайванем заложили основу гегемонии Соединенных Штатов в регионе [см. подробнее: Верхоломов, 2024b]. Превращение Японии из противника в стратегического партнера США обеспечило ей экономическое возрождение и определенную либерализацию. Вашингтон при этом делал ставку на Японию как на главного экономического конкурента региональным коммунистическим системам.

С Китаем же ситуация стала развиваться по иному сценарию. После нормализации китайско-американских отношений при Р. Никсоне и Дж. Картере во внешнеполитических кругах США возобладало мнение, что поддержка экономической либерализации КНР приведет и к ее политической либерализации («теория конвергенции»). Китай не воспринимался Соединенными Штатами как серьезный экономический конкурент, поэтому такой курс американские администрации проводили вплоть до начала 2000-х гг., когда уже при прямой поддержке У. Клинтона КНР вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО).

С 1990 г. в связи с окончанием холодной войны начался масштабный процесс пересмотра экономической стратегии США в регионе, растянувшийся на целое десятилетие. Исчезновение главного идеологического противника обусловило необходимость формирования новой экономической архитектуры, в основе которой должны были лежать принципы неолиберальной глобализации, понятные и удобные для Вашингтона. Ключевой инициативой в этом направлении стал форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который и был призван обеспечить институциональные рамки для экономического диктата США в регионе [см. подробнее: Верхоломов, 2024a]. Главным вызовом в этот период оказался разразившийся в 1997–1998 гг. азиатский финансовый

кризис, который выявил структурные уязвимости региональной экономической модели и потребовал масштабного вмешательства Международного валютного фонда (МВФ) при доминирующей роли США [см. подробнее: Vlados, Chatzinikolaou, 2025]. Китай в это время оставался периферийным игроком в глобальных экономических отношениях, спокойно проводя внутренние экономические реформы.

Однако уже с 2001 г. и примерно по 2016 г. в регионе развернулась новая масштабная трансформация, связанная со вступлением Китая в ВТО, а также его стремительной экономической модернизацией и развитием. Если ранее в основе стратегии США в отношении КНР лежала связка «интеграция Китая в глобальную экономику — его политическая либерализация», то уже в 2010-е гг. стало очевидно, что Пекин, сохранив свою политическую модель, стремительно превращается в ключевого экономического конкурента Вашингтона не только в АТР, но потенциально и во всём мире. Объем американо-китайской торговли вырос со 120 млрд долл. в 2001 г. до почти 660 млрд долл. в 2018 г.[4], сформировав сохраняющуюся и по сей день беспрецедентную экономическую взаимозависимость двух стран [см. подробнее: Roudometof, 2024].

С 2017 г. экономическое соперничество между США и Китаем, продолжая нарастать по экспоненте, приобрело уже характер системной конфронтации. Первой на это отреагировала администрация Б. Обамы, разработавшая Индо-Тихоокеанскую стратегию сдерживания[5]. Затем в годы первого президентства Д. Трампа США усилили и даже радикализировали этот подход, официально обозначив Китай в качестве стратегического конкурента[6], и развязали первую торговую войну, введя тарифы на китайские товары на сумму более 200 млрд долл.[7]

[4] Myers J. More than 30 years of US trade with China, in one chart // World Economic Forum. 28.05.2019. URL: https://www.weforum.org/stories/2019/05/more-than-30-years-of-us-trade-with-china-in-one-chart (accessed: 15.03.2026).

[5] Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022 // The White House (2021–2025). URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (accessed: 15.03.2026).

[6] National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // The White House (2017–2021). URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed: 15.03.2026).

[7] USTR finalizes tariffs on $200 billion of Chinese imports in response to China's unfair trade practices // Office of the United States Trade Representative (archive). 18.09.2018.

В Пекине ожидали, что после прихода Дж. Байдена произойдет отказ от этого подхода, однако он, напротив, был закреплен и углублен. Его администрация не стала снимать ограничения и сосредоточилась на стратегии де-рискинга (*de-risking*), связанной со снижением критической зависимости от КНР в стратегических отраслях [см. подробнее: Mariotti, 2024]. На это был направлен и Закон о снижении инфляции[8], и Закон о чипах и науке[9], которыми предусматривались масштабные субсидии для развития производства проводников и зеленых технологий на территории Соединенных Штатов. Можно сказать, что именно в этот период Россия окончательно перестала быть экономическим конкурентом США в регионе: ВВП Китая на тот момент превышал российский почти в 10 раз[10], а его доля в глобальных цепочках создания стоимости делала его несравненно более значимым игроком мировой экономики [см. подробнее: Ноздрев, 2025; Романов, 2025].

Преемственность в стратегии сдерживания КНР при разных администрациях можно объяснить наличием в Вашингтоне широкого межпартийного консенсуса в отношении нарастающих угроз, исходящих от Китая. Можно заметить, что и республиканцы, и демократы, несмотря на в целом значимые различия в тактических шагах, тем не менее разделяют общее убеждение в необходимости комплексного противодействия китайским амбициям по изменению сложившегося и удобного для США международного порядка. Именно в этом контексте представляется целесообразным рассматривать запущенную Вашингтоном в мае 2022 г. инициативу по созданию ИТЭС [см. подробнее: Raj Aura et al., 2025].

Данная инициатива включает четыре крупных тематических направления: справедливая и устойчивая торговля, цепочки поставок, чистая экономика и, наконец, борьба с коррупцией, налоговая политика и противодействие уклонению от уплаты налогов. Сразу

URL: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/september/ustr-finalizes-tariffs-200 (accessed: 15.03.2026).

[8] H. R. 5376 – An Act to Provide for Reconciliation Pursuant to Title II of S. Con. Res. 14 // Library of Congress. 16.08.2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376 (accessed: 15.03.2026).

[9] H. R. 4346 – CHIPS and Science Act // Library of Congress. 09.08.2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346 (accessed: 15.03.2026).

[10] GDP – Gross Domestic Product // CountryEconomy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp?year=2020 (accessed: 15.03.2026).

бросается в глаза важное отличие ИТЭС[11] от традиционных соглашений о свободной торговле (Зона свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Area, AFTA)[12], ВРЭП[13], Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТП, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP)[14]) — отсутствие обязательств по снижению тарифов. Это связано с растущим в США скептицизмом относительно выгод от дальнейшей торговой либерализации с учетом изменившихся политико-экономических реалий.

Стратегия Вашингтона по продвижению ИТЭС носит многоуровневый характер. Прежде всего речь идет о создании институциональной альтернативы китайским инициативам, таким как ВРЭП и ИПП. В экономическом плане США стремятся зафиксировать в регионе новые правила игры, соответствующие американским подходам и стандартам в таких сферах, как, например, защита данных, экологические нормы и даже трудовые права. На политическом уровне провозглашение ИТЭС, очевидно, должно продемонстрировать сохраняющуюся включенность США в дела региона, особенно после их выхода из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в 2017 г., что вызвало серьезное беспокойство у их партнеров и союзников в АТР. При этом важно отметить, что ИТЭС не предполагает какого-то преференциального доступа к американскому рынку, в то время как именно экономические соображения являются для многих стран региона основной причиной участия в различных интеграционных проектах. Сомнения и опасения государств АТР только усугубляются на фоне многочисленных угроз президента США Д. Трампа ввести, по сути, запретительные тарифы в отношении многих из них. Наконец, на оценку надежности обязательств Вашингтона негативно влияет и непростая внутриполитическая ситуация в США.

[11] Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/ipef (accessed: 15.03.2026).

[12] Meng-Kng C. Regional business development in ASEAN: AFTA // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/regional-business-development-in-asean-afta (accessed: 15.03.2026).

[13] Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep (accessed: 15.03.2026).

[14] Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028056a333 (accessed: 15.03.2026).

Региональные игроки опасаются, что долгосрочные международные американские инициативы могут быть преданы забвению следующей администрацией, как это случилось с ТТП.

Стоит также отметить и различия в приоритетах между самими участниками ИТЭС. Развивающиеся экономики в Юго-Восточной Азии (ЮВА) не всегда разделяют амбициозные экологические цели США, что, несомненно, осложняет выработку единых стандартов, которые являются основой ИТЭС [см. подробнее: Morschett et al., 2025].

Альтернативные сдерживанию Китая подходы (продолжение взаимодействия, умеренное балансирование и даже экономическая взаимозависимость [см. подробнее: Yang, Keller, 2025]) не получили развития и даже были прямо отвергнуты американским истеблишментом как не учитывающие глубокую экономическую взаимозависимость между странами региона и Китаем и, более того, противоречащие фундаментальным принципам американской внешней политики, основанной на идее глобального лидерства. В этом контексте ту же ИТЭС можно рассматривать как попытку найти определенный компромиссный вариант, сочетающий элементы как сдерживания, так и сохранения экономического взаимодействия, хоть и на условиях, определяемых Вашингтоном.

Конечно, многие государства ЮВА, в том числе с подачи США, выражают определенную озабоченность растущим влиянием Китая и, во всяком случае, на уровне публичных заявлений заинтересованы в сохранении американского присутствия как компенсирующего фактора [см. подробнее: Morschett et al., 2025]. Однако их экономическая зависимость от китайского рынка инвестиций делает их осторожными в отношении любой инициативы, которая может быть воспринята Пекином как враждебная. Такая политическая двойственность проявляется в стратегии многовекторности, которую проводят Индонезия, Вьетнам, Сингапур, не присоединяясь ни к одному из лагерей, но стремясь извлечь выгоду из американо-китайской конкуренции в регионе. Эта амбивалентность по отношению к американской стратегии еще раз подчеркивает ее сложный и противоречивый характер [см. подробнее: Manpreet et al., 2025].

Эксперты-международники тоже по-разному оценивают ее успешность. Например, некоторые американские исследователи отмечают, что за прошедшие 15 лет с момента провозглашения администрацией Б. Обамы поворота в Азию Соединенным Штатам

удалось сохранить значительное экономическое влияние в регионе, хотя и при снижении доли в региональной экономике на фоне наращивания Китаем своей мощи. При этом если в краткосрочной перспективе считается эффективным сохранение ограничительных мер в целях замедления технологического прогресса КНР, особенно в области полупроводников, то уже в среднесрочной — выражаются серьезные сомнения в способности США предложить странам региона экономические выгоды, сопоставимые с теми, что вытекают из сотрудничества с Пекином [см., например: Political economy of East Asian economic integration…, 2025]. Кроме того, многие американские аналитики склоняются к тому, что в регионе в итоге будет сформирована биполярная экономическая модель, где разные группы стран будут ориентироваться либо на американский, либо на китайский вектор[15] [Kliman et al., 2019; Tankel et al., 2021].

Китайские эксперты, конечно, негативно оценивают американскую стратегию в АТР в долгосрочной перспективе. По их мнению, дальнейшая интеграция азиатских экономик с китайским рынком неизбежна независимо от политических усилий Вашингтона, просто исходя из экономических законов развития региона [Zhang Guojun, 2021]. При этом они признают, что в ближайшие годы американское давление будет продолжать существенно влиять на китайскую экономику и создавать для нее серьезные вызовы, что, по их мнению, является стратегической ошибкой США, так как сотрудничество и синергия принесли бы значительно более интересные для обеих сторон результаты [Tong Zhao, 2023].

Японские эксперты также проявляют достаточно скептическое отношение к перспективам американской стратегии. Одна из болевых точек для Японии — это выход США из ТТП в 2017 г., который продемонстрировал непоследовательность Вашингтона в своей экономической политике. Японские аналитики признают, что в регионе сформировалась сложная система экономических взаимозависимостей, которая не учитывается в полной мере в экономической стратегии США, принимающей зачастую излишне конфронтационный характер. Однако Токио в целом выступает

[15] Thome K. Nesting the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in Pacific-region Trade Agreements // U.S. International Trade Commission. January 2024. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_ thome_nesting_the_indo-pacific_economic_framework.pdf (accessed: 15.03.2026).

за сохранение американского присутствия как стабилизирующего фактора в условиях растущего китайского влияния[16].

Эксперты из других стран АТР в основном продвигают официальные нарративы своих правительств, признавая как позитивные, так и негативные стороны китайской и американской экономических стратегий в регионе. По их мнению, очевидно, что экономическая гравитация неумолимо смещается в сторону КНР, хотя военное присутствие США по-прежнему обеспечивает безопасность многих государств АТР [Aung Kyaw, 2021; Nam Tien, Thu Trang, 2023; Songying Fang, Xiaojun Li, 2022]. В этой связи они призывают продолжать сложный компромиссный курс, чтобы получать выгоды как от американских инициатив в области безопасности, так и от китайских экономических проектов. При этом биполярная система в регионе, вероятно, будет оставаться наиболее комфортной моделью для этих стран, а США продолжат сталкиваться с вызовами своей экономической гегемонии в АТР, хоть и со смещением фокуса с военно-политического на экономико-технологический фактор соперничества [Hoang Hai Ha, Le Lena, 2022].

В целом стратегия США в АТР — это наглядный пример доминирования военно-политического мышления над экономическими реалиями. Сан-Францисская система, обеспечивающая контроль и сдерживание, стала блестящим решением для своего времени. Но мир с тех пор сильно изменился, а инерционность тех подходов до сих пор значительно влияет на политику США в регионе. Вашингтон как будто пытается наложить старую матрицу понятного и ранее довольно эффективного сдерживания на современные условия, где Китай уже является приоритетным и очень ценным торгово-экономическим, инвестиционным, промышленным, а часто и гуманитарным партнером практически всех стран АТР. И чем больше США оказывают давление на бывших союзников с требованием выбрать лагерь, тем активнее эти страны углубляют связи с Пекином, чтобы защититься от такого нажима.

В этом контексте ИТЭС — это не столько стратегия, сколько симптом отчаяния, худшее из ничего, ведь это соглашение не обеспечивает участникам главное — доступ к рынку США. Предложе-

[16] Terada Takashi. Indo-Pacific geo-economics and US-China hegemony competition: the development of economic power in international politics // RIETI Open BBL Webinar. 22.12.2023. URL: https://www.rieti.go.jp/jp/events/bbl/23122201_terada.pdf (accessed: 15.03.2026). (In Chinese.)

ние «высоких стандартов» без допуска к самому привлекательному рынку странам Азии, где торговля — это кровь экономики, воспринимается не иначе как очередная форма колониализма и дискриминации. Отказ Вашингтона от тарифных уступок в АТР расценивают как признание им собственной уязвимости — Америка больше не может конкурировать с Китаем «на его поле» (доступ к рынкам, дешевые товары), поэтому пытается перенести игру «на свое поле» стандартов, цифровых правил и «чистой экономики». Стандарты, конечно, важны, но они работают, когда есть куда экспортировать и когда твоя продукция там нужна, принимается, конкурентна. И для таких стран, как, например, Вьетнам и Индонезия, это вопрос выживания отраслей, регионов, массы людей. Этим обусловлены и скепсис местных экспертов, и эрозия американского влияния. Но в США по-прежнему всё определяет логика национальной безопасности, а не экономической целесообразности.

Возможно, Вашингтону стоит адаптироваться к новой реальности, где именно экономическая мощь служит ключевым фактором регионального влияния, превалируя над привычной военно-политической доминантой.

Успех инициативы ИТЭС зависит от способности США предложить странам региона понятные и долгосрочные экономические выгоды, не связанные с политической поддержкой Вашингтона, и убедить их политические элиты в устойчивости этих институциональных структур, в том числе во время сложных политических процессов в самой Америке.

Стремление Пекина стать центром азиатской экономической гравитации

Основные параметры стратегического присутствия Китая в АТР уходят корнями во времена упадка Цинской династии и период 1839–1949 гг., известный как «век унижения» (百年国耻, bǎinián guóchǐ), когда ранее доминировавшая в регионе китайская цивилизация столкнулась с военным превосходством западных держав и Японии. Опиумные войны, навязанные неравноправные договоры, создание колоний-сеттльментов, огромные контрибуции после жестокого подавления коалицией восьми держав восстания ихэтуаней подорвали традиционную китаецентричную систему международных отношений в Азии и отодвинули Пекин от региональных интеграционных процессов.

В этой связи особенно показателен период японской экспансии в первой половине XX в., когда Китай потерял контроль над своими ключевыми промышленными регионами и транспортными артериями, превратившись из значимого регионального игрока, даже гегемона, в жертву иностранной агрессии. После образования КНР в 1949 г. начался медленный процесс восстановления китайского суверенитета и регионального влияния. Изначально он был ограничен идеологическими рамками холодной войны. Экономическая стратегия Пекина в тот период сочетала советскую модель плановой экономики с элементами автаркии. В тот момент это позволяло сохранять определенный политический суверенитет, хотя, конечно, и не способствовало региональной экономической интеграции. Нормализация отношений с США в 70-е гг. XX в. создала предпосылки для последующего «открытия» китайской экономики. Однако настоящий прорыв произошел только после начала реформ Дэн Сяопина в 1978 г., когда Китай постепенно стал реинтегрироваться в региональную экономику: сначала как источник дешевой рабочей силы, а в дальнейшем — и играя всё более значимую роль как важный потребительский и инвестиционный рынок.

Современный этап китайской экономической стратегии в Азии оформился в начале XXI в. Стремительный экономический рост позволил Пекину начать переход от просто адаптации к созданным внешними игроками региональным структурам ко всё более активному формированию собственной новой экономической архитектуры. И наиболее амбициозным проявлением этой новой стратегии стала анонсированная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. ИПП [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025]. С экономической точки зрения ее логика основывалась на создании за счет государственных и квазигосударственных инвестиций разветвленной сети инфраструктурных коридоров, соединяющих Китай с рынками Европы, Африки, Азии. По замыслу архитекторов ИПП, это должно обеспечить бесперебойные поставки энергоресурсов и сырья в КНР, а также китайских товаров на внешние рынки, в первую очередь в обход транспортных коридоров, контролируемых США. Финансовой основой ИПП стали создаваемые Китаем так называемые банки развития, в том числе Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а также Фонд «Шелкового пути», которые дополнили кредитные объемы, выделяемые китайскими государственными банками.

Вторым опорным элементом китайской стратегии стало ВРЭП, подписанное в 2020 г. после 8 лет сложных переговоров [Zhou Jianshan, Sun Shui'e, 2025]. Его ключевым отличием от ИПП является многосторонняя структура, объединяющая страны АСЕАН, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию и Новую Зеландию. Для Пекина это соглашение имеет стратегическое значение, так как создает крупнейшую в мире зону свободной торговли, охватывающую около 30% мирового населения и ВВП. Оно также институционализирует позицию Китая как, по сути, центра региональной экономической гравитации, создавая альтернативу ТТП, особенно после выхода из него США.

Экономическая интеграционная стратегия Китая в регионе сейчас развивается в условиях достаточно сложного переплетения внутренних и внешних вызовов. Внутренняя экономическая ситуация характеризуется сочетанием различных структурных диспропорций, время от времени создающих серьезные ограничения для внешнеполитического маневрирования Пекина. По данным Государственного статистического управления КНР, опубликованным 19 января 2026 г., ВВП страны вырос в 2025 г. на 5%[17]. Однако, несмотря на достижение целевого показателя, китайская экономика фактически демонстрировала более слабые темпы роста в годовом исчислении квартал за кварталом, что свидетельствует о сохраняющейся слабости внутреннего спроса[18]. Китай три последних года подряд достигал целевого уровня роста «около 5%». Однако по итогам работы двойной сессии в марте 2026 г. впервые с 2019 г. установлен целевой показатель роста ВВП в виде диапазона, а именно 4,5–5% с пометкой «стремиться к более высоким результатам». Более десятка провинций, включая таких экономических гигантов, как Гуандун и Чжэцзян, также снизили свои ожидания экономического роста[19].

[17] Цели экономического развития, направленные на достижение новых и лучших результатов к 2025 г., успешно достигнуты // Национальное бюро статистики КНР. 19.01.2026. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202601/t20260119_1962330.html (дата обращения: 15.03.2026). (На кит. яз.)

[18] China's economic momentum weakens despite meeting 5% growth goal // Bloomberg News. 19.01.2026. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-01-19/china-s-economy-grows-5-in-2025-as-export-boom-helps-meet-goal (accessed: 15.03.2026).

[19] Chinese regions cut GDP goals in sign nationwide target may drop // Bloomberg News. 29.01.2026. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-01-29/chinese-regions-cut-gdp-goals-in-sign-nationwide-target-may-drop (accessed: 15.03.2026).

При этом при практически нулевой динамике индекса потребительских цен падает индекс цен производителей, создавая по аналогии с японским опытом риск сценария «потерянного десятилетия», что также приводит к нарастанию дефляционного давления[20]. Эти внутренние трудности усугубляет и продолжающаяся торгово-технологическая конфронтация с коллективным Западом, что, несмотря на официально декларируемый оптимизм, в совокупности всё-таки ограничивает как ресурсную базу, так и операционные возможности китайской экономической дипломатии.

В результате переориентация внешнеэкономической стратегии Пекина на укрепление связей со странами АТР как своего «домашнего» региона представляется закономерной [Zhang Guojun, 2021]. Она позволяет Китаю решать несколько взаимосвязанных задач, включая компенсацию потенциальных рисков падения объемов поставок на приоритетные потребительские рынки США и Европы в случае усиления торгово-тарифного противостояния. Рост товарооборота со странами — участницами ИПП составляет в среднем 6,2%[21]. Пекин активно реструктуризирует глобальные цепочки создания стоимости, стимулирует развитие внутренних технологических компетенций и формирование альтернативных финансовых механизмов, в том числе систему независимых платежей и цифрового юаня. Институционализация региональной интеграции через ВРЭП также создает определенные предпосылки для постепенного формирования более устойчивой к внешним шокам экономической мультисистемы в ближней зоне влияния Китая.

В этом контексте эскалация противостояния с Соединенными Штатами — это не просто ситуационная проблема, а системный вызов для реализации всей китайской экономической стратегии [Zhou Jianshan, Sun Shui'e, 2025]. Вашингтон в настоящий момент пытается избавиться от всех других, кроме Китая, проблемных направлений с полным переключением внимания на Азию, что несет для КНР ряд критических рисков. Вопросы введения новых тарифов со стороны США пока поставлены на паузу, однако создают прямую угрозу для

[20] Interesse G. Is China's economy slowing or quietly stabilizing? A look at October 2025 // China Briefing. 19.11.2025. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-economy-in-october-2025 (accessed: 15.03.2026).

[21] Belt and Road cooperation adds vitality to global trade, economic ties // The State Council of the People's Republic of China. 03.12.2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202412/03/content_WS674ee881c6d0868f4e8eda36.html (accessed: 15.03.2026).

китайского экспорта — ключевого драйвера экономического роста Китая. МВФ оценивает возможные потери от эскалации торговой войны для темпов роста глобального ВВП в размере 0,3% в 2026 г.[22], и существенный урон понесет именно КНР как основной участник конфликта.

Ограничение доступа Китая к передовым западным разработкам, особенно в сфере полупроводников, электронных компонентов и искусственного интеллекта, тоже может подорвать планы Пекина по переходу к инновационной экономике. Это, очевидно, вынуждает Китай активизировать развитие национальных технологических компетенций, но не решает вопрос объективного технологического отставания от Запада [Tung et al., 2025]. Усиливают негативный фон также флуктуации региональной нестабильности в связи с волнами обострения споров с Японией и по тайваньскому вопросу, что жестко увязывает геополитическую напряженность с экономическим взаимодействием.

Летом–осенью 2025 г. Китай демонстрировал активную дипломатическую деятельность в целях снижения негативного внешнего давления. Одним из наиболее значимых действий стала попытка нормализации отношений с Индией после визита министра иностранных дел КНР в Нью-Дели. Улучшение отношений с соседом объективно может способствовать укреплению региональных позиций Пекина и некоторому ослаблению потенциальной антикитайской коалиции. С Японией пока не удается наладить аналогичную эффективную коммуникацию, Китаю приходится демонстрировать риторическую жесткость по проблемным вопросам. Однако можно быть уверенным, что через высокоуровневые каналы продолжается параллельный диалог, призванный не допустить неконтролируемой эскалации. И нельзя не отметить поиск точек соприкосновения с Соединенными Штатами (особенно на фоне жестких и безапелляционных заявлений американского президента), в первую очередь реализовавшийся через давно ожидавшуюся встречу Си Цзиньпина и Д. Трампа на саммите АТЭС в Республике Корея, что отражает приоритетность стабилизации отношений с Вашингтоном для обеспечения благоприятных условий и внутреннего экономического развития.

[22] Edser N. Global growth forecast slashed by IMF over tariff impact // BBC. 22.04.2025. URL: https://www.bbc.com/news/articles/czx415erwkwo (accessed: 15.03.2026).

Активная экономическая стратегия Китая не всегда приветствуется в регионе, где наряду с пониманием выгод экономического сотрудничества с КНР также существуют и опасения относительно растущей зависимости от нее. Иными словами, с одной стороны, страны ЮВА, такие как Вьетнам, Индонезия, Таиланд, получают ощутимые выгоды от доступа к китайскому рынку и от китайских инвестиций в свою инфраструктуру. Например, объем торговли КНР с государствами АСЕАН вырос с 54 млрд долл. в 2006 г. до более чем 690 млрд долл. в 2022 г., что сделало Китай крупнейшим торговым партнером стран региона [см. подробнее: Political economy of East Asian economic integration…, 2025]. С другой стороны, активно обсуждаются тема так называемых долговых ловушек в отношении китайских инвестиций в инфраструктуру, а также вопрос растущего торгового дефицита с Китаем, который уже достигает значительных величин для многих стран АТР.

Индия не рассматривается в данном исследовании как ключевой актор региональных экономических интеграционных процессов, однако стоит заметить, что страна изначально являлась участником переговоров по ВРЭП, но в конечном счете отказалась от присоединения к нему, опасаясь, что снижение тарифов приведет к увеличению потока дешевых китайских товаров и нанесет ущерб местным производителям. Торговый дефицит с КНР достиг на тот момент 48,7 млрд долл., что стало важным фактором в выработке позиции Дели[23]. Другие страны региона также отмечали этот фактор как проблемный, но с учетом ожидаемых выгод от ВРЭП предпочли подписать данное соглашение [см. подробнее: Liu et al., 2025].

Значимым аспектом экономических противоречий в регионе также является конкуренция стандартов и моделей развития [см. подробнее: Morschett et al., 2025]. Например, Китай через ИПП продвигает модель инфраструктурного развития, основанную на масштабных займах под суверенные гарантии и привлечении китайских подрядчиков. В целом такая модель демонстрирует определенную эффективность, но сталкивается с конкуренцией со стороны подходов, продвигаемых Японией и западными странами, которые в своих предложениях делают больший акцент на прозрачности, устойчивом развитии, передаче технологий. Например, в таких

[23] Trade and economic relations // Embassy of India, Beijing, China. URL: https://eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjQ (accessed: 15.03.2026).

странах, как Индонезия, Вьетнам и другие, наблюдается серьезная конкуренция между китайскими и японскими инвестициями в проекты высокоскоростных железных дорог[24]. И Китай, и Япония предлагают различные финансовые условия, технологические решения, и выбор не всегда очевиден.

В случае неизменности китайской стратегии региональной экономической интеграции ее долгосрочные перспективы зависят от решения ряда структурных проблем. В первую очередь речь идет о долговой устойчивости стран — участниц ИПП [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025]. Следует учитывать и определенную зависимость китайской промышленности от технологий и инвестиций из развитых стран, так как сейчас важные технологические цепочки завязаны на ключевые разработки Западной Европы и США, что не позволяет Пекину предлагать полностью суверенную экономическую модель в своих интеграционных проектах. Нельзя забывать также про достаточно новый вызов — демографический, так как старение населения и рост стоимости рабочей силы в перспективе могут подорвать одно из ключевых конкурентных преимуществ Китая в регионе, если процесс роботизации экономики будет отставать от указанных негативных факторов.

Тем не менее текущая динамика свидетельствует о продолжающемся усилении экономической гравитации Китая в АТР. Даже традиционные союзники США в регионе начинают проводить всё более сбалансированную внешнеполитическую линию без конфронтации с КНР и допускают рост экономической зависимости от китайского рынка. Многоуровневая экономическая стратегия Пекина, сочетающая различные институты типа ВРЭП с двусторонними инфраструктурными проектами в рамках ИПП и прочной финансовой базой, формирует достаточно сложную сеть экономических взаимозависимостей [Гребнев, 2025]. Возможно, именно она в долгосрочной перспективе будет способствовать перетоку экономического влияния в регионе в пользу Пекина.

Китайская стратегия — это не экспансия ради глобального могущества. На наш взгляд, важно избегать двух крайностей в оценке

[24] Zheng Fangting. Development assistance in the Pacific Region from the perspective of US-China rivalry and climate change: Ajiken policy brief no. 229 // Institute of Developing Economies. Japan External Trade Organization. 14.03.2025. URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/AjikenPolicyBrief/pdf/229.pdf (accessed: 15.03.2026). (In Chinese.)

ситуации — как восприятия КНР в качестве «китайского хищника», скупающего всё вокруг, так и образа «китайского благодетеля», несущего всему миру свет развития и многотысячелетней мудрости. Вместо этого предлагается взглянуть на действия Пекина в АТР (да и в целом в мире) через призму, как это ни странно, исторической травмы и долгосрочного планирования. Понимание глубины китайской исторической трагедии — «века унижения» — объясняет, что для КНР ИПП, ВРЭП и другие подобные инициативы — это способ гарантировать, что никогда больше судьба этой страны и этого народа не будет решаться внешними силами. В современном китайском политическом дискурсе это описывается через образ «сада, защищенного от внешних бурь» (花独放不是春，百花齐放春满园, yī huā dú fàng bù shì chūn, bǎi huā qí fàng chūn mǎn yuán — «Один цветок не делает весны, весну приносит сад, полный цветов»).

Главная проблема Китая сейчас не внешняя, а внутренняя. В статье мы намеренно ввели данные о замедлении роста ВВП, дефляции и демографических проблемах. Это колоссальный вызов. И именно здесь кроется главный риск для китайской региональной стратегии. Экономика КНР пока испытывает некоторое давление, последствия быстрого роста и геополитических процессов, но если властям не удастся переломить ситуацию и она забуксует всерьез, то высока вероятность, что вся эта архитектура «поясов и путей», «единых судеб» и «глобальных управлений» может оказаться слишком дорогой в обслуживании. В регионе это видят, и страны начинают задавать себе и Китаю неудобные вопросы: «А с чем останемся мы, если этот несущийся китайский локомотив вдруг сбавит ход?». К сожалению, Пекин пока не дает убедительного ответа, не считая традиционных заверений в общем и прекрасном будущем.

Китай уже не может поддерживать свой экстенсивный рост, как раньше, на гигантских инвестициях. Поток ресурсов слабеет, да и долговая нагрузка стран-реципиентов растет. Пекин вынужден признавать замедление темпов роста, притормаживать некоторые направления, договариваться даже с Индией и Японией. Нельзя сказать, что это признак слабости, скорее — перехода к более сложной, интенсивной фазе экспансии. Сможет ли Китай совершить этот переход — тот вопрос, который встает сейчас на повестку дня.

Но ключевое преимущество КНР — терпение и долгосрочное планирование — сохраняется. В Пекине мыслят десятилетиями, а не электоральными циклами. Победа достигается не взятием фигур

на доске, а медленным планомерным окружением зон присутствия соперника. И это дает Китаю важное преимущество в игре, где политика США резко меняется при переходе от одной администрации к другой.

Японская интеграционная стратегия

Япония строит свою стратегию экономической интеграции в АТР на базе сочетания высокостандартных многосторонних соглашений (прежде всего ВПСТП и ВРЭП), модернизируемых двусторонних и региональных соглашений с АСЕАН, а также инвестиционной и инфраструктурной активности в Южной и Юго-Восточной Азии [см. подробнее: Japan in the Indo-Pacific…, 2022; Urata Shujiro, 2023]. Страна стремится выделиться среди других значимых в регионе игроков и по возможности закрепить за собой статус своего рода «нормативного» лидера, продвигающего достаточно жесткие правила в торговле, инвестициях, цифровой экономике и устойчивой инфраструктуре. В то же время Япония позиционирует себя как ключевого партнера для государств Глобального Юга, заинтересованных в расширении своих экономических связей и снижении зависимости от США и Китая [см. подробнее: Паксютов, 2023].

Центральное место в этой стратегии занимает ВПСТП. Его задача изначально как раз и заключалась в закреплении высоких стандартов в области тарифов, доступа к рынкам услуг, регулирования государственных предприятий, защиты инвестиций и электронной коммерции. А для Токио оно выступало еще и как ключевой инструмент внешнеэкономического роста и структурной модернизации японской экономики[25] [см. подробнее: Urata Shujiro, 2023]. После выхода США из ТТП именно Япония невольно взяла на себя роль главного инициатора «спасения» соглашения и его перезапуска в новом формате. Это в том числе позволило Токио занять одну из центральных позиций в институциональной архитектуре транстихоокеанской интеграции[26]. При этом Япония также участвует и во ВРЭП, выступает

[25] Hoff S. The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership explained // United States Studies Centre. 03.12.2025. URL: https://www.ussc.edu.au/the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-explained (accessed: 15.03.2026).

[26] Ibidem; Satoru Kohda, Ayaka Hiraki. Charting Japan's «third path» under Trump 2.0 // East Asia Forum. 13.06.2025. URL: https://eastasiaforum.org/2025/06/13/charting-japans-third-path-under-trump-2-0/ (accessed: 15.03.2026).

за обновление соглашений с АСЕАН, очевидно, пытаясь через связку «ВРЭП–ВПСТП–СВЭП (Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между странами АСЕАН и Японией; ASEAN–Japan Comprehensive Economic Partnership, AJCEP) создать такую систему режимов, где более «мягкие» правила ВРЭП будут дополняться «премиальными» стандартами ВПСТП и своим персональным японским углубленным экономическим партнерством с АСЕАН[27] [см. подробнее: ASEAN–Japan economic partnership…, 2023]. СВЭП используется Токио и отдельно от других форматов для усиления своей роли долгосрочного регионального центра интеграционных процессов. Так как это обновленное соглашение ориентировано больше на устойчивость, цифровизацию и зеленый переход, Япония предлагает соседям набор инфраструктурных и инвестиционных инициатив, интегрированных в региональную повестку устойчивого развития [см. подробнее: ASEAN–Japan economic partnership…, 2023; Japan in the Indo-Pacific…, 2022].

Эксперты отмечают, что ВПСТП имеет потенциал превратиться в альтернативную китайским и американским инициативам платформу, через которую Токио в том числе сможет проецировать свое политико-экономическое влияние не только на растущие рынки ЮВА и Латинской Америки, но и на развитые экономики, такие как Австралия и Канада[28] [см. подробнее: Urata Shujiro, 2023]. В отношениях с США это соглашение является для Японии своего рода инструментом балансирования, а в последнее время — даже страховкой против весьма динамичной американской тарифной политики, поскольку само участие в таком многостороннем жестко регламентированном соглашении позволяет Токио в переговорах с Вашингтоном аргументировать уже взятыми по ВПСТП обязательствами невозможность идти на расширенные уступки[29].

При этом Япония ищет баланс, пытаясь остаться ключевым союзником США в сфере безопасности и использовать для своих интеграционных инициатив привычный и комфортный американоцентричный контур (через координацию экспортного контроля, цепочек поставок и энергетического перехода), но в то же время не

[27] Asian economic integration report 2026: leveraging regional cooperation and integration to navigate global uncertainties // Asian Development Bank. February 2026. URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2026_complete.pdf (accessed: 15.03.2026).

[28] Hoff S. Op. cit.

[29] Ibidem; Satoru Kohda, Ayaka Hiraki. Op. cit.

раствориться в нем полностью и сохранить свою особую японскую интеграционную модель в условиях уже постамериканского, но еще не полностью китаецентричного Индо-Тихоокеанского региона[30].

Одними из ключевых элементов японской интеграционной стратегии являются задачи энергетической и климатической трансформации. Япония продвигает в странах-партнерах в Юго-Восточной и Южной Азии зеленый переход, декарбонизацию и развитие водородной энергетики через свои двусторонние и региональные соглашения[31] [см. подробнее: Japan in the Indo-Pacific…, 2022]. Эта повестка формирует конкурентную среду с китайским вектором на создание энергетических и технологических точек интеграции. Токио тоже делает странам-партнерам комплексные предложения, включающие технологии и стандарты ESG, но также и инвестиции, хоть и не такие щедрые, как у Китая. Подобная связка интеграции и энергетического перехода открывает Японии доступ к растущим и уже весьма привлекательным рынкам оборудования, услуг и зеленых финансов. В свою очередь странам АТР выгодна активность японских компаний, так как она дает возможность диверсифицировать источники технологий и капитала в энергетике. Технологически японским компаниям есть что противопоставить китайским конкурентам за региональные заказы. Но специфика рынка АСЕАН заключается в том, что многие страны зачастую выбирают китайского партнера, приходящего с «длинным» инфраструктурным юанем, ожидая программного участия Китая в модернизации своих отраслей, хоть и понимают потенциальные риски такой вовлеченности крупного соседа в свою критическую инфраструктуру[32]. Вероятно, в том числе и поэтому Япония столь активна в региональной многосторонней интеграции, стремится не только укрепить и расширить свою роль «нормативного лидера» в формировании зеленого сектора региональной экономики, но и по возможности снизить свою уязвимость от внешних шоков на мировых энергорынках[33] [см. подробнее: ASEAN–Japan economic partnership…, 2023].

[30] Nagy S.G. Op. cit.; Satoru Kohda, Ayaka Hiraki. Op. cit.

[31] Afridi A. Energy security and transition: Japan's economic strategy in Indo-Pacific // Vivekananda International Foundation. 16.10.2025. URL: https://www.vifindia.org/article/2025/october/16/Energy-Security-and-Transition-Japan-s-Economic-Strategy-in-Indo-Pacific (accessed: 15.03.2026).

[32] Asian economic integration report 2026…

[33] Afridi A. Op. cit.

При всей очевидности преимуществ для Японии, получаемых от ее позиции значимого актора в интеграционных процессах в АТР, эксперты предостерегают Токио от увлеченности только внешней повесткой (в том числе по линии ВПСТП), которая не может компенсировать необходимость внутренних реформ, таких как, например, либерализация защищенных секторов, повышение производительности, адаптация к старению населения и др.[34] [см. подробнее: Паксютов, 2023]. При этом видно, что накопившиеся в стране ресурсные ограничения, такие как критический уровень госдолга, замедление роста экономики, падение покупательной способности иены и затяжной демографический спад, вызывают сомнения в способности Японии в долгосрочной перспективе конкурировать с Китаем и США по инвестиционным инфраструктурным предложениям странам региона[35].

Слабую позицию Токио в этом плане еще больше ухудшают и противоречия между публичными декларациями о поддержке открытой торговли и в то же время практикуемыми мерами «экономической безопасности», связанной с ужесточением экспортного контроля, требований к цепочкам поставок и другими попытками политического дерискинга от Китая, что, конечно, провоцирует негативную реакцию как Пекина, так и ряда государств АТР и Глобального Юга, не заинтересованных в политизации экономического сотрудничества[36] [см. подробнее: Japan in the Indo-Pacific…, 2022].

Японскую стратегию экономической интеграции в АТР можно рассматривать как достаточно выверенную и просчитанную попытку Токио занять нишу нормативного, а может, и инфраструктурного мостика между конкурирующими центрами силы. Регуляторной и практической опорой этих намерений служат ВПСТП, ВРЭП, обновленные соглашения с АСЕАН и даже повестка зеленой и цифровой трансформации. Эффективность этой модели, особенно в долгосрочной перспективе, будет прямо зависеть от возможностей и способности Японии сохранить заложенные в ВПСТП высокие стандарты, в первую очередь при его расширении, удержаться от попыток трансформации этого формата и связанных с ним инициатив

[34] Nagy S.R. Japan must prepare for a post-American Indo-Pacific // The Japan Times. 28.08.2025. URL: https://www.japantimes.co.jp/commentary/2025/08/28/japan/a-post-american-indo-pacific (accessed: 15.03.2026).

[35] Asian economic integration report 2026…

[36] Nagy S.G. The economics of regional integration…

в антикитайском духе и, конечно, найти эффективные решения для возрождения своей экономики, не подменяя реформы внешнеполитическим популизмом. Сумеет ли Токио в условиях ослабления глобальной гегемонии США пересмотреть свою позицию в АТР и найти баланс между, с одной стороны, союзническими обязательствами перед Вашингтоном, а с другой — интересами партнеров в АСЕАН и уже жизненно важной необходимостью налаживания конструктивного взаимодействия с Китаем? Результаты этих процессов будут определять, станет ли Япония не только актором, но и одним из ключевых стабилизирующих элементов конкурентного регионализма в АТР или продолжит конфронтацию с Китаем, превратив ВПСТП и сопутствующие форматы в никому не нужные «тамагочи».

Стратегия АСЕАН: «средние державы» как архитекторы регионального порядка

Авторство термина «средние державы» приписывают Дж. Ботеро, политическому деятелю XVI в. [цит. по: Силаев, 2024], хотя развитие в рамках международных отношений этот феномен получил в середине XX в. в ходе послевоенных дискуссий об устройстве ООН, когда ряд государств, не являвшихся великими державами (Канада, Австралия, Бразилия и др.), тем не менее претендовали на особый статус в мировой системе принятия решений. Этот запрос объяснялся якобы их способностью внести существенный вклад в международную безопасность, так как они обладали значительными экономическими возможностями и влиянием на макрорегиональном уровне. Сейчас при отнесении стран к «средним державам» поведенческий подход превалирует над просто количественной оценкой по ВВП, населению, военному потенциалу. При этом считается, что «средняя держава» обеспечивает свое лидерство в таких сферах, как, например, экология, здравоохранение, контроль над вооружениями, активно участвует в многосторонних институтах и коллективных инициативах, отдавая приоритет международному праву и дипломатии, особенно в разрешении конфликтов [Vlados, Chatzinikolaou, 2025].

В АТР к «средним державам» как по количественным, так и по поведенческим критериям можно отнести Индонезию, Вьетнам, Малайзию, Сингапур, Таиланд [см. подробнее: The future of work in the Asia Pacific…, 2025]. Азиатская специфика проявляется в осо-

бом коллективном формате взаимодействия в рамках АСЕАН, что отличает их от классических «средних держав». Другими словами, в АТР «средние державы» выступают не столько как самостоятельные игроки, сколько как своеобразное ядро региональной системы, существенно влияя на архитектуру международных отношений в своем регионе, особенно когда великие державы, увлеченные конфронтацией, ограниченно способны или готовы поддерживать устойчивое глобальное управление.

Такой асеаноцентричный механизм уникален даже не самим форматом коллективного влияния «средних держав» ЮВА, а своим стратегическим позиционированием в условиях столкновения интересов крупных игроков. По сути, изначальные принципы АСЕАН (невмешательство во внутренние дела, принятие решений консенсусом и др.) постепенно трансформировались в сложный многоуровневый дипломатический механизм, позволяющий сохранять значительную стратегическую автономию в условиях активного доминирования нескольких великих держав [см. подробнее: Petri, Plummer, 2020].

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., показавший уязвимость региональных экономик перед глобальными деструктивными процессами, подтолкнул страны ЮВА к выработке собственных механизмов экономической устойчивости, таких как Чиангмайская инициатива 2000 г. (Chiang Mai Initiative, CMI) [см. подробнее: Саламатов и др., 2025]. Договоренность о создании собственной своп-сети между центральными банками стран АСЕАН, Китая, Японии и Республики Корея стала важным шагом к региональной самодостаточности, при том что предложение Токио в то же время о создании регионального аналога МВФ — Азиатского валютного фонда — было саботировано Соединенными Штатами, а действия АСЕАН в финансовой сфере вызвали резкую критику руководства МВФ, усмотревшего в этом процессе регионализации угрозу глобальному финансовому управлению[37]. Несмотря на то что Чиангмайская инициатива не дала ожидаемого эффекта во время финансового кризиса 2008 г., АСЕАН в целом и отдельные страны-участницы смогли развить успех консенсуса в ходе переговоров о создании

[37] Köhler H. Focusing the fund on financial stability // Far Eastern Economic Review. 14.06.2001. URL: https://web.archive.org/web/20011217015219/http://www.feer.com/articles/2001/0106_14/p048money.html (accessed: 15.03.2026).

крупнейшей в мире зоны свободной торговли (ВРЭП), показав, что способны самостоятельно управлять вопросами макрорегиональной экономической стабильности. Это яркий пример того, как институциональный опыт и «мягкая сила» консенсуса превратили кризисное управление в проактивное региональное строительство, а в дальнейшем — и в геоэкономическое влияние [Чжан Цзэмин, 2023].

Именно в это время началась институционализация асеаноцентричности, когда главным уроком Чиангмайской инициативы стало понимание, что АСЕАН из-за ограниченности ресурсов может зачастую быть только инициатором, но не единственным гарантом стабильности. Чиангмайская инициатива создала столь важный для региона прецедент, сведя за столом переговоров в формате «АСЕАН+3» Китай, Японию и Корею.

Затем АСЕАН перенесла этот принцип («+1» и «+3») на торговые вопросы. Так стала формироваться нейтральная платформа, где могли встречаться конкурирующие державы (особенно Китай и Япония, а позже — Индия с Австралией/Новой Зеландией). Но если Чиангмайская инициатива была способом экстренно договориться post factum, уже после наступления кризиса, то переговоры по ВРЭП под эгидой АСЕАН научили страны региона договариваться наперед, создавая общие правила на будущие десятилетия совместного развития.

По сути, АСЕАН предложила облегченную версию глобализации: раз мы не можем учредить Азиатский валютный фонд (как предлагала Япония в конце 1990-х гг.), то давайте создадим крупнейшую в мире зону свободной торговли. Были ожидания, что в результате изменится структура торговли, укрепятся региональные цепочки добавленной стоимости и, следовательно, повысится финансовая устойчивость стран региона с одновременным снижением зависимости от западных рынков (США и Евросоюза).

Тем самым АСЕАН инициировала многосторонний процесс, в котором главным товаром стала не ликвидность (деньги), а доступ к рынкам и стандартам, а главной философией взаимодействия участников — «Путь АСЕАН», т. е. принципы невмешательства, постепенности и консенсуса. Именно благодаря этому подходу («не давить») удалось тогда уговорить Индию присоединиться (хотя позже она вышла) и удержать Китай с Японией, несмотря на их серьезные политические разногласия. Все смогли договориться об общих правилах происхождения товаров, которые учитывали ин-

тересы как развитых (Сингапур), так и развивающихся экономик (Вьетнам, Камбоджа, Мьянма). Каждое последующее соглашение давалось легче, потому что уровень взаимного институционального доверия вырос. Так была создана архитектура, которая «заякорила» интересы Китая и Японии в регионе ЮВА, сделав АСЕАН незаменимым звеном глобальных цепочек поставок.

Важным элементом внешней политики АСЕАН является стратегия вовлечения всех держав [см. подробнее: Raj Aura et al., 2025]. Это можно видеть в создании множества субструктур и форматов, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности, Восточноазиатский саммит, Совещание министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнерами. Логика такого подхода заключается в маневрировании между конкурирующими в регионе центрами экономического и политического влияния с целью получить выгоду от различных интеграционных проектов, продвигаемых Китаем, США, Японией. Возможно, именно поэтому страны АСЕАН одновременно участвуют и во ВРЭП, и в ИТЭС. При этом собственная экономическая составляющая АСЕАН, основа ее политического влияния, продолжает расти. Совокупный ВВП стран-участниц достиг в 2024 г. 3,95 трлн долл. с прогнозом на 2030 г. в 5,7 трлн долл., т. е. регион сохранит статус одного из самых быстрорастущих в мире с устойчивым ростом объемов инфраструктурных инвестиций, частного потребления, позитивной демографической динамикой[38].

Последний критерий имеет неоднозначную структуру по странам региона. Если в целом экономический потенциал АСЕАН подкрепляется хорошим демографическим фундаментом с общей численностью населения 686 млн человек и высокой растущей долей молодого трудоспособного населения, то в ряде стран (Сингапур, Таиланд, Бруней) на первый план выходит проблема старения населения с негативными показателями, превышающими даже уровень Японии и Республики Корея[39]. Это вызывает дополнительные сложности в выработке единой социально-экономической политики в рамках ассоциации, особенно с учетом продолжающегося расширения

[38] Gross domestic product (GDP) of the ASEAN countries from 2020 to 2030 (in billion U.S. dollars) // Statista. October 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/796245/gdp-of-the-asean-countries (accessed: 15.03.2026).

[39] Total population of the ASEAN countries from 2020 to 2030 (in millions) // Statista. October 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/796222/total-population-of-the-asean-countries (accessed: 15.03.2026).

организации (26 октября 2025 г. состоялось вступление в АСЕАН Восточного Тимора).

Другим серьезным вызовом является ситуация с государственным долгом в некоторых странах-участницах. В целом по организации доля госдолга по отношению к ВВП составила 80,7% в 2024 г. (2446,43 млрд долл.) [приводится по: Срейнет, 2025]. Сингапур имеет самое высокое отношение государственного долга к ВВП в регионе (173%), общий объем составляет 926,5 млрд долл. Второе место занимает Индонезия — 424,8 млрд долл., дальше идет Таиланд с 306,20 млрд долл. Такая ситуация налагает определенные ограничения на возможности стран по инвестированию в борьбу с чрезвычайными ситуациями или с климатическими изменениями, что чрезвычайно важно для региона с большим числом разрушительных тайфунов и наводнений.

Не менее важен и общемировой тренд на цифровую трансформацию. Между странами — участницами АСЕАН существует значительный цифровой разрыв, что усугубляется необходимостью сохранения занятости для преобладающей низкоквалифицированной рабочей силы, а также вопросами энергообеспечения государств, поскольку требуемые для масштабной цифровизации центры обработки данных нуждаются в дополнительной энергогенерации [см. подробнее: Liu et al., 2025].

На наш взгляд, АСЕАН — это один из самых недооцененных игроков на мировой арене. В западных экспертных кругах нередко можно встретить отношение к АСЕАН как к разменной фигуре в битве США и Китая или как к «клубу болтунов», где решения принимаются консенсусом, а значит, не принимаются никогда. Нам кажется, это глубочайшее заблуждение.

Стратегия «вовлечения всех» — это не слабость АСЕАН, а дипломатия высшего уровня и геополитическая мудрость. Концепция «асеаноцентричности» — это не просто красивая дипломатическая формула. Напротив, это проверенная стратегия выживания и процветания. При согласовании и подписании ВРЭП удалось усадить за один стол Китай, Японию, Корею, Австралию и Новую Зеландию и убедить их договориться на условиях, удобных в первую очередь самой АСЕАН. При этом она не стремится стать «третьим полюсом», у нее нет для этого военной мощи. Но она смогла стать «межсистемным интерфейсом». И любая великая держава, которая хочет работать в регионе, вынуждена учитывать существование

этой платформы, понимать, а зачастую и принимать ее правила. Пока США и Китай сталкиваются в многоуровневой конфронтации, АСЕАН собирает дивиденды от этой конкуренции, оставаясь незаменимым посредником.

* * *

На начальном этапе формирования нового многополярного миропорядка процессы, происходящие в АТР, можно рассматривать как апробацию новых моделей экономического управления макрорегионами. Это не просто конкурирующие проекты региональной интеграции, а полноценные стратегии, определяющие правила игры на ближайшие десятилетия, включая вопросы межгосударственных экономических коммуникаций, единых технических и экологических стандартов, комплексы институциональных структур. При этом важен не только политико-экономический вес инициаторов этих проектов, но также их способность выйти за рамки своих стратегических интересов, предложив многочисленным и очень непохожим друг на друга странам региона действительно выгодную, понятную и безрисковую повестку сотрудничества.

По прогнозам МВФ, к 2028 г. в АТР будет создаваться более 40% мирового ВВП[40]. Перераспределение глобальных экономических центров в пользу Азии потребует и корректировки системы глобального управления с формированием альтернативных финансовых институтов и механизмов расчетов, снижением зависимости азиатских экономик от долларовой и в целом западной финансовой системы [см. подробнее: Бондаренко, Санников, 2025; Vlados, Chatzinikolaou, 2025]. При этом нарастание азиатской экономической мощи, успех азиатских моделей экономического развития будут в глобальном масштабе поддерживать ослабление доминирующей англосаксонской экономической парадигмы. Никакого сближения геостратегических соперников не наблюдается[41]. Напротив, раскол между ними углубляется, множатся инструменты сдерживания и ограничений. Весьма сомнительно, что в этой ситуации в Азии сформируется такая

[40] GDP, current prices (Billions of U.S. dollars) // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2028 (accessed: 15.03.2026).

[41] China's position on some issues concerning China-US economic and trade relations // State Council Information Office of PRC. 09.04.2025. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-04/09/content_117814362.html (accessed: 15.03.2026).

региональная экономическая архитектура, при которой все великие и «средние» державы на компромиссной и гармоничной основе совместно создавали бы новые институциональные объединения на принципах инклюзивности и баланса интересов.

Исходя из этого, можно в качестве базового сценария спрогнозировать сосуществование и параллельное развитие в АТР нескольких региональных структур с различными правилами, стандартами и механизмами управления. Вокруг Китая, его производственных, технологических, логистических, инвестиционных цепочек формируется интегрированное экономическое пространство на основе ИПП и ВРЭП [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025; Political economy of East Asian economic integration…, 2025]. Главный конкурент — ИТЭС с фокусом на стандартах цифровой экономики, экологической устойчивости и прозрачного управления.

Очевидно, что именно вокруг двух основных центров экономической гравитации — китайского и американского — будет происходить постепенная консолидация региональных экономик, особенно в случае дальнейшей эскалации торгово-технологического противостояния между Вашингтоном и Пекином. К этому их, несомненно, будет подталкивать усиление технологического раскола, особенно в таких критических секторах, как полупроводниковая промышленность и искусственный интеллект. Однако также очевидно, что страны АТР, прежде всего участницы АСЕАН, будут в том числе через асеаноцентричные механизмы формировать собственные правила межбиполярного взаимодействия, выступая в роли связующего звена между различными интеграционными проектами. Такая практика многовекторной экономической дипломатии уже успешно опробована как странами АСЕАН, так и Республикой Корея и Индией с целью сохранить пространство для своего экономического маневра [см. подробнее: Raj Aura et al., 2025].

Россия в контексте этих трансформаций объективно не имеет возможности для проведения гибкого курса или, наоборот, диктата своей воли. С одной стороны, переориентация экономических связей на азиатское направление, казалось бы, создает предпосылки для компенсации потерь на западных рынках и привлечения столь необходимых инвестиций и технологий [см. подробнее: Ельникова, 2024; Фомин, Кузнецов, 2024]. С другой стороны, структурные уязвимости российской экономики — ее всё еще значительная сырьевая ориентация и технологическое отставание в большинстве

несырьевых секторов — существенно ограничивают возможность РФ полноценно интегрироваться в региональные производственные цепочки. Скорее всего, Россия в ближайшей перспективе сохранит роль поставщика энергоресурсов и некоторых видов сырья, но не станет значимым участником региональных интеграционных процессов [Фомин, Кузнецов, 2024].

В заключение следует подчеркнуть, что наблюдаемая нами трансформация азиатской экономической архитектуры представляет собой сложный, нелинейный процесс, исход которого будет определяться взаимодействием множества факторов — от динамики китайско-американского соперничества до способности «средних держав» сохранять пространство для стратегического маневра. С учетом последних «черных лебедей» — пандемии COVID-19 и украинского конфликта — вряд ли стоит ожидать безоблачного будущего в регионе и мире. Формирующаяся многополярная система будет существенно отличаться от предыдущих исторических аналогов значительно большей сложностью, взаимозависимостью и наличием множества центров влияния, не сводимых к традиционной биполярной схеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева О.Н., Ильина А.А. Регионализация мировой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. Т. 10. С. 33–37. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-10-33-37.

2. Бондаренко К.А., Санников О.А. Архитектура мировой финансовой системы: трансформация vs стабильность? // Пространственная экономика. 2025. Т. 21, № 1. С. 136–162. DOI: 10.14530/se.2025.1.136-162.

3. Верхоломов С.А. Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 2. С. 121–134. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06.

4. Верхоломов С.А. США и процессы регионализации в Восточной Азии // Актуальные проблемы мировой политики: X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых (сборник статей) / отв. ред. О.А. Тимакова. М.: [Б. и.], 2024. С. 155–161.

5. Гребнев Р.Д. Основы внешней политики Китая в контексте формирования децентрализованной системы глобального регулирования международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2025. № 1. С. 15–29. DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-1-15-29.

6. Ельникова Ю.В. Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С. 9–20. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764.

7. Ноздрев С.В. Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 2. С. 44–60. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-44-60.

8. Паксютов Г.Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 6–16. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16.

9. Романов И.Г. Современные тенденции развития глобальных цепочек создания стоимости в мировой экономике // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2025. Т. 60, № 2. С. 106–125. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6.

10. Саламатов В.Ю., Тангаева А.В., Жаркова А.А. Мегарегиональные соглашения в условиях фрагментации мировой экономики: стратегии ЕС и Китая // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 2. С. 167–184. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_167_184.

11. Силаев Н.Ю. Граждане мирового большинства // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 47–66. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-47-66.

12. Срейнет Ю. Структура государственного долга стран АСЕАН // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2025. № 7. С. 64–77.

13. Фомин М.В., Кузнецов П.В. Устойчиво-безопасное развитие Сибири и Дальнего Востока России в контексте стратегического партнерства Москвы и Пекина // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 4 (85). С. 154–169. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_4_154.

14. Чжан Цзэмин. Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 1 // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 5–21. DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_5.

15. ASEAN–Japan economic partnership for a sustainable and resilient future / ed. by Keita Oikawa, Fusanori Iwasaki // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). August 2023. URL: https://www.eria.org/uploads/ASEAN-Japan-Economic-Partnership-for-a-Sustainable-and-Resilient-Future-rev3_.pdf (accessed: 15.03.2026).

16. Aung Kyaw. China's rising influence in Myanmar: implications, responses, and future strategy // China's rise in mainland ASEAN: regional evidence and local responces / ed. by Suthiphand Chirathivat, Buddhagarn Rutchatorn, Wasutadon Nakawiroj. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2021. P. 77–102.

17. The future of work in the Asia Pacific: addressing critical skills shortages for sustainable development / ed. by S.P. Dhakal, A. Nankervis, J. Burgess. London: Routledge, 2025.

18. Hoang Hai Ha, Le Lena. ASEAN centrality and regional security in the context of great power rivalry // Asia-Pacific Leadership Network. November 2022. URL: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2022/11/PB-91-Ha-Le-B.pdf (accessed: 15.03.2026).

19. Iftikhar H., Ullah A., Pinglu C. From regional integrated development toward sustainable future: evaluating the Belt and Road Initiative's spillover impact between tourism, Fintech and inclusive green growth // Clean Technologies and Environmental Policy. 2025. Vol. 27. P. 1427–1454. DOI: 10.1007/s10098-024-02890-3.

20. Japan in the Indo-Pacific: investing in partnerships in South and Southeast Asia / ed. by S.R. Nagy // Institute for Security & Development Policy. August 2022. URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2022/08/ISDP-Special-Paper-Japan-in-the-Indo-Pacific.pdf (accessed: 15.03.2026).

21. Kliman D., Doshi R., Lee K., Cooper Z. Grading China's Belt and Road // Center for a New American Security (CNAS). April 2019. URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS+Report_China+Belt+and+Road_final.pdf (accessed: 15.03.2026).

22. Liu C., Zhou J., Wen W. et al. The effect of the Regional Comprehensive Economic Partnership on Taiwan's global value chain of the electronic information industry // Sustainability. 2025. Vol. 17, No. 281. P. 1–16. DOI: 10.3390/su17010281.

23. Manpreet S., Fang L., Elaine N. Managing multiple multipolarities: evolving interstate relations in the Asia-Pacific // Asia-Pacific Leadership Network. July 2025. URL: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2025/07/Managing-Multiple-Multipolarities.pdf (accessed: 15.03.2026).

24. Mariotti S. «Win-lose» globalization and the weaponization of economic policies by nation-states // Critical Perspectives on International Business. 2024. Vol. 20, No. 5. P. 638–659. DOI: 10.1108/cpoib-09-2023-0089.

25. Morschett D., Schramm-Klein H., Zentes J., Bader B. Market barriers, global and regional integration // Strategic international management. 4th ed. / ed. by D. Morschett, H. Schramm-Klein, J. Zentes, B. Bader. Cham: Springer, 2025. P. 167–192.

26. Nagy S.G. The economics of regional integration. London: Routledge, 2025.

27. Nam Tien, Thu Trang. America and China in the Asia-Pacific: a new regional Cold War? // Cogent Arts & Humanities. 2023. Vol. 10. P. 1–9. DOI: 10.1080/23311983.2023.2220215.

28. Papanikos G.T. The future of globalization // Athens Journal of Business & Economics. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 87–108. DOI: 10.30958/ajbe.10-2-1.

29. Petri P.A., Plummer M.G. East Asia decouples from the United States: trade war, COVID-19, and East Asia's new trade blocs. Working paper 20-9 // Peterson Institute for International Economics. June 2020. URL: https://www.

piie.com/publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new (accessed: 15.03.2026).

30. Political economy of East Asian economic integration: the process of the RCEP negotiations and beyond / ed. by F. Iwasaki, K. Oikawa, S. Urata. London: Routledge, 2025.

31. Raj Aura A., Tsabita Kh., Septiany Putri E. et al. ASEAN's contribution as an international organization to regional economic cooperation through Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // Proceeding of IROFONIC 2024 «Strengthening Partnership for Sustainable Development». 2025. Vol. 1, No. 1. P. 226–235. URL: https://proirofonic.upnjatim.ac.id/index.php/proirofonic/article/view/74/72 (accessed: 15.03.2026).

32. Roudometof V. How should we think about globalization in a post-globalization era? // Dialogues in Sociology. 2024. Vol. 1, No. 1. P. 13–26. DOI: 10.1177/29768667241293053.

33. Songying Fang, Xiaojun Li. Southeast Asia under great-power competition: public opinion about hedging in the Philippines // Journal of East Asian Studies. 2022. Vol. 22. P. 481–501. DOI: 10.1017/jea.2022.35.

34. Stanojević N. China's economic influence in South Asia: a case study of Sri Lanka // China in world and regional politics (history and modernity). Iss. XXVIII / ed. by E.I. Safronova. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2024. P. 340–354.

35. Tankel S., Curtis L., Fitt J., Goldberg C. Positive visions, powerful partnerships: the keys to competing with China in a post-pandemic Indo-Pacific // Center for a New American Security (CNAS). March 2021. URL: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Post-Pandemic-Indo-Pacific-final-B.pdf (accessed: 15.03.2026).

36. Tong Zhao. The perception gap and the China-US relationship // Asia-Pacific Leadership Network. February 2023. URL: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2023/01/Tong-Zhao-The-Perception-Gap-and-the-China-US-Relationship.pdf (accessed: 15.03.2026).

37. Tung P.-H., Chiu Y.-H., Huang C.-H. Exploring the research development trajectory and trends of green finance // Asia Pacific Management Review. 2025. Vol. 30, No. 3. Art. No. 100329. DOI: 10.1016/j.apmrv.2024.10.001.

38. Urata Shujiro. Japan's East Asia economic strategy toward economic revival // Institute of Developing Economies. Japan External Trade Organization. March 2023. URL: https://www.ide.go.jp/English/ResearchColumns/Columns/2023/urata_shujiro.html (accessed 15.03.2026).

39. Vlados C., Chatzinikolaou D. The emergence of the new globalization: the approach of the evolutionary structural triptych // Journal of Global Responsibility. 2025. Vol. 16, No. 1. P. 139–161. DOI: 10.1108/JGR-04-2023-0063.

40. Yang Y.E., Keller J.W. Perceptions of China among American elites: sources and change, 1979–2022 // Journal of Chinese Political Science. 2025. Vol. 30. P. 589–619. DOI: 10.1007/s11366-025-09911-y.

41. Zhang Guojun. A study on Asia-Pacific economic integration from the perspective of a community with a shared future for mankind. Beijing: Guangming Daily Press, 2021. (In Chinese.)

42. Zhou Jianshan, Sun Shui'e. An empirical study on the trade effect of rules of origin under the RCEP framework // Wealth Life. 2025. No. 7. P. 115–117. (In Chinese.)

REFERENCES

1. Afanasyeva, O.N. and Il'ina, A.A. (2025) 'Regionalizatsiya mirovoi ekonomiki' [Regionalization of the world economy], *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 10, pp. 33–37. Available at: https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-10-33-37. (In Russian.)

2. Bondarenko, K.A. and Sannikov, O.A. (2025) 'Arkhitektura mirovoi finansovoi sistemy: transformatsiya vs stabil'nost' [Architecture of the global financial system: transformation vs stability?], *Prostranstvennaya ekonomika*, 21(1), pp. 136–162. Available at: https://doi.org/10.14530/se.2025.1.136-162. (In Russian.)

3. Verkholomov, S.A. (2024a) 'Transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii v kontse XX — nachale XXI v.' [The transformation of international relations in East Asia at the end of the XX — early XXI centuries], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 17(2), pp. 121–134. Available at: https://doi.org/10.31249/kgt/2024.02.06. (In Russian.)

4. Verkholomov, S.A. (2024b) 'SShA i protsessy regionalizatsii v Vostochnoi Azii' [USA and regionalization processes in East Asia], in O.A. Timakova (ed.) *Aktual'nye problemy mirovoi politiki. X Ezhegodnaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya molodykh uchenykh (sbornik statei)* [Actual problems of world politics. 10th annual international scientific conference of young scientists (collection of articles)]. Moscow, pp. 155–161. (In Russian.)

5. Grebnev, R.D. (2025) 'Osnovy vneshnei politiki Kitaya v kontekste formirovaniya detsentralizovannoi sistemy global'nogo regulirovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii' [Fundamentals of China's foreign policy in the context of the formation of a decentralized system of global regulation of international relations], *Lomonosov Moscow University Bulletin. Series 27. Global Studies and Geopolitics*, (1), pp. 15–29. Available at: https://doi.org/10.56429/2414-4894-2025-51-1-15-29. (In Russian.)

6. Elnikova, Yu.V. (2024) 'Rossiiskii povorot na vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy' [Russian turn to the east: achievements, problems and prospects],

Mirovaya politika, (3), pp. 9–20. Available at: https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71764. (In Russian.)

7. Nozdrev, S.V. (2025) 'Global'nye tsepochki sozdaniya stoimosti v Azii na novom etape mezhdunarodnoi konkurentsii' [Global value chains in Asia at a new stage of international competition], *Russian Foreign Economic Journal*, (2), pp. 44–60. Available at: https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-2-44-60. (In Russian.)

8. Paksyutov, G.D. (2023) 'Ekonomicheskaya aktivnost' Yaponii v ATR: evolyutsiya strategii v menyayushchikhsya usloviyakh' [Japan's economic activity in Asia-Pacific: evolving strategy for the changing circumstances], *East Asia: Facts and Analytics*, (2), pp. 6–16. Available at: https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-2-6-16. (In Russian.)

9. Romanov, I.G. (2025) 'Sovremennye tendentsii razvitiya global'nykh tsepochek sozdaniya stoimosti v mirovoi ekonomike' [Current trends of global value chains in the world economy], *Lomonosov Economics Journal*, 60(2), pp. 106–125. Available at: https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6. (In Russian.)

10. Salamatov, V.Yu., Tangaeva, A.V. and Zharkova, A.A. (2025) 'Megaregional'nye soglasheniya v usloviyakh fragmentatsii mirovoi ekonomiki: strategii ES i Kitaya' [Mega-regional agreements in the context of world economic fragmentation: EU and China strategies], *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (2), pp. 167–184. Available at: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_2_167_184. (In Russian.)

11. Silaev, N.Yu. (2024) 'Grazhdane mirovogo bol'shinstva' [Citizens of the global majority], *Russia in Global Affairs*, 22(3), pp. 47–66. Available at: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-47-66. (In Russian.)

12. Sreynet, Yu. (2025) 'Struktura gosudarstvennogo dolga stran ASEAN' [Public debt structure of ASEAN countries], *Valyutnoe regulirovanie. Valyutnyi kontrol'*, (7), pp. 64–77. (In Russian.)

13. Fomin, M.V. and Kuznetsov, P.V. (2024) 'Ustoichivo-bezopasnoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii v kontekste strategicheskogo partnerstva Moskvy i Pekina' [Sustainable and secure development of Russia's Siberia and the Far East in the context of strategic partnership between Moscow and Beijing], *National Strategy Issues*, 4(85), pp. 154–169. Available at: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_4_154. (In Russian.)

14. Zhang Zemin (2023) 'Regional'noe upravlenie v Vostochnoi Azii v usloviyakh "novogo ritual'nogo poryadka" (新礼治秩序). Chast' 1' [Regional governance in East Asia under the "new ritual order" (新礼治秩序). Part 1], *World of Russian-Speaking Countries*, 1(15), pp. 5–21. Available at: https://doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_5. (In Russian.)

15. Oikawa, K. and Iwasaki, F. (eds) (2023) *ASEAN–Japan economic partnership for a sustainable and resilient future*. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). Available at: https://www.eria.org/uploads/

ASEAN-Japan-Economic-Partnership-for-a-Sustainable-and-Resilient-Future-rev3_.pdf (Accessed: 15 March 2026).

16. Aung Kyaw (2021) 'China's rising influence in Myanmar: implications, responses, and future strategy', in S. Chirathivat, B. Rutchatorn, and W. Nakawiroj (eds) *China's rise in mainland ASEAN: regional evidence and local responses*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., pp. 77–102.

17. Dhakal, S.P., Nankervis, A. and Burgess, J. (eds) (2025) *The future of work in the Asia Pacific: addressing critical skills shortages for sustainable development*. London: Routledge.

18. Hoang Hai Ha and Le Lena (2022) *ASEAN centrality and regional security in the context of great power rivalry*. Asia-Pacific Leadership Network. Available at: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2022/11/PB-91-Ha-Le-B.pdf (Accessed: 15 March 2026).

19. Iftikhar, H., Ullah, A. and Pinglu, C. (2025) 'From regional integrated development toward sustainable future: evaluating the Belt and Road Initiative's spillover impact between tourism, Fintech and inclusive green growth', *Clean Technologies and Environmental Policy*, 27, pp. 1427–1454. Available at: https://doi.org/10.1007/s10098-024-02890-3.

20. Nagy, S.R. (ed.) (2022) *Japan in the Indo-Pacific: investing in partnerships in South and Southeast Asia*. Institute for Security & Development Policy. Available at: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2022/08/ISDP-Special-Paper-Japan-in-the-Indo-Pacific.pdf (Accessed: 15 March 2026).

21. Kliman, D., Doshi, R., Lee, K. and Cooper, Z. (2019) *Grading China's Belt and Road*. Center for a New American Security (CNAS). Available at: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS+Report_China+Belt+and+Road_final.pdf (Accessed: 15 March 2026).

22. Liu, C., Zhou, J., Wen, W., *et al.* (2025) 'The effect of the Regional Comprehensive Economic Partnership on Taiwan's global value chain of the electronic information industry', *Sustainability*, 17(281), pp. 1–16. Available at: https://doi.org/10.3390/su17010281.

23. Manpreet, S., Fang, L. and Elaine, N. (2025) *Managing multiple multipolarities: evolving interstate relations in the Asia-Pacific*. Asia-Pacific Leadership Network. Available at: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2025/07/Managing-Multiple-Multipolarities.pdf (Accessed: 15 March 2026).

24. Mariotti, S. (2024) '"Win-lose" globalization and the weaponization of economic policies by nation-states', *Critical Perspectives on International Business*, 20(5), pp. 638–659. Available at: https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089.

25. Morschett, D., Schramm-Klein, H., Zentes, J. and Bader, B. (2025) 'Market barriers, global and regional integration', in D. Morschett, H. Schramm-Klein, J. Zentes, and B. Bader (eds) *Strategic international management*. 4th edn. Cham: Springer, pp. 167–192.

26. Nagy, S.G. (2025) *The economics of regional integration*. London: Routledge.

27. Nam Tien and Thu Trang (2023) 'America and China in the Asia-Pacific: a new regional Cold War?', *Cogent Arts & Humanities*, 10, pp. 1–9. Available at: https://doi.org/10.1080/23311983.2023.2220215.

28. Papanikos, G.T. (2024) 'The future of globalization', *Athens Journal of Business & Economics*, 10(2), pp. 87–108. Available at: https://doi.org/10.30958/ajbe.10-2-1.

29. Petri, P.A. and Plummer, M.G. (2020) *East Asia decouples from the United States: trade war, COVID-19, and East Asia's new trade blocs. Working paper 20-9*. Peterson Institute for International Economics. Available at: https://www.piie.com/publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new (Accessed: 15 March 2026).

30. Iwasaki, F., Oikawa, K. and Urata, S. (eds) (2025) *Political economy of East Asian economic integration: the process of the RCEP negotiations and beyond*. London: Routledge.

31. Raj Aura, A., Tsabita, Kh., Septiany Putri, E., et al. (2025) 'ASEAN's contribution as an international organization to regional economic cooperation through Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)', *Proceeding of IROFONIC 2024 "Strengthening Partnership for Sustainable Development"*, 1(1), pp. 226–235. Available at: https://proirofonic.upnjatim.ac.id/index.php/proirofonic/article/view/74/72 (Accessed: 15 March 2026).

32. Roudometof, V. (2024) 'How should we think about globalization in a post-globalization era?', *Dialogues in Sociology*, 1(1), pp. 13–26. Available at: https://doi.org/10.1177/29768667241293053.

33. Songying Fang and Xiaojun Li (2022) 'Southeast Asia under great-power competition: public opinion about hedging in the Philippines', *Journal of East Asian Studies*, 22, pp. 481–501. Available at: https://doi.org/10.1017/jea.2022.35.

34. Stanojević, N. (2024) 'China's economic influence in South Asia: a case study of Sri Lanka', in E.I. Safronova (ed.) *China in world and regional politics (history and modernity)*, Iss. XXVIII. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), pp. 340–354.

35. Tankel, S., Curtis, L., Fitt, J. and Goldberg, C. (2021) *Positive visions, powerful partnerships: the keys to competing with China in a post-pandemic Indo-Pacific*. Center for a New American Security (CNAS). Available at: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Post-Pandemic-Indo-Pacific-final-B.pdf (Accessed: 15 March 2026).

36. Tong, Zh. (2023) *The perception gap and the China-US relationship*. Asia-Pacific Leadership Network. Available at: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2023/01/Tong-Zhao-The-Perception-Gap-and-the-China-US-Relationship.pdf (Accessed: 15 March 2026).

37. Tung, P.-H., Chiu, Y.-H. and Huang, C.-H. (2025) 'Exploring the research development trajectory and trends of green finance', *Asia Pacific Management Review*, 30(3), Art. No. 100329. Available at: https://doi.org/10.1016/j.apmrv.2024.10.001.

38. Urata Shujiro (2023) *Japan's East Asia economic strategy toward economic revival*. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization. Available at: https://www.ide.go.jp/English/ResearchColumns/Columns/2023/urata_shujiro.html (Accessed: 15 March 2026).

39. Vlados, C. and Chatzinikolaou, D. (2025) 'The emergence of the new globalization: the approach of the evolutionary structural triptych', *Journal of Global Responsibility*, 16(1), pp. 139–161. Available at: https://doi.org/10.1108/JGR-04-2023-0063.

40. Yang, Y.E. and Keller, J.W. (2025) 'Perceptions of China among American elites: sources and change, 1979–2022', *Journal of Chinese Political Science*, 30, pp. 589–619. Available at: https://doi.org/10.1007/s11366-025-09911-y.

41. Zhang Guojun (2021) *A study on Asia-Pacific economic integration from the perspective of a community with a shared future for mankind*. Beijing: Guangming Daily Press. (In Chinese.)

42. Zhou Jianshan and Sun Shui'e (2025) 'An empirical study on the trade effect of rules of origin under the RCEP framework', *Wealth Life*, (7), pp. 115–117. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 30.11.2025;
одобрена после рецензирования 14.03.2026;
принята к публикации 20.04.2026

The paper was submitted 30.11.2025;
approved after reviewing 14.03.2026;
accepted for publication 20.04.2026

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-154-188

Научная статья / Research paper

И.С. Виноградов*

БЛИЖНИЙ ВОСТОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР: ПОДХОДЫ, УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Начало XXI в. ознаменовалось стремительным укреплением международно-политических позиций КНР, которая всё активнее заявляет о себе как о великой державе с глобальными амбициями. Наглядным проявлением этой тенденции служит быстрый рост политического и экономического влияния Китая едва ли не во всех регионах мира. Одним из них является Ближний Восток, который в силу своего стратегического положения и обширной ресурсной базы приобретает всё большее значение для китайской дипломатии. В рамках данного исследования предпринимается попытка выявить специфику внешней политики КНР на Ближнем Востоке в контексте трансформации глобального позиционирования Китая на международной арене, а также обозначить факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие реализации целей Пекина на этом направлении. Автор прослеживает эволюцию подходов КНР к участию в ближневосточных делах от ограниченных дипломатических контактов в начале холодной войны до превращения в ключевого торгового и инвестиционного партнера всех стран региона. Особое внимание уделено внешней политике КНР на Ближнем Востоке на современном этапе в контексте целого ряда выдвинутых Си Цзиньпином глобальных инициатив. Отдельно рассмотрены ключевые вызовы и проблемы, которые возникают на пути реализации политики КНР на Ближнем Востоке. В этом контексте автор обращает внимание на серьезную дилемму, стоящую перед китайской дипломатией. С одной стороны, последовательная опора КНР на принципы многостороннего сотрудничества и невмешательства, подкрепляемая масштабными торгово-экономическими и инфраструктурными инициативами, находит широкий отклик у местных элит, формируя стратегическое доверие к Китаю, которое

* *Виноградов Илья Сергеевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (e-mail: vinogradov_is@iccaras.ru).

© Виноградов И.С., 2026

может позволить ему еще больше усилить свои региональные позиции в будущем. С другой стороны, в условиях нарастания конфликтности на Ближнем Востоке обнаруживаются пределы возможностей такого политического курса: партнеры КНР ждут от нее более активной, в том числе военно-политической, поддержки и участия в обеспечении регионального мира и стабильности. Автор заключает, что будущее ближневосточной политики Китая будет напрямую зависеть от его способности найти баланс между экономическими интересами и стратегическими императивами.

Ключевые слова: Ближний Восток, Персидский залив, Китай, «сообщество единой судьбы», «Пояс и путь», Иран, Израиль, Си Цзиньпин

Для цитирования: Виноградов И.С. Ближний Восток во внешней политике КНР: подходы, укрепление позиций и региональные вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 154–188. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-154-188.

Ilya S. Vinogradov

THE MIDDLE EAST IN CHINA'S FOREIGN POLICY: APPROACHES, STRENGTHENING POSITIONS, AND REGIONAL CHALLENGES

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

The beginning of the 21st century has been marked by the rapid strengthening of the PRC's international political standing, as China increasingly asserts itself as a great power with global ambitions. This trend vividly manifests itself in the swift growth of China's political and economic clout in virtually all regions of the world. One such region is the Middle East, which, due to its strategic location and vast resource base, is becoming increasingly important for Chinese diplomacy. This study attempts to identify the distinctive features of the PRC's foreign policy in the Middle East amid the transformation of China's global positioning on the international stage, as well as to outline the factors that facilitate or, conversely, impede the implementation of Beijing's objectives in this area. The author traces the evolution of the PRC's approaches to Middle Eastern affairs from limited diplomatic contacts during the early Cold War period to its emergence as a key trade and investment partner for all countries in the region. Particular attention is paid to the PRC's current foreign policy in the Middle East, set against the backdrop of a series of global initiatives launched by Xi Jinping. The author identifies

the key challenges and problems confronting the implementation of the PRC's policy in the Middle East and highlights the serious dilemma facing Chinese diplomacy. On the one hand, the PRC's consistent reliance on the principles of multilateralism and non-interference, reinforced by large-scale trade, economic, and infrastructure initiatives, resonates widely with local elites, fostering strategic trust in China, which may enable it to further strengthen its regional position in the future. On the other hand, amid growing conflict in the Middle East, the limits of such a policy course are becoming apparent: the PRC's partners expect it to provide more active support, including military and political backing, and to participate more directly in ensuring regional peace and stability. The author concludes that the future of China's Middle East policy will directly depend on its ability to balance economic interests and strategic imperatives.

Keywords: Middle East, Persian Gulf, China, Community of Common Destiny, Belt and Road, Iran, Israel, Xi Jinping

About the author: *Ilya S. Vinogradov* — PhD (History), Chief Research Fellow at the Center 'Russia, China, and the World', Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: vinogradov_is@iccaras.ru).

For citation: Vinogradov, I.S. (2026) 'The Middle East in China's foreign policy: approaches, strengthening positions, and regional challenges', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 154–188. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-154-188. (In Russian.)

Актуальность изучения политики Китая на Ближнем Востоке в XXI в. определяется фундаментальными сдвигами в глобальном распределении влияния. Стремительное экономическое и политическое возвышение КНР, совпавшее с периодом относительного снижения активного военного присутствия США в регионе, на фоне усиления трендов регионализации и многополярности в мировой политике делает Ближний Восток важным полигоном для реализации амбиций Пекина как великой державы.

Цель статьи — исследование ближневосточного вектора внешней политики КНР с точки зрения усиления ее позиций в регионе, а также определение факторов, ограничивающих влияние Пекина.

Предметом статьи выступают двусторонние и многосторонние отношения Китая со странами Ближнего Востока (с акцентом на ключевых арабских странах, а также на Иране и Израиле), рассматриваемые в исторической ретроспективе и через призму взаимодействий в экономике, политике и безопасности в контексте продвижения глобальных инициатив КНР. Турция исключена из рассмотрения ввиду

ее принципиально иной роли: будучи членом НАТО, кандидатом на вступление в Европейский союз (ЕС) и в целом самостоятельным военно-политическим игроком в регионе со своей идеологической повесткой, она сохраняет институциональную дистанцию от китайских многосторонних форматов и инициатив и скорее выступает в качестве конкурента КНР на Ближнем Востоке. Иран, в отличие от Турции, даже несмотря на независимый внешнеполитический курс, — неотъемлемый объект китайской ближневосточной стратегии. Близкие отношения Пекина с Тегераном создали для КНР большое пространство для дипломатических решений, и Иран является важным элементом и прямым бенефициаром китайского нарратива о построении системы всеобщей безопасности на Ближнем Востоке.

Современной идеологии КНР и ее внешнеполитическому измерению, прежде всего концепции о «сообществе единой судьбы», уделяется немало внимания в работах отечественных исследователей, в частности, представляющих Институт Китая и современной Азии РАН [Верченко, 2025; Виноградов, 2023]. Трансформация политики Пекина в отношении развивающихся стран отражена в монографии Е.С. Сафроновой [Сафронова, 2018]. Растущее экономическое присутствие КНР в регионе в контексте реализации инициативы «Пояс и путь» (ИПП) рассмотрено в публикациях С.Л. Сазонова [Сазонов и др., 2024; Сазонов, Фу, 2024]. В работе Е.М. Савичевой с соавт. [Савичева и др., 2022] широко освещено современное состояние сотрудничества КНР с арабскими странами Персидского залива с учетом роста стратегических амбиций Пекина и вызовов, стоящих перед ним с точки зрения обеспечения безопасности своего экономического присутствия. Особенности экономического и инновационного сотрудничества Китая с Израилем представлены в работе Д.А. Марьясиса [Марьясис, 2018], а его стратегическое взаимодействие с Ираном — в публикации В. Сажина [Сажин, 2021].

Тем не менее в отечественной историографии наблюдается дефицит работ по комплексному рассмотрению ближневосточного вектора внешней политики КНР с учетом идеологической составляющей, экономического присутствия Китая, дипломатической практики и вызовов на фоне текущей региональной нестабильности.

В современной западной историографии этим сюжетам в целом уделено больше внимания, включая проблемы, связанные с усилением присутствия КНР в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) и влиянием этого фактора на интересы других игроков

(США, ЕС, Индии, России) [Kellner, Loutfi, 2024]. Отдельный блок работ освещает эволюцию позиции Китая по палестино-израильскому конфликту: можно отметить публикации Чжан Шэна [Zhang, 2025] и Чэна Янга [Yang, 2017]. В работе Роя Бен Цура проанализирована позиция Пекина по ирано-израильскому конфликту [Ben Tzur, 2025].

В современной китайской историографии особое значение придается позитивной роли КНР в диверсификации экономических связей в регионе, ее участию в вопросах безопасности и критике в адрес ближневосточной политики США. Научный сотрудник Шанхайского университета международных исследований Ли Вэйцзянь отмечает, что с началом «политики реформ и открытости» отношение Китая к участию в ближневосточных делах изменилось от «сдержанности и отстраненности» к «влиянию на ситуацию», что подчеркивает его роль как великой державы [Ли, 2018].

В статье бывшего посланника КНР по делам Ближнего Востока У Сыкэ и научного сотрудника Фуданьского университета Сунь Дегана [Сунь, У, 2020] рассмотрено практическое содействие Пекина политическому диалогу между заинтересованными сторонами, подчеркивается его роль как дипломатического посредника и координатора, что позволяет Китаю позиционировать себя в качестве ответственной великой державы, вносящей свой вклад в создание общей безопасности и укрепление многостороннего сотрудничества [Сунь, У, 2020].

Профессор Института ближневосточных исследований Шанхайского международного университета иностранных языков Лю Чжунминь заключает, что Ближний Восток стал стратегически важной частью Глобального Юга. При этом, по мнению ученого, по мере того как влияние незападных внерегиональных держав (Китая, Индии, России) становится всё более диверсифицированным и сбалансированным, напротив, всё более разрушительным оказывается вмешательство США в ближневосточную систему, затрудняющее политическое урегулирование многих региональных острых вопросов [Лю, 2024].

Об этом пишет и профессор Института китайско-арабских исследований Университета Нинся Ню Синьчунь: он подчеркивает негативное влияние агрессивной политики США и Израиля, которая является самым большим вызовом региональному миру [Ню, 2025].

В представленной статье прослеживается эволюция политики Китая на Ближнем Востоке: от установления первых дипломатических

контактов в 1950-е гг. до превращения в крупнейшего торгового партнера и дипломатического посредника на современном этапе. Анализ охватывает ключевые этапы: деидеологизацию внешней политики при Дэн Сяопине, установление механизмов сотрудничества, запуск ИПП, углубление связей с монархиями Залива и стратегическое партнерство с Ираном. Основное внимание уделяется современным концепциям Пекина и их приложению к региону Ближнего Востока. Исследуются также системные вызовы и дилеммы, с которыми сталкивается КНР, балансируя между растущими экономическими интересами и традиционным принципом невмешательства в условиях острой региональной конфликтности. Отдельно проанализированы позиции Пекина по текущему конфликту между Ираном, Израилем и США.

Становление КНР как влиятельного игрока на Ближнем Востоке

Отправной точкой в формировании современной ближневосточной политики Китая стала Бандунгская конференция 1955 г., половина участников которой были представителями стран Ближнего Востока. Помимо установления первых контактов с региональными лидерами участие КНР в конференции стало и первой попыткой китайского руководства сплотить страны «третьего мира» на основе идей неприсоединения и антиимпериализма и представить себя афро-азиатскому сообществу в выгодном свете [см. подробнее: Сафронова, 2018].

Страны, провозгласившие строительство так называемого арабского социализма, раньше всех в регионе установили дипломатические отношения с КНР: Египет и Сирия — в 1956 г., Ирак — в 1958 г. В 1956 г. были также установлены отношения с Мутаваккилийским Королевством (после переворота 1962 г. — Йеменская Арабская Республика, или Северный Йемен), в 1968 г. — с Народной Демократической Республикой Йемен (Южный Йемен). Однако страны Персидского залива отказывались признавать КНР вплоть до нормализации отношений между Пекином и Вашингтоном и сохраняли дипломатические связи с Тайванем.

Кроме того, еще во время Бандунгской конференции КНР поддержала право палестинцев на возвращение де-факто занятых Израилем в ходе арабо-израильских войн территорий. После Суэцкого кризиса 1956 г. позиция Пекина окончательно стала проарабской: он открыто поддерживал право палестинского народа на вооруженную борьбу. В 1965 г. в КНР открылось представительство Организации освобождения Палестины (ООП). В эпоху Мао Цзэдуна Китай рас-

сматривал борьбу палестинцев против Израиля как антиимпериалистическое национально-освободительное движение, оказывал Палестине дипломатическую поддержку, осуществлял финансирование и даже обеспечивал военную подготовку палестинцев. В своей речи в 1970 г. Мао призывал «поддерживать борьбу палестинского и других арабских народов против израильских агрессоров»[1].

В условиях сближения Китая и США и восстановления его законного места в ООН в 1971 г. дипломатические связи Пекина в регионе вновь стали расширяться. В 1971 г. были установлены отношения с Ираном, Кувейтом и Ливаном, в 1977 г. — с Иорданией, в 1978 г. — с Оманом.

При этом с началом эпохи «реформ и открытости» при Дэн Сяопине и деидеологизации внешней политики КНР поддержка антиимпериалистической борьбы становилась всё менее значимой и к началу 1980-х гг. практически прекратилась. Китай в это время взял курс на привлечение иностранных инвестиций, создание благоприятных внешних условий для экономического развития. В этом контексте в 1984 г. были установлены отношения с ОАЭ, в 1988 г. — с Катаром. В 1988 г. КНР официально признала Палестину [см. подробнее: Kellner, Loutfi, 2024].

После подписания Кэмп-Дэвидских соглашений и мирного договора между Египтом и Израилем в 1979 г. Пекин проявил понимание трансформации внешней политики Каира и изменил свое отношение к израильскому вопросу. В 1982 г. Китай поддержал принятый на 12-м саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) план по решению арабо-израильского конфликта, в котором косвенно признавалось право Израиля на существование [см. подробнее: Yang, 2017: 14]. В сентябре 1988 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь выступил с «предложением из пяти пунктов» по решению ближневосточной проблемы: 1) ближневосточная проблема должна быть решена политическими средствами; 2) оккупированные арабские территории должны быть возвращены; 3) законные права палестинского народа должны быть восстановлены, а безопасность Израиля должна быть гарантирована; 4) поддержка созыва международной мирной конференции по Ближнему Востоку с участием пяти постоянных членов Совета Без-

[1] «Renmin Ribao», «Hongqi», «Jiefangjun Bao». Heighten our vigilance, defend the Motherland: in commemoration of the 43rd anniversary of the founding of the Chinese People's Liberation Army // Peking Review. August 7, 1970. Vol. 13, No. 32. P. 6. URL: https://massline.org/PekingReview/PR1970/PR1970-32.pdf (accessed: 20.03.2026).

опасности ООН; 5) поддержка диалога в различных формах между сторонами на Ближнем Востоке и взаимное признание Палестины и Израиля [см. подробнее: Yang, 2017: 14; Zhang, 2025]. Эти принципы до сих пор остаются константой в политике КНР в регионе.

На фоне ухудшения отношений с государствами Запада после подавления студенческих протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Китай еще больше диверсифицировал внешние связи и в этом контексте установил дипломатические контакты со странами, которые до этого его не признавали: в 1990 г. — с Королевством Саудовская Аравия (КСА) и в 1992 г. — с Израилем. Стоит отметить, что еще в 1980-е гг. между Тель-Авивом и Пекином сформировались интенсивные торговые связи через Гонконг, включая поставки израильской высокотехнологичной продукции и даже вооружений [см. подробнее: Zhang, 2025].

По мере бурного экономического роста китайской экономики (в 1990-е гг. рост ВВП КНР составлял в среднем более 10%[2]) увеличивалась ее зависимость от импорта энергетических ресурсов. С начала 1990-х гг. Китай, став нетто-импортером нефти, превратился в одного из основных покупателей этого важнейшего товара на Ближнем Востоке.

Распад СССР в некоторой степени также послужил стратегическим катализатором для политики КНР в регионе, освободив ее от идеологических рамок холодной войны и соперничества за влияние в «третьем мире» и позволив сосредоточиться на прагматичных аспектах. Некоторые страны региона, бывшие союзники СССР — Ирак, Йемен и Сирия — в условиях ослабления России оказались в изоляции и под санкциями Запада и нуждались в новом политическом покровителе и источниках оружия. В этих условиях для Китая открылись новые возможности для заполнения вакуума влияния и наращивания экономических и политических связей за счет опоры на принцип невмешательства и отстаивание центральной роли ООН при урегулировании конфликтов. В частности, в 2003 г. Пекин осудил вторжение США в Ирак в обход резолюции Совбеза ООН[3]. Таким образом, Китай стал привлекательным партнером для многих арабских режимов, опасавшихся внешнего давления.

[2] 1994–2022 нянь хоби гунинлян дэ бяньхуа гуйцзи [Динамика изменения годовой денежной массы с 1994 по 2022 год] // Гоцзя тунцзи цзюй [Национальное бюро статистики]. 30.12.2024. URL: https://www.stats.gov.cn/zs/tjws/zytjzbqs/hbgyl/202412/t20241223_1957837.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[3] China's position on the US war in Iraq // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 26.03.2003. URL: https://un.china-mission.gov.cn/eng/chinaandun/

Этапным событием стала принятая в 1999 г. руководством КНР политика «идти вовне», с которой связано масштабное расширение экономического сотрудничества Китая с развивающимися странами, в том числе с государствами Ближнего Востока. Так, во время первого визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Саудовскую Аравию в 1999 г. было заключено стратегическое нефтяное партнерство, благодаря чему королевство в 2000-е гг. стало главным поставщиком нефти в Китай [см. подробнее: Kellner, Loutfi, 2024: 6–7].

Вместе с этим КНР укрепляла политические связи и присутствие в регионе. В 2002 г. по инициативе арабских государств Пекин назначил «специального посланника по делам Ближнего Востока» в целях содействия решению палестинского-израильского конфликта.

С начала XXI в. Китай также стал институализировать свое сотрудничество со странами Глобального Юга в рамках многосторонних форматов, в которых объединял вокруг себя группы государств по региональному признаку. В 2000 г. был создан Форум сотрудничества Китай–Африка (ФОКАК; Forum on China-Africa Cooperation, FOCAC), куда вошли в том числе арабские страны Африканского континента. В 2004 г. во время встречи председателя КНР Ху Цзиньтао с представителями ЛАГ в Каире было объявлено о создании Форума китайско-арабского сотрудничества (ФКАС), в него вошли 22 страны БВСА. Форум стал важной площадкой для целенаправленного развития многопрофильного взаимодействия между КНР и арабскими государствами.

В рамках своей «дипломатии партнерства» Китай разработал универсальный дипломатический подход в отношениях как с отдельными странами, так и с группами стран и организациями. Пекин использует различные типы партнерства и ранжирует их по уровню взаимодействия. В частности, наивысший уровень сотрудничества — всеобъемлющее стратегическое партнерство — КНР установила непосредственно с ЛАГ, Ираном, КСА, ОАЭ, Бахрейном, а в Северной Африке — с Египтом и Алжиром.

На качественно новый уровень сотрудничество Китая с регионом вышло после запуска ИПП в 2013 г., целью которой стало создание устойчивых логистических связей на пространстве Евразии и Африки. В силу своего географического положения страны Ближнего

securitycouncil/regionalhotspots/mideast/ylk/200902/t20090214_8417803.htm (accessed: 20.03.2026).

Востока являются естественными партнерами КНР в совместном строительстве ИПП. Важно, что именно здесь находятся ключевые узкие места глобальных торговых транзитов — Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы, Суэцкий канал. Практически все страны региона заключили с КНР меморандумы о взаимопонимании по совместному строительству ИПП.

Наращивание экономических связей

Начиная с 1990-х гг. в торговле между КНР и регионом закрепилась модель «нефть в обмен на готовые промышленные товары» (электроника, транспортные средства, одежда, текстиль и т. д.). В 2017 г. Китай стал крупнейшим в мире импортером нефти. Регион Ближнего Востока традиционно остается одним из главных источников углеводородов для Поднебесной. При этом с начала XXI в. Пекин значительно диверсифицировал источники импорта нефти благодаря поставкам из России, Анголы и стран Латинской Америки (таблица).

Главные поставщики сырой нефти в КНР в 2024 г.

№	Страна	Объем импорта нефти, млн т	Доля от общего импорта сырой нефти, %
1	Россия	108,5	19,6
2	Саудовская Аравия	78,6	14,2
3	Малайзия	70,3	12,7
4	Ирак	63,8	11,5
5	Оман	40,7	7,4
6	Бразилия	36,8	6,7
7	ОАЭ	35,5	6,4
8	Ангола	28,7	5,2
9	Кувейт	16	2,9
10	Катар	10,2	1,8
	Прочие страны	63,9	11,6
	Всего	553	100

Источник: Ди и юци даго цзюаньжу дэ чжэ чан чжаньчжэн цзюэ бу сян кань шанцюй намэ цзяньдань! [Война, в которую втянута крупнейшая нефтегазовая держава, гораздо сложнее, чем кажется!] // Синьланван [Sina.cn]. 19.06.2025. URL: https://finance.sina.cn/2025-06-19/detail-infarste1443730.d.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

Несмотря на развитие зеленой энергетики и задачи по достижению углеродной нейтральности к 2060 г., которая была сформулирована в заявлении Си Цзиньпина на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и затем внесена в 14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР (2021–2025)[4], Китай в настоящее время наращивает объемы импорта нефти. Как отмечают эксперты аналитического агентства «Vortexa», неопределенность из-за тарифной политики США и опасения, связанные с возможными перебоями в поставках, побуждают китайских переработчиков нефти увеличивать ее запасы[5].

Не менее половины импортируемой сырой нефти Китай закупает на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия, Ирак и Оман входят в пятерку крупнейших поставщиков этого ресурса в КНР. Кроме того, китайская таможенная статистика не учитывает импорт иранской нефти, которая с помощью теневого флота поступает на китайские нефтеперерабатывающие заводы как малазийская и составляет не менее 10% импорта этого топлива Пекином[6].

Поставки природного газа, хотя и в меньшей степени, чем нефть, также составляют важную позицию в китайском импорте из региона. На Ближний Восток приходится более 15% общего объема импорта газа, по большей части из Катара (4-е место после России, Австралии и Туркменистана), который в 2024 г. поставил в КНР 18,3 млн т сжиженного природного газа (СПГ) (25 млрд куб. м) — 23% китайского импорта СПГ. Для сравнения: Россия поставила 31 млрд куб. м трубопроводного газа и 8,3 млн т СПГ (11,4 млрд куб. м)[7].

[4] Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China // The People's Government of Fujian Province. 09.08.2021. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (accessed: 20.03.2026).

[5] Li E. Market volatility drives China's crude stockpiling // Vortexa. 06.05.2025. URL: https://www.vortexa.com/insights/market-volatility-drives-chinas-crude (accessed: 20.03.2026).

[6] Ди и юци даго цзюаньжу дэ чжэ чан чжаньчжэн цзюэ бу сян кань шанцюй намэ цзяньдань! [Война, в которую втянута крупнейшая нефтегазовая держава, гораздо сложнее, чем кажется!] // Синьланван [Sina.cn]. 19.06.2025. URL: https://finance.sina.cn/2025-06-19/detail-infarste1443730.d.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[7] Танжи Х. Чжунго тяньжаньци цзинькоу цюаньминдань элосы чэнвэй вого цзуйда дэ тяньжаньци гунин го [Список импортеров природного газа в Китай в 2024 г.: Россия становится крупнейшим поставщиком природного газа в Китай] // Вани [NetEase]. 25.01.2025. URL: https://www.163.com/dy/article/JMOO6KSN05568K62.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

В 2016 г. МИД КНР опубликовал программный документ, посвященный приоритетам политики Пекина в отношении арабских стран; это событие стало важной вехой в развитии перспективных направлений сотрудничества КНР со странами БВСА. В документе подчеркивается готовность Китая координировать ИПП со стратегиями развития арабских государств, содействовать строительству инфраструктуры, сотрудничеству в области науки, образования, телекоммуникаций, зеленой энергетики [см.: Виноградов, 2023].

С запуском ИПП Пекин и страны региона заметно углубили инфраструктурное сотрудничество, можно отметить ряд крупных проектов, реализованных китайскими компаниями: железнодорожная сеть «Etihad Rail» в ОАЭ, высокоскоростная железнодорожная магистраль между Меккой и Мединой, развитие китайско-египетской Суэцкой зоны торгово-экономического сотрудничества, строительство новой административной столицы Египта.

Китай играет важную роль в послевоенном восстановлении Ирака и заметно усиливает свое экономическое присутствие в стратегической нефтяной отрасли. В частности, китайская компания «Transtech» активно участвует в строительстве городской автотранспортной системы Багдада. В январе 2024 г. «PetroChina» официально заменила американскую «ExxonMobil» в качестве главного оператора по разработке крупнейшего иракского нефтяного месторождения Западная Курна-1[8].

Учитывая геостратегическое положение стран Ближнего Востока как связующего звена между Европой и Азией вдоль «Пояса и пути», особое внимание Китай уделяет инвестициям в портовую инфраструктуру региона в целях дальнейшего управления ею. Например, в 2017 г. китайская компания «COSCO Shipping» вошла в консорциум с «ABU Dhabi Terminal Company» для строительства и эксплуатации контейнерного терминала в порту Халифа в ОАЭ. В КСА «China Communication Construction Co Ltd.» реконструировала порт Джизан на побережье Красного моря [см. подробнее: Сазонов и др., 2024]. В зоне Суэцкого канала «COSCO Shipping» инвестировала в контейнерные терминалы в портах Айн-Сохна и Порт-Саид. Гонконгская компания «Hutchison Ports» является опе-

[8] PetroChina стала оператором иракского проекта Западная Курна-1 после ухода Exxon // Interfax. 03.01.2024. URL: https://www.interfax.ru/world/938921 (дата обращения: 20.03.2026).

ратором портов Александрия и Эль-Дехейла на средиземноморском побережье Египта. В Израиле «China Harbour» в 2014 г. выиграла тендер и модернизировала порт в Ашдоде, а «Shanghai International Port Group» в 2021 г. построила новый терминал в порту Хайфа и стала его управляющей [см. подробнее: Марьясис, 2018].

Торговля между Китаем и арабскими странами достигла впечатляющих масштабов, составив в 2024 г. 399 млрд долл. Для сравнения: в этом же году объем торговли Китая со всеми странами Латинской Америки составил 518 млрд долл., а с Африкой — 296 млрд долл. При этом почти 70% торговли Китая с регионом приходится на монархии Персидского залива, прежде всего КСА и ОАЭ[9].

Важным приоритетом в региональной политике Пекина является углубление связей с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)[10]. В июне 2010 г. Китай и страны объединения учредили механизм стратегического диалога, за которым последовали многочисленные раунды переговоров в целях установления зоны свободной торговли между Китаем и государствами Залива [см. подробнее: Савичева и др., 2022: 188].

В 2016 г. Китай стал крупнейшим внешним инвестором на Ближнем Востоке, причем две трети его инвестиций по состоянию на 2018 г. в регионе БВСА приходилось на страны ССАГПЗ. В 2005–2020 гг. Пекин направил в них прямые иностранные инвестиции на сумму 101,33 млрд долл. Для государств объединения приток инвестиций из Китая пришелся на период развития, когда они стали стремиться к снижению зависимости от экспорта углеводородов и диверсификации национальных экономик [см. подробнее: Савичева и др., 2022]. В 2020 г. КНР вытеснила ЕС с позиции ведущего торгового партнера стран ССАГПЗ. Так, интенсификация торгово-инвестиционных связей и привлекательные условия для ведения бизнеса в ОАЭ способствовали формированию крупной китайской диаспоры в этой стране, численность которой оценивается в 400 тыс.

[9] Imports and exports by country (region) of origin/destination // Customs.gov.cn. December 2024. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/a5b4fa86-46e4-4195-a0c0-5c45ade1cb38.html (accessed: 20.03.2026).

[10] ССАГПЗ — региональная закрытая организация, созданная в 1981 г. В состав входят шесть арабских государств региона Персидского залива: Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ и КСА. ССАГПЗ является влиятельной организацией по вопросам экономического сотрудничества и интеграции, координации и обеспечения безопасности на Ближнем Востоке.

человек[11]. Через 10 лет после запуска ИПП связи Китая со странами Ближнего Востока вышли далеко за рамки энергетического сотрудничества и включали множество других инициатив.

Высокотехнологичная составляющая ИПП — Цифровой Шелковый путь — согласуется с национальными стратегиями стран Залива в области цифровых технологий и инноваций, в частности со стратегией КСА «Видение 2030» [Kellner, Loutfi, 2024: 15]. Китайский цифровой гигант «Huawei» активно внедряет в королевстве облачные технологии, центры обработки данных, технологии искусственного интеллекта (ИИ). Китайские компании участвуют в реализации флагманского проекта КСА — создании футуристического умного города «NEOM», обеспечивая технологическую составляющую, в том числе в строительстве крупнейшего в мире завода по производству зеленого водорода[12].

Центральные банки Китая и арабских стран также укрепляют сотрудничество. В частности, с ОАЭ и КСА заключены соглашения о валютных свопах, предоставляющие сторонам дополнительную ликвидность в виде иностранной валюты. Инвестиции государств Залива играют всё большую роль в стимулировании китайской экономики. Так, в 2024 г. на суверенные фонды этих стран пришлось 62% государственных инвестиций в экономику КНР[13].

Важным событием стал визит Си Цзиньпина в КСА в 2022 г., в ходе которого помимо подписания крупных инвестиционных сделок на сумму 29 млрд долл.[14] китайский лидер предложил перейти на торговлю нефтью в юанях. Поскольку КСА — крупнейший в мире экспортер нефти, если стороны придут к подобному соглашению, это может стать серьезным ударом по нефтяной торговле

[11] Xuena Zh. The 400000 Chinese expatriates' community in the UAE: what makes them build lives in the UAE // Gulf News. 24.05.2023. URL: https://gulfnews.com/uae/the-400000-chinese-expatriates-community-in-the-uae-what-makes-them-build-lives-in-the-uae-1.1683715608053 (accessed: 20.03.2026).

[12] Wu H. Oxagon shaping the future of clean industrial development // Chinadaily.com.cn. 08.08.2025. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202508/08/WS6895a681a3108a99c1905de4.html (accessed: 20.03.2026).

[13] Shang Y. Gulf wealth powers China's 2025 investment boom: from finance to energy // China Briefing. 30.09.2025. URL: https://www.china-briefing.com/news/gulf-investment-in-china-2025-finance-energy/ (accessed: 20.03.2026).

[14] China, Saudi Arabia cement ties with deals including Huawei // Al Jazeera. 08.12.2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/12/8/saudi-crown-prince-meets-chinas-xi-in-push-to-deepen-ties (accessed: 26.04.2026).

в долларах[15]. Таким образом, расширяющиеся связи Китая с КСА и ОАЭ отражают меняющуюся геополитическую динамику и имеют последствия далеко за пределами Ближнего Востока.

Набирает силу и межрегиональная торгово-инвестиционная интеграция. Знаковым событием стал первый трехсторонний саммит КНР, ССАГПЗ и АСЕАН в мае 2025 г. в Куала-Лумпуре. В итоговой декларации стороны договорились повышать устойчивость цепочек поставок, взаимодополняемость в региональном экономическом развитии, поддерживать сложившуюся мировую торговую систему с центральной ролью Всемирной торговой организации, упрощать процедуры торговли и инвестирования (в частности, стороны приветствовали скорейшее завершение переговоров по Соглашению о свободной торговле между Китаем и ССАГПЗ). Кроме того, по итогам саммита Пекин объявил о введении безвизового режима для стран Залива[16].

Таким образом, саммит объединил государства Глобального Юга на фоне протекционистской политики США и развязанной Д. Трампом тарифной войны и обозначил встречную тенденцию — перехода от регионализма и фрагментации мировой экономики к созданию открытых и инклюзивных межрегиональных партнерств.

Вместе с тем большое значение для КНР имеет сохранение стратегических отношений с Ираном. С точки зрения географического положения эта страна не менее важна для Китая, чем государства Залива или Египет, так как обеспечивает южный сухопутный коридор на Ближний Восток и в Европу. Еще более значимой представляется близость двух стран в политической сфере. КНР и Иран выступают за многополярный мир, принцип невмешательства и критикуют одностороннюю политику Запада. Подписание в 2021 г. «Всеобъемлющей программы сотрудничества между ИРИ и КНР» сроком на 25 лет ознаменовало важный этап в формировании долгосрочного

[15] Маслов А. Китай пришел на Ближний Восток надолго: почему визит Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию стал ключевым событием для китайской дипломатии // Российская газета. 11.12.2022. URL: https://rg.ru/2022/12/11/kitaj-prishel-na-blizhnij-vostok-nadolgo-pochemu-vizit-si-czinpina-v-saudovskuiu-araviiu-stal-kliuchevym-sobytiem-dlia-kitajskoj-diplomatii.html (дата обращения: 20.03.2026).

[16] Joint Statement of The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC), and The People's Republic of China (ASEAN-GCC-China Summit) // The ASEAN Secretariat. 27.05.2025. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/Final-Joint-Statement-of-the-ASEAN-GCC-China-Summit-27-May-2025.pdf (accessed: 20.03.2026).

партнерства двух стран. Данный документ не был официально опубликован, однако согласно утечкам черновой версии, которую косвенно подтвердили иранские официальные лица[17], соглашение предполагает китайские инвестиции в экономику Ирана на сумму 400 млрд долл. в течение 25 лет в обмен на непрерывные поставки иранской нефти, а также военное и военно-техническое сотрудничество [см. подробнее: Сажин, 2021]. Соглашение открывает для Пекина большие возможности в обеспечении как энергетической безопасности, так и в целом своих позиций в регионе с точки зрения доступа к богатым нефтегазовым ресурсам ИРИ, логистики, апробации вооружений, обмена опытом с иранскими военными. Для Тегерана в свою очередь экономическое и военно-техническое сотрудничество с КНР — это вопрос необходимого укрепления вооруженных сил в условиях внешних угроз и поддержания экономики в ситуации санкционного режима, который еще более ужесточился после выхода США из ядерной сделки[18] в 2018 г.

В то же время Китай последовательно укреплял сотрудничество с главным оппонентом Ирана — Израилем, в том числе в области науки и технологий. В период премьерства Б. Нетаньяху (2009–2021) страны нарастили торгово-инвестиционные связи, в 2017 г. даже установили всеобъемлющее инновационное партнерство [см. подробнее: Марьясис, 2018].

Стоит отметить, что Китай и некоторые государства региона еще больше сблизились благодаря их участию в многосторонних форматах, продвигаемых КНР. Расширение БРИКС за счет ОАЭ, Египта, Ирана и вступление последнего в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) укрепили потенциал этих объединений. В свою очередь Пекин рассматривает БРИКС и ШОС как важные площадки для отстаивания интересов Глобального Юга [см. подробнее: Лю, 2024], его консолидации в целях построения более справедливой

[17] Defying U.S., China and Iran near trade and military partnership: NY Times // Tehran Times. 13.07.2020. URL: https://www.tehrantimes.com/news/449938/Defying-U-S-China-and-Iran-near-trade-and-military-partnership (accessed: 20.03.2026).

[18] Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) — политическое соглашение, заключенное в 2015 г. между Ираном и группой государств (5 постоянных членов Совбеза ООН и Германия). Суть соглашения заключалась в том, что Иран должен был заниматься развитием мирного атома, не создавая при этом ядерное оружие. Страны Запада в свою очередь обязались пошагово снимать с Ирана санкции.

международной системы отношений, включая реформирование Бреттон-Вудских институтов, противодействие незаконным односторонним принудительным мерам. Так, китайские эксперты из Шанхайской академии общественных наук отмечают, что лежащий в основе ШОС «шанхайский дух», базирующийся на взаимности, равноправии и многообразии цивилизаций, служит преодолению болевых точек в международных отношениях и прямо противопоставляется западной иерархичной модели, где сильный диктует свои условия слабому[19].

Кроме того, на нынешнем этапе в политике КНР всё большее значение приобретает парадигма сотрудничества по линии «Юг–Юг» (南南合作) в противовес модели управления, в которой доминируют страны Глобального Севера. Так, в китайской «Global Times» отмечается, что политика приватизации государственного сектора, дерегулирования и либерализации торговли, продвигаемая Международным валютным фондом и Всемирным банком в рамках Вашингтонского консенсуса, служит инструментом неоколониального контроля со стороны Глобального Севера, вынуждая государства Глобального Юга подчиняться этим правилам посредством введения режимов жесткой экономии. В свою очередь страны Глобального Юга предлагают новые подходы, основанные на сотрудничестве, инклюзивности и солидарности. При этом, как подчеркивается, Китай, будучи крупнейшей страной Глобального Юга, продвигает модель развития (в частности, успешную интеграцию экологических аспектов в экономическое планирование), которая своим примером призвана вдохновить другие государства[20].

Таким образом, постепенно наращивая свое присутствие на Ближнем Востоке, Китай, в отличие от СССР, наполняет его новым содержанием: не военно-политическим, а в первую очередь экономическим — взаимозависимостью и прагматичной, неидеологизированной дипломатией. Это позволило КНР уже в начале XXI в. стать важным партнером для всех сторон в регионе — и для

[19] Гу Вэй цзай вэньхуэй бао лилунь чжоукань тань Шанхай цзиншэнь [Гу Вэй рассказывает о «шанхайском духе» в теоретическом еженедельнике «Вэнь Вэй По»] // Шанхай Шэхуэй кэсюэюань [ШАОН]. 07.09.2025. URL: https://iir.sass.org.cn/2025/0907/c439a580428/page.htm (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[20] Saraswati V.S. Reshaping global governance: the rise of Global South leadership in a multipolar world // Global Times. 26.07.2025. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202507/1339314.shtml (accessed: 20.03.2026).

арабских монархий, и для режимов под санкциями Запада, и даже для Израиля, — не ввязываясь при этом в их конфликты.

Глобальные инициативы КНР и их проекция на Ближний Восток

Китай серьезно продвинулся в укреплении политического доверия со странами региона. Можно отметить несколько факторов, которые способствовали успеху китайской дипломатии. Пекин не имеет негативного опыта колонизатора, в отличие от европейских стран, которые еще в прошлом столетии делили Ближний Восток на зоны влияния. У КНР и стран региона нет общих границ и отсутствуют территориальные споры. Кроме того, Китай, в отличие от США, ранее не был серьезно вовлечен в региональные конфликты и в этом отношении сохраняет репутацию нейтрального игрока на Ближнем Востоке.

Строгая позиция невмешательства во внутренние дела со стороны Пекина находит понимание у местных правительств, которые часто критикуются Западом за нарушения прав человека. Пример «арабской весны» 2010–2012 гг. показал, что страны Глобального Севера могут поддерживать свержение лояльных им светских режимов, как, например, Хосни Мубарака в Египте или Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе. Интервенция государств НАТО в Ливию в 2011 г. и фактическое разрушение ее государственности с последующим распространением исламистских группировок в Африке в очередной раз продемонстрировали деструктивную политику Запада.

Ближний Восток не относится к зоне первостепенных интересов КНР с точки зрения обеспечения безопасности, в отличие от Восточной Азии, где Китай готов демонстрировать силу и бороться с внешним вмешательством, как в случае отстаивания своих претензий на акваторию Южно-Китайского моря или противодействия сепаратизму Тайваня. Как отмечается в Белой книге «Национальная безопасность Китая в новую эпоху», выпущенной в мае 2025 г. Госсоветом КНР, на Ближнем Востоке Пекин всегда будет устроителем мира, поддерживая единство и сотрудничество для решения вопросов региональной безопасности[21].

[21] Синь шидай дэ чжунго гоцзя аньцюань [Национальная безопасность Китая в новую эпоху] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Гоуюань синьвэнь баньгунши [Информационное бюро Госсовета КНР]. 12.05.2025. URL: http://www.scio.gov.cn/

В последние годы Китай активно продвигал свое видение по вопросам безопасности на глобальном и региональных уровнях. Так, в 2021 г. глава МИД КНР Ван И выдвинул инициативу из пяти пунктов по достижению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке. Как отметил Ван И, этот регион был колыбелью блестящих цивилизаций, но оказался в зоне турбулентности из-за затяжных конфликтов в Новейшее время. Для выхода из хаоса и обретения стабильности Ближнему Востоку необходимо освободиться от влияния геополитического соперничества крупных держав и самостоятельно искать пути развития, соответствующие его региональным условиям. В связи с этим глава МИД КНР предложил следующие принципы для обеспечения безопасности и стабильности в регионе: 1) взаимное уважение, что означает отказ от рассмотрения Ближнего Востока с позиций геополитической конкуренции и помощь странам региона в самостоятельном преодолении разногласий; 2) соблюдение принципов равенства и справедливости, что особенно важно при решении палестинского вопроса, и реализация «решения о двух государствах»; 3) обеспечение нераспространения оружия массового поражения, включая возобновление действия «иранской ядерной сделки»; 4) совместное укрепление коллективной безопасности, что предполагает возможность создания механизма доверия на Ближнем Востоке, начиная с таких вопросов, как обеспечение безопасности нефтяных объектов и судоходных путей, борьба с терроризмом и содействие дерадикализации; 5) ускорение сотрудничества в области развития в целях объединения ресурсов Ближнего Востока для помощи странам, пережившим конфликт, в восстановлении, а также для поддержки диверсифицированного экономического роста нефтедобывающих государств и т. д.[22] Таким образом, Китай видит достижение прочного мира в регионе через развитие, сотрудничество и интеграцию.

КНР активно продвигает свой нарратив о строительстве «сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ) (人类命运共同

zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[22] Wang Yi proposes a five-point initiative on achieving security and stability in the Middle East // Ministry of Foreign Affairs of The People's Republic of China. 26.03.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2878_663746/2880_663750/202406/t20240607_11413200.html (accessed: 20.03.2026).

体)[23], в том числе с арабскими странами. Данное видение будущего, продвигаемое Пекином, стало логичным продолжением пяти принципов мирного сосуществования, которые уже более 70 лет являются краеугольным камнем внешней политики КНР[24]. Как подчеркивает Си Цзиньпин, концепция СЕСЧ устанавливает новый образец равноправия в международных отношениях, соответствует преобладающей в настоящий момент тенденции к миру, развитию, сотрудничеству и общему выигрышу, а также обогащает новую практику развития и безопасности[25]. При этом Китай отрицает свои претензии на глобальное лидерство, выступает против гегемонизма и идентифицирует себя как крупнейшую страну Глобального Юга, которая всегда будет привержена его единству и развитию[26].

В концептуальном плане глобальную концепцию КНР дополняют четыре глобальные инициативы Си Цзиньпина (四大全球倡议): Инициатива глобального развития (ИГР) (全球发展倡议)[27], Инициатива глобальной безопасности (ИГБ) (全球安全倡议)[28], Инициатива глобальной цивилизации (ИГЦ) (全球文明倡议)[29], Инициа-

[23] Идея строительства СЕСЧ была впервые предложена Си Цзиньпином в 2013 г. во время его первого государственного визита в Россию. В последующие годы концепция стала главной составляющей частью внешнеполитической доктрины КНР и активно используется как компонент «мягкой силы» внутри страны и за рубежом.

[24] Пять принципов мирного сосуществования (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование) впервые изложены в китайско-индийском соглашении 1954 г., затем вошли в итоговую декларацию Бандунгской конференции и были внесены в Конституцию КНР.

[25] Си Цзиньпин туйдун лоши цюаньцю фачжань чани, цюаньцю аньцюань чани, цюаньцю вэньмин чани, цюаньцю чжили чани [Содействовать реализации глобальных инициатив в области развития, безопасности, сотрудничества цивилизаций и управления] // Цюши. 15.10.2025. URL: https://www.qstheory.cn/20251015/ac27bb8d42874ac18312b658ec1abf3f/c.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[26] Chinese FM calls for China-Africa cooperation on global governance reform // The State Council of The People's Republic of China. 11.01.2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202501/11/content_WS6781d6aec6d0868f4e8eebae.html (accessed: 20.03.2026).

[27] ИГР предложена Си Цзиньпином 21 сентября 2021 г. в его выступлении на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

[28] ИГБ предложена Си Цзиньпином на ежегодном совещании Боаоского азиатского форума, проходившем 21–22 апреля 2022 г.

[29] ИГЦ предложена Си Цзиньпином 15 марта 2023 г. во время Диалога высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира.

тива глобального управления (ИГУ) (全球治理倡议)[30]. Как отмечает председатель Си в своей статье в журнале ЦК КПК «Цюши», ИГР направлена на то, чтобы плоды глобального развития становились доступнее для всех стран. ИГБ призывает к достижению безопасности через сотрудничество и диалог. ИГЦ ставит целью взаимное обучение между различными цивилизациями. Наконец, ИГУ призывает практиковать многосторонний подход, твердо поддерживать статус и авторитет ООН[31]. Данные нарративы КНР внедряет в различных регионах Глобального Юга как на двустороннем уровне, так и в многосторонних форматах взаимодействия, в том числе в диалоге с арабскими странами.

В декабре 2022 г. на первом китайско-арабском саммите в Эр-Рияде стороны договорились приложить все усилия для создания китайско-арабского сообщества единой судьбы (中阿命运共同体) в новую эпоху. Как было отмечено в декларации по итогам саммита, КНР и страны — члены ЛАГ привержены углублению китайско-арабского сотрудничества в различных областях через механизмы ФКАС. В декларации указано, что арабские страны придают большое значение и одобряют ИГР и ИГБ[32].

Китай намерен продвигать «новую архитектуру безопасности» в регионе. Фактически эту цель подробно изложил в сентябре 2022 г. глава МИД КНР Ван И в виде четырех пунктов на втором Ближневосточном форуме по безопасности в Пекине, дооформив ранее озвученную инициативу из пяти пунктов по обеспечению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке и ИГБ применительно к данному региону[33]. В частности, Ван И сделал акцент на

[30] ИГУ озвучена Си Цзиньпином на саммите ШОС в Тяньцзине в сентябре 2025 г.

[31] Си Цзиньпин туйдун лоши цюаньцю фачжань чани, цюаньцю аньцюань чани, цюаньцю вэньмин чани, цюаньцю чжили чани [Содействовать реализации Глобальных Инициатив Развития, Безопасности, Цивилизации и Управления] // Цюши. 15.10.2025. URL: https://www.qstheory.cn/20251015/ac27bb8d42874ac18312b658ec1abf3f/c.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[32] Шоуцзе Чжун А фэнхуэй лиядэ сюаньянь [Эр-Риядская декларация первого китайско-арабского саммита] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 10.12.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202212/t20221210_10988459.shtml (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[33] Wang Yi attends the second Middle East Security Forum // Ministry of Foreign Affairs of The People's Republic of China. 21.09.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/mfa_eng/wjbzhd/202209/t20220923_10770221.html (accessed: 20.03.2026).

построении всеобщей безопасности, учитывающей обоснованные опасения всех ближневосточных государств, и подчеркнул, что основную роль в решении подобных вопросов должны играть региональные державы.

Достигнутый уровень политического доверия и глубина экономических связей в отношениях КНР с арабским миром и Ираном сглаживают острые вопросы, которые потенциально могли бы стать камнем преткновения. Так, тема «притеснения» уйгуров-мусульман в КНР на официальном уровне не поднимается. В свою очередь в совместных документах (в частности, в декларациях китайско-арабских саммитов и двусторонних заявлениях) отмечается поддержка со стороны арабских государств позиции КНР по вопросам Тайваня и Синьцзяна[34].

Кроме того, данные социологических опросов свидетельствуют о росте комплементарности среди местного населения к политике и нарративам КНР. Так, опросы «арабского барометра» (программа Принстонского университета США) на основе данных анкетирования 23 тыс. респондентов в Ираке, Иордании, Ливане, Ливии, Мавритании, Марокко, Палестине, Тунисе и Судане за период с октября 2021 по апрель 2022 г. показали, что по уровню симпатий Китай опережает США во всех этих странах, за исключением Марокко (очевидно, на это повлияла поддержка Вашингтоном претензий Рабата на Западную Сахару в контексте присоединения Марокко к «Соглашениям Авраама»). Опросы, проведенные в Тунисе, Иордании, Мавритании, Ливане и Ираке в период между событиями 7 октября 2023 г. и началом военной операции Израиля в Газе «Железные мечи», подтвердили падение уровня поддержки США, при этом по меньшей мере половина респондентов заявили, что положительно относятся к Китаю и его подходам к безопасности. Более того, как показали опросы, подавляющее большинство респондентов не верят, что ООН, ЕС и США выступают в защиту жителей Газы, а 60% опрошенных во всех пяти странах согласились, что Вашингтон защищает исключительно интересы Израиля[35].

[34] China, Saudi Arabia to further strengthen communication, coordination // Xinhua. 27.10.2022. URL: https://english.news.cn/20221027/19640242daa44730b67dac69c94cfe64/c.html (accessed: 20.03.2026).

[35] Robbins M. The enemy of my enemy is my friend // Arab Barometer. 13.12.2024. URL: https://www.arabbarometer.org/media-news/the-enemy-of-my-enemy-is-my-friend/ (accessed: 20.03.2026).

Таким образом, можно утверждать, что четыре глобальные инициативы Пекина — это эффективный способ представить альтернативный взгляд Китая на трансформацию мирового порядка, находящегося в системном кризисе. В определенной степени идеологический дискурс КНР выступает противовесом распространенным на Западе идеологическим нарративам. ИГБ предлагает многосторонний подход в урегулировании конфликтов, направленный на построение всеобщей безопасности, когда интересы каждой страны будут учтены. В своем дискурсе Китай старается подчеркнуть неприятие блокового подхода, обеспечения безопасности одних за счет других, или, как это часто трактуется в китайских официальных СМИ, «игры с нулевой суммой»[36], где выигрыш одной стороны означает проигрыш другой. Соответственно видение КНР в корне отличается от архитектуры безопасности, которую создавали на Ближнем Востоке США и которая основывалась на альянсах и партнерствах с отдельными странами региона в ущерб другим (СССР или Ирана применительно к сегодняшнему дню).

ИГУ во главу угла ставит коллективное урегулирование конфликтов с центральной ролью ООН без навязывания «семейных правил» нескольких стран другим. По этой причине, например, Китай критически относится к односторонней инициативе Вашингтона по созданию Совета мира[37] для урегулирования кризиса в секторе Газа, поскольку она не учитывает интересы палестинцев и пытается подменить собой ООН.

В целом можно утверждать, что усилия КНР по продвижению своего нарратива приносят плоды и, очевидно, находят поддержку как на официальном уровне, закрепляясь в совместных документах, так и, что немаловажно, среди населения, о чем свидетельствуют данные опросов граждан стран БВСА.

Вызовы для политики КНР на Ближнем Востоке

Можно сказать, что сама логика внешней политики Китая в условиях острого китайско-американского соперничества, а также

[36] China urges U.S. to drop zero-sum mentality // Xinhua. 13.02.2025. URL: https://english.news.cn/20250213/c6a48a4f880c42fcbb982c0f647bee20/c.html (accessed: 20.03.2026).

[37] What do the international divisions surrounding the 'Board of Peace' reveal? // Global Times. 24.01.2026. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202601/1354069.shtml (accessed: 20.03.2026).

необходимости обеспечения безопасности торговых маршрутов неминуемо вовлекает его в политический процесс на Ближнем Востоке. И Пекин, применяя примирительную дипломатию, пробует себя в роли независимого арбитра.

Успех китайской дипломатии проявился в участии Пекина в восстановлении отношений между Эр-Риядом и Тегераном. При этом стоит отметить, что Китай взял на себя посредническую роль между двумя сторонами на завершающем этапе. Предыдущие раунды переговоров, в 2021–2022 гг., в основном продвигали и организовывали региональные игроки (в частности, Ирак и Оман). Другой пример — содействие Китая переговорам между палестинскими организациями, включая ХАМАС и ФАТХ, в Пекине в 2024 г. для достижения мира и внутриполитического согласия в Палестине [см. подробнее: Kellner, Loutfi, 2024].

Тем не менее, несмотря на очевидные успехи, политика Китая в регионе сталкивается с определенными ограничениями и дилеммами. В отношении палестино-израильского конфликта КНР занимает твердую позицию, заключающуюся в необходимости выполнения резолюций Совбеза ООН о создании независимого Палестинского государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, и выступает против изгнания палестинцев с их родины. Можно отметить, что такая позиция Пекина — это вопрос его собственного положения и имиджа в регионе как главного защитника Глобального Юга, ответственного партнера арабских стран и Ирана. Китай официально не осуждал действия ХАМАС во время событий 7 октября 2023 г. Более того, в феврале 2024 г. представитель КНР в Международном суде ООН заявил о праве палестинцев на самоопределение, включая использование вооруженной борьбы[38], что стало более явной поддержкой ХАМАС и, конечно, вызвало негативный отклик в Израиле. В целом Китай в контексте нынешней эскалации в секторе Газа в определенной степени жертвует отношениями с Израилем, делая ставку на солидарность с арабским миром и Ираном.

Во время прямых столкновений между Ираном и Израилем в апреле и октябре 2024 г. в китайской риторике подчеркивался принцип защиты суверенитета Ирана, сочетавшийся с призывами

[38] China to ICJ: Palestine has the inalienable right to armed struggle // Tehran Times. 23.02.2024. URL: https://www.tehrantimes.com/news/495309/China-to-ICJ-Palestine-has-the-inalienable-right-to-armed-struggle (accessed: 20.03.2026).

к сдержанности и решительным осуждением израильских ударов. Пекин проводил четкое различие между атаками, инициированными Тель-Авивом, и ответными действиями Тегерана[39]. Даже когда Иран нанес ракетные удары по территории Израиля, Китай не осудил его напрямую, а ограничился общим призывом к немедленному прекращению огня и сохранению региональной стабильности [Ben Tzur, 2025].

Кроме того, Китаю приходится поддерживать непростой баланс между суннитскими монархиями Залива, с которыми у него тесные экономические связи, и своим стратегическим партнером — шиитским Ираном.

По некоторым вопросам китайское руководство вынуждено проявлять максимальную гибкость. Так, в совместном эмиратско-китайском заявлении в мае 2024 г. Пекин поддержал усилия ОАЭ по достижению мирного решения проблемы трех островов[40] в Ормузском проливе, которые являются предметом споров между Тегераном и Абу-Даби. В Иране это было воспринято как поддержка Китаем ОАЭ и спровоцировало негативную реакцию и даже вызов китайского посла в МИД, однако в дальнейшем Пекин смог сгладить ситуацию, выступив за урегулирование спора путем диалога[41].

На нынешнем этапе КНР не проявляет желания активно вмешиваться в дела региона, подвергая себя рискам и издержкам, если это не отвечает его коренным политическим интересам. В западном экспертном сообществе распространена точка зрения, что Китай фактически пользуется той системой безопасности, которую обеспечивают США в регионе, и извлекает из этого выгоду, при этом критикуя Вашингтон[42].

[39] Chinese, Iranian FMs hold phone talks on Israel-Iran tensions // Xinhua. 16.04.2024. URL: https://english.news.cn/20240416/110bc48f33074eb1b7d704cfca10665c/c.html (accessed: 20.03.2026).

[40] Острова Абу-Муса, Малый Томб и Большой Томб де-факто контролируются Ираном с 1971 г. и оспариваются ОАЭ.

[41] China calls on UAE and Iran to resolve difference peacefully // CGTN. 03.06.2024. URL: https://news.cgtn.com/news/2024-06-03/China-calls-on-UAE-and-Iran-to-resolve-difference-peacefully--1u8sI8NPrP2/p.html (accessed: 20.03.2026).

[42] См., например: 2024 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office, 2024. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-11/2024_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 20.03.2026).

Так, в период острой фазы кризиса в Красном море в начале 2024 г. и борьбы с нападениями хуситов на морские суда США просили КНР использовать для сопровождения военные корабли из опорного пункта материально-технического обеспечения в Джибути (первой зарубежной военной базе КНР на африканском побережье Аденского залива) и повлиять на Иран по вопросу поддержки действий их йеменского союзника. Однако Пекин отказал Вашингтону в сотрудничестве против хуситов. Как отметил глава МИД КНР Ван И, Совет Безопасности ООН никогда не давал разрешения какой-либо стране применять силу против Йемена[43]. Министр подчеркнул, что напряженность в Красном море стала следствием конфликта в секторе Газа и приоритетной задачей должно быть прекращение там боевых действий. При этом стоит отметить, что, согласно подсчетам экспертов, перестройка торговых маршрутов в обход Красного моря обернулась большими издержками и для КНР [Сазонов, Фу, 2024].

Несмотря на рост числа совместных учений (с Египтом, ОАЭ, КСА), китайское военное присутствие и объемы продаж оружия остаются скромными по сравнению с США, у которых в регионе расквартированы как минимум 40 тыс. военнослужащих, расположено порядка 19 военных объектов, включая штаб Центрального командования ВВС США в Катаре и базу пятого флота ВМС в Бахрейне. Доля китайских вооружений в импорте стран региона в 2020–2024 гг. составила лишь 1,2%. Это не идет ни в какое сравнение с возможностями США, на которые приходится до 50% импорта вооружений государствами БВСА[44]. Китай также не создал никаких полноценных военных альянсов: несмотря на тесное военно-техническое сотрудничество Тегерана и Пекина, очевидно, что страны пока не готовы к военному союзу. Во время 12-дневной войны между Ираном и Израилем (13–25 июня 2025 г.) и атаки США на иранские ядерные объекты Пекин не стал никак вмешиваться в конфликт и ограничился примирительной риторикой и косвенной политической поддержкой Тегерана. Так, Си Цзиньпин в разговоре с В.В. Путиным в разгар израильской операции

[43] Wang Yi: China concerned about escalation of tensions in the Red Sea // CGTN. 18.01.2024. URL: https://newsaf.cgtn.com/news/2024-01-15/Wang-Yi-China-concerned-about-escalation-of-tensions-in-the-Red-Sea-1qmRbsQsBjO/p.html (accessed: 20.03.2026).

[44] Hussain Z., Tartir A. Recent trends in international arms transfers in the Middle East and North Africa // Stockholm International Peace Research Institute. 10.04.2025. URL: https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2025/recent-trends-international-arms-transfers-middle-east-and-north-africa (accessed: 20.03.2026).

«Восходящий лев» против Ирана подчеркнул, что диалог и переговоры являются основополагающими решениями, а миротворческие усилия международного сообщества незаменимы[45].

Наконец, КНР сталкивается и с рядом фундаментальных рисков в регионе. Неустойчивость местных режимов может ударить по его интересам. Например, за год до падения режима Б. Асада в Сирии Пекин и Дамаск в сентябре 2023 г. установили стратегическое партнерство, и пока неясно, будет ли КНР считать новых сирийских визави стратегическими партнерами и углублять сотрудничество с ними.

Еще более показательный пример — текущая ситуация вокруг Ирана. Начавшаяся 28 февраля 2026 г. совместная операция США и Израиля «Эпическая ярость» погрузила мир в пучину стратегической неопределенности, став новым вызовом и для КНР.

Китай сразу осудил акт агрессии и вместе с Россией инициировал срочное заседание Совбеза ООН. После подтверждения гибели рахбара Али Хаменеи на брифинге с зарубежными СМИ официальный представитель МИД КНР Мао Нин подчеркнула, что убийство верховного лидера Ирана — «попрание целей и принципов Устава ООН», которое Китай решительно осуждает. При этом Мао Нин уклонилась от ответа на вопрос о том, предоставит ли КНР Ирану военную поддержку, и также опровергла сообщения западных СМИ о возможной закупке Тегераном китайских сверхзвуковых противокорабельных ракет СМ-302[46].

При том что Пекин отрицает возможность конкретных военных поставок, по сообщениям американского агентства «Alhurra», вещающего на арабские страны, со ссылкой на разведку США еще в январе 2026 г., Китай продолжал поставлять в Иран технологии двойного назначения, промышленное оборудование, компоненты для ракет, радиолокационных систем, которые позволяют наладить производство оружия внутри страны, не передавая готовые платформы[47].

[45] Liu X., Li Y. Xi, Putin discuss Middle East situation on phone // Global Times. 19.06.2025. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202506/1336550.shtml (accessed: 20.03.2026).

[46] Очередная пресс-конференция 2 марта 2026 г. у официального представителя МИД КНР Мао Нин // Посольство КНР в Кыргызстане. 02.03.2026. URL: https://kg.china-embassy.gov.cn/rus/fyrth/202603/t20260303_11867897.htm (дата обращения: 20.03.2026).

[47] Kawly J. China and Iran: support without rescue // MBN. 26.01.2026. URL: https://alhurra.com/en/11480 (accessed: 20.03.2026).

Вспыхнувший конфликт поставил КНР в непростое положение. Гипотетическая смена режима аятолл на прозападный или гражданская война в Иране может привести к непредсказуемым последствиям для безопасности региона и лишить Пекин ключевого стратегического партнера, серьезно ослабив его позиции. С одной стороны, КНР, будучи близким партнером Тегерана и позиционируя себя в качестве защитника интересов Глобального Юга, не может не реагировать на акт агрессии против суверенного государства. С другой стороны, возникает вопрос, может ли Китай предложить Ирану что-то, кроме дипломатической поддержки и осуждения американских действий.

Тегеран же избрал тактику причинения неприемлемых издержек своим противникам, в том числе посредством блокады Ормузского пролива, при этом оставляя за собой право атаковать энергообъекты в странах Залива. Таким образом, конфликт уже распространяется на весь регион и разрушает экономическую стабильность, что абсолютно невыгодно арабским монархиям. В свою очередь сокращение энергетических поставок и рост цен на углеводороды бьют и по экономическим интересам Пекина, поскольку более 50% импорта нефти идет в КНР через Ормузский пролив. В таких условиях Китай сам заинтересован в безопасности судоходства в Персидском заливе и не может рисковать своими связями с арабскими партнерами, наращивая прямую военную помощь Тегерану.

В стратегии Пекина можно также усмотреть нежелание усиливать конфронтацию с США по вопросу конфликта в Иране накануне запланированных взаимных визитов Си Цзиньпина и Д. Трампа в 2026 г.[48] и поиска компромиссов по тарифной политике или вопросу Тайваня.

Отдельно стоит отметить, что с военно-стратегической точки зрения переброска значительной части американских ВМС на Ближний Восток и расход ракет и боеприпасов на атаки против Ирана ослабляют военный потенциал США в Индо-Тихоокеанском регионе, что снижает давление на КНР на этом ключевом для нее направлении.

Кроме того, «блицкриг» Израиля и США уже провалился, военно-политическая система Ирана пока справляется с давлением,

[48] Ташевская Н. Раскрыты подробности о визите Трампа в Китай // Lenta.ru. 09.03.2026. URL: https://lenta.ru/news/2026/03/09/raskryty-podrobnosti-o-vizite-trampa-v-kitay/ (дата обращения: 20.03.2026).

а значит, союзники могут не добиться своих целей по смене режима в стране. В таком случае политика Вашингтона будет представлена как гегемонистская авантюра и предоставит Пекину дополнительные козыри во внешней дипломатии (переговорные возможности, оправданная критика в адрес США, укрепление сотрудничества на площадках Глобального Юга).

В целом в военно-политической сфере Китай сталкивается с фундаментальным ограничением: региональные игроки, привыкшие к четким гарантиям США, пока не видят в Пекине надежного гаранта безопасности. КНР избегает жестких оборонительных обязательств и, как следствие, не может предоставить тем же арабским монархиям Залива надежную альтернативу американскому оборонному зонтику. Это заставляет их продолжать стратегическое балансирование и создает «разрыв в ожиданиях»: партнеры (например, Иран во время конфликта с Израилем в июне 2025 г. или в ходе нынешней военной операции с февраля 2026 г. по н.в.) рассчитывают на более активное участие КНР в обеспечении регионального мира и стабильности[49], но получают лишь дипломатическую поддержку.

КНР — относительно новый игрок на Ближнем Востоке, и ее стратегии свойственны осторожность и стремление находиться «над схваткой», при этом Пекин последовательно критикует деструктивную политику США в регионе. Тем не менее в текущем контексте жестких действий Д. Трампа по отстаиванию американских интересов по всему миру довольно отстраненная позиция КНР может быть воспринята как признак слабости. Силовой захват президента Венесуэлы Н. Мадуро, близкого политического партнера Пекина, в январе 2026 г. продемонстрировал, что давление на Китай в целях ослабления его позиций в различных регионах мира будет продолжаться. На Ближнем Востоке США и Израиль будут расширять свои стратегические преимущества, ввергая весь регион в большую неопределенность и ставя под угрозу глобальные инициативы КНР.

В сфере дипломатии принцип невмешательства — визитная карточка Китая, но в условиях ближневосточной турбулентности он становится и его главной слабостью. Призывы к прекращению огня в секторе Газа или осуждение ударов по Ирану часто остаются

[49] В Иране выразили надежду на более активную роль Китая в обеспечении мира // РИА Новости. 15.01.2026. URL: https://ria.ru/20260115/iran-2068086468.html (дата обращения: 20.03.2026).

без внимания, так как не подкреплены реальными рычагами давления, что снижает политический вес Пекина[50]. Между тем усиление роли КНР в регионе в XXI в. порождает высокие ожидания среди местных элит, которые видят в ней реальный противовес Западу. Однако если Китай четко не продемонстрирует надежность своей поддержки, он рискует столкнуться с разочарованием со стороны ближневосточных партнеров.

Успехи в экономической сфере могут создавать у руководства КНР иллюзию контроля, однако они же порождают зависимость Китая от стабильности торговых поставок через Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы. Любой конфликт (например, в Красном море или перекрытие Ираном Ормузского пролива) напрямую угрожает экономической безопасности Пекина, а эффективно защитить эти маршруты самостоятельно он пока не проявляет готовности.

* * *

Анализ эволюции и современных реалий политики Китая на Ближнем Востоке позволяет сделать вывод о формировании им устойчивой и многомерной стратегии в условиях своего глобального возвышения. За несколько десятилетий китайское присутствие в регионе претерпело качественную трансформацию: от роли периферийного политического актора и покупателя энергоресурсов до статуса ключевого торгового партнера, стратегического инвестора и, как показало посредничество между Эр-Риядом и Тегераном, политического арбитра.

Ключевыми особенностями китайского подхода являются его комплексность и гибкость. Экономическая дипломатия в рамках ИПП создает материальную инфраструктуру взаимозависимости. При этом Пекин последовательно заполняет концептуальный вакуум, предлагая региональным игрокам альтернативный дискурс, оформленный в глобальных инициативах Си Цзиньпина и продвигаемый по линии «Юг–Юг». Идеи «безопасности через развитие», многостороннего сотрудничества и невмешательства находят широкий отклик у местных элит, что отражается в стратегическом партнерстве с Ираном, взаимодействии в рамках многосторонних

[50] Aluf D. China's influence in the Middle East and its limitations // The Diplomat. 26.02.2024. URL: https://thediplomat.com/2024/02/chinas-influence-in-the-middle-east-and-its-limitations/ (accessed: 20.03.2026).

площадок с арабскими странами и курсе на строительство китайско-арабского сообщества единой судьбы. Тем самым формируется стратегическое доверие к Китаю, которое может позволить ему усилить свои региональные позиции в будущем.

Однако рост присутствия КНР в регионе сталкивается с системными вызовами, определяющими пределы ее влияния. Глубокая конфликтность региона постоянно испытывает на прочность принцип невмешательства, требуя от Пекина всё большей вовлеченности для защиты своих растущих интересов. При этом отказ от данного принципа может лишить Китай его главного конкурентного преимущества — способности выстраивать доверительные отношения со всеми сторонами одновременно. Как только Пекин начнет выбирать союзника и вмешиваться, он потеряет статус универсального посредника.

Применительно к нынешней эскалации вокруг Ирана это, с одной стороны, создает «разрыв в ожиданиях» с партнерами, рассчитывающими на более решительную поддержку Пекина, и ставит под вопрос способность Китая защищать свои растущие активы и интересы союзников. С другой стороны, существенная экономическая и технологическая помощь КНР Ирану в условиях жестких санкций, ее активность на международной арене в осуждении агрессии США и Израиля — это уже немало, учитывая, что Китай действует в узком коридоре своих возможностей при соблюдении своих стратегических интересов в отношениях со странами Залива и с Вашингтоном.

Более того, Пекин явно делает ставку на то, что хаотичные и жесткосиловые акции Соединенных Штатов постепенно подрывают доверие к ним как к надежному партнеру. В этой логике США сами создают сценарий, по которому Китай может выступить в роли стабильной и предсказуемой альтернативы.

Однако сохранение хрупкого баланса в отношениях между Ираном и монархиями Залива, значительное присутствие США, остающихся ключевым военным гарантом в регионе, очередные вспышки региональных конфликтов в итоге потребуют от китайской дипломатии более решительного подхода и даже готовности жертвовать хорошими отношениями с отдельными игроками.

В целом, несмотря на существенный экономический вес в регионе, на нынешнем этапе китайской стратегии не хватает завершенности, способности конвертировать экономическое присутствие в реальное политическое и военное влияние. Это выражается в первую очередь

в отсутствии прокитайской группы стран, способных действовать скоординированно в отстаивании своих интересов, что особенно заметно на фоне позиций США и созданной ими сети союзников. Будущая эффективность ближневосточной стратегии КНР будет напрямую зависеть от способности разрешить фундаментальное противоречие между экономической мощью и политической ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верченко А.Л. Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7, № 2. С. 60–74. DOI: 10.24412/2686-7702-2025-2-60-74.

2. Виноградов И.С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28, № 28. С. 185–198. DOI: 10.48647/ICCA.2023.40.55.015.

3. Ли В. Цун цзунти чаото дао цзицзи ю вэй гайгэкайфан илай дэ Чжунго Чжундун вайцзяо [От отстраненности к активным действиям: ближневосточная дипломатия Китая после реформ и открытости] // Алабо шицзе яньцзю. 2018. № 4. С. 3–13. (На кит. яз.)

4. Лю Чж. [Шицзюй 2024] фачжань, хуаньхэ, доюань: чжундундицюй тиси дэ фачжаньцюйши [[Мировая ситуация 2024] Развитие, разрядка, диверсификация: тенденции развития ближневосточной системы] // Чжунго шэхуэйкэсюэ ван [Сеть общественных наук Китая]. 26.01.2024. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202401/t20240126_5730890.shtml (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

5. Марьясис Д.А. Китай и Израиль: 25 лет экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7 (732). С. 40–46. DOI: 10.31857/S032150750000097-8.

6. Ню С. Чжундун дицюй синь гэцзюй дэ тэдянь чэнинь цзи инсян [Характеристики, причины и последствия нового ландшафта на Ближнем Востоке] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2025. № 4. С. 41–62. (На кит. яз.)

7. Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196.

8. Сажин В. Иран — Китай: стратегический союз? // Международная жизнь. 14.04.2021. URL: https://interaffairs.ru/news/show/29749 (дата обращения: 20.03.2026).

9. Сазонов С.Л., Ли Ф., Ван Ц. Сотрудничество Китая и стран Ближнего и Среднего Востока в области транспорта // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29, № 29. С. 325–339. DOI: 10.48647/ICCA.2024.71.83.022.

10. Сазонов С.Л., Фу Я. Кризис на Красном море: влияние на Китай, мировую торговлю и судоходство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29, № 29. С. 313–324. DOI: 10.48647/ICCA.2024.65.50.021.

11. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: Форум, 2018.

12. Сунь Д., У С. Синь шидай Чжунго цаньюй Чжундун аньцюань шиу линянь чжучжан юй шицзянь таньсо [Участие Китая в вопросах безопасности на Ближнем Востоке в новую эпоху: концептуальные подходы и практика] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2020. № 4. С. 1–19. (На кит. яз.)

13. Ben Tzur R. Biased neutrality: China's rhetoric amid escalating tensions in the Middle East // The Institute for National Security Studies. 14.08.2025. URL: https://www.inss.org.il/publication/china-middle-east-2025/ (accessed: 20.03.2026).

14. Kellner T., Loutfi N. L'influence de la Chine au Moyen-Orient. Entre avancées notables et limites persistantes. Les rapports du GRIP 2024/6. Bruxelles: GRIP, 2024. URL: https://www.grip.org/wp-content/uploads/2024/12/Rapport_2024-6-TK-NL-Chine-Moyen-Orient.pdf (accessed: 20.03.2026).

15. Shang Y. Gulf wealth powers China's 2025 investment boom: from finance to energy // China Briefing. 30.09.2025. Available at: https://www.china-briefing.com/news/gulf-investment-in-china-2025-finance-energy/ (accessed: 20.03.2026).

16. Yang C. China's position on the Palestine-Israel issue: a historical perspective // Ortadoğu Etütleri. 2017. Vol. 9, No. 2. P. 4–23.

17. Zhang Sh. From global anti-imperialism to the dandelion fighters: China's solidarity with Palestine from 1950 to 2024 // Transnational Institute. 12.03.2025. URL: https://www.tni.org/en/article/from-global-anti-imperialism-to-the-dandelion-fighters (accessed: 20.03.2026).

REFERENCES

1. Verchenko, A.L. (2025) 'Kontseptsiya soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva: kitaiskoe videnie novogo miroustroistva (desyatiletie realizatsii)' [The concept of the community with a shared future for mankind: Chinese vision of the new world order (a decade of realization)], *East Asia: Facts and Analytics*, 7(2), pp. 60–74. Available at: https://doi.org/10.24412/2686-7702-2025-2-60-74. (In Russian.)

2. Vinogradov, I.S. (2023) 'Sotrudnichestvo Kitaya so stranami Severnoi Afriki: sostoyanie i perspektivy' [China's cooperation with the countries of North Africa: state and prospects], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 28(28), pp. 185–198. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.40.55.015. (In Russian.)

3. Li, W. (2018) 'Tsun tsunti chaoto daotszitszi yu vei gaigekaifan ilai de Chzhonggun Chzhundun vaitszyao' [From detachment to proactive engagement: China's Middle East diplomacy since reform and opening up], *Alabo shijie yanjiu*, (4), pp. 3–13. (In Chinese.)

4. Liu, Z. (2024) '[Shitszyui 2024] fazhan', khuan'khe, doyuan': chzhundun ditsyui tisi de fazhan'tsyushi' [[World situation 2024] Development, détente, diversification: development trends of the Middle East regional system], *Zhongguo shehuikexue wang*, 26 January. Available at: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202401/t20240126_5730890.shtml (Accessed: 20 March 2026). (In Chinese.)

5. Mar'yasis, D.A. (2018) 'Kitai i Izrail': 25 let ekonomicheskogo sotrudnichestva' [China and Israel: 25 years of economic cooperation success], *Asia and Africa Today*, (7(732)), pp. 40–46. Available at: https://doi.org/10.31857/S032150750000097-8. (In Russian.)

6. Niu, S. (2025) 'Chzhundun ditsyui sin' gestszyui de tedyan' chenin' tszin insyan' [Characteristics, causes and implications of the new landscape in the Middle East], *Guoji wenti yanjiu*, 4, pp. 41–62. (In Chinese.)

7. Savicheva, E.M., Brebdani, A.M. and Ryzhov, I.V. (2022) 'Kitai i strany Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: ot ekonomicheskikh sdelok k strategicheskomu partnerstvu' [China and Gulf Cooperation Council countries: from economic deals to strategic partnerships], *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), pp. 180–196. Available at: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196. (In Russian.)

8. Sazhin, V. (2021) 'Iran — Kitai: strategicheskii soyuz?' [Iran — China: a strategic alliance?], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 14 April. Available at: https://interaffairs.ru/news/show/29749 (Accessed: 20 March 2026). (In Russian.)

9. Sazonov, S.L., Li, F. and Wang, Ts. (2024) 'Sotrudnichestvo Kitaya i stran Blizhnego i Srednego Vostoka v oblasti transporta' [Cooperation between China and the countries of the Middle East in the field of transport], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 29(29), pp. 325–339. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.71.83.022. (In Russian.)

10. Sazonov, S.L. and Fu, Ya. (2024) 'Krizis na Krasnom more: vliyanie na Kitai, mirovuyu torgovlyu i sudokhodstvo' [The crisis in the Red Sea: the impact on China, world trade, shipping and navigation], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 29(29), pp. 313–324. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.65.50.021. (In Russian.)

11. Safronova, E.I. (2018) *Kitai i razvivayushchiisya mir: kontseptsii i aktual'naya praktika otnoshenii (na primere Afriki i Latinskoi Ameriki)* [China and the developing world: concepts and current practice of relations]. Moscow: Forum Publ. (In Russian.)

12. Sun, D. and Wu, S. (2020) 'Sin' shidai Chzhungo tsan'yu Chzhundun an'tsyuan' shiu linian' chzhuchzhan' yui shitszyan' tan'so' [China's participation in Middle East security affairs in the new era: conceptual approaches and practice], *Guoji wenti yanjiu*, (4), pp. 1–19. (In Chinese.)

13. Ben Tzur, R. (2025) *Biased neutrality: China's rhetoric amid escalating tensions in the Middle East*. The Institute for National Security Studies, 14 August. Available at: https://www.inss.org.il/publication/china-middle-east-2025/ (Accessed: 20 March 2026).

14. Kellner, T. and Loutfi, N. (2024) *L'influence de la Chine au Moyen-Orient. Entre avancées notables et limites persistantes*. Les rapports du GRIP 2024/6. Brussels: GRIP. Available at: https://www.grip.org/wp-content/uploads/2024/12/Rapport_2024-6-TK-NL-Chine-Moyen-Orient.pdf (Accessed: 20 March 2026).

15. Shang, Y. (2025) *Gulf wealth powers China's 2025 investment boom: from finance to energy*. China Briefing, 30 September. Available at: https://www.china-briefing.com/news/gulf-investment-in-china-2025-finance-energy/ (Accessed: 20 March 2026).

16. Yang, C. (2017) 'China's position on the Palestine-Israel issue: a historical perspective', *Ortadoğu Etütleri*, 9(2), pp. 4–23.

17. Zhang, Sh. (2025) *From global anti-imperialism to the dandelion fighters: China's solidarity with Palestine from 1950 to 2024*. Transnational Institute, 12 March. Available at: https://www.tni.org/en/article/from-global-anti-imperialism-to-the-dandelion-fighters (Accessed: 20 March 2026).

Статья поступила в редакцию 18.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.03.2026;
принята к публикации 26.04.2026

The paper was submitted 18.12.2025;
approved after reviewing 16.03.2026;
accepted for publication 26.04.2026

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-189-230

Научная статья / Research paper

К.В. Асмолов*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛИ ЧЖЭ МЁНА: ОПЫТ СЦЕНАРНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и Современной Азии РАН
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

3 июня 2025 г. на внеочередных президентских выборах новым президентом Республики Корея (РК) стал представитель Демократической партии Ли Чжэ Мён, обещавший, в отличие от его проамерикански настроенного предшественника Юн Сок Ёля, проводить сбалансированную внешнюю политику, соответствующую национальным интересам страны. Однако на данный момент по многим направлениям новоизбранный глава государства продолжает курс экс-президента. В этой связи с неизбежностью встает вопрос, чем объясняется такая преемственность и как она может отразиться на внешней политике РК в условиях нарастающей международной напряженности. Для того чтобы ответить на этот вопрос, в данной статье сначала дается развернутое описание политического портрета Ли Чжэ Мёна и выявляются устойчивые детерминанты, задающие содержание и основные направления внешней политики РК в настоящий момент. К ним автор относит глобальную турбулентность, усиление американо-китайского соперничества, «феномен Трампа», динамику отношений между КНДР, КНР и Россией, а также внутриполитическую ситуацию в Южной Корее. На этой основе автор анализирует первые шаги Ли Чжэ Мёна в отношениях с США, КНР, Россией, Японией и КНДР и обозначает возможные сценарии дальнейшего развития взаимодействия РК с указанными странами. Делается вывод, что, несмотря на популистскую риторику, новый президент и далее будет продолжать внешнюю политику своего предшественника, предполагающую укрепление дружественных отношений с Вашингтоном и дистанцирование как от соперников США в лице Китая и России, так и от КНДР в рамках межкорейского диалога. Подобное

* *Асмолов Константин Валерианович* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (e-mail: asmolov@iccaras.ru; ORCID: 0000-0003-1584-2748).

© Асмолов К.В., 2026

развитие событий обусловливается не столько личными воззрениями популиста Ли Чжэ Мёна, сколько объективными макрорегиональными трендами, существенно ограничивающими политическую автономию РК.

Ключевые слова: Южная Корея, Республика Корея, Корейский полуостров, Ли Чжэ Мён, США, КНР, Россия, Япония, КНДР, сценарный метод

Для цитирования: Асмолов К.В. Внешнеполитический курс правительства Ли Чжэ Мёна: опыт сценарного прогнозирования // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 189–230. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-189-230.

Konstantin V. Asmolov

THE FOREIGN POLICY COURSE OF THE LEE JAE-MYUNG'S GOVERNMENT: CHALLENGES AND PROSPECTS

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

On June 3, 2025, Lee Jae-myung, a representative of the Democratic Party, was elected as the new President of the Republic of Korea (ROK) in a snap presidential election. Unlike his pro-American predecessor, Yoon Suk-yeol, he pledged to pursue a balanced foreign policy aligned with the country's national interests. However, the newly elected head of state, in many respects, actually continues his predecessor's course. This inevitably raises the question of what accounts for such continuity and how it may affect the ROK's foreign policy amid mounting international tensions. To address this question, the article first provides a detailed description of Lee Jae-myung's political profile and identifies the persistent determinants currently shaping the substance and principal directions of the ROK's foreign policy. According to the author, these determinants include global turbulence, intensifying Sino-American rivalry, the 'Trump phenomenon', the dynamics of relations between the DPRK, the PRC, and Russia, as well as the domestic political situation in South Korea. On this basis, the author examines Lee Jae-myung's initial steps in relations with the United States, the PRC, Russia, Japan, and the DPRK and outlines possible scenarios for the development of the ROK's interactions with these countries. The author concludes that, despite populist rhetoric, the new president will continue his predecessor's foreign policy, which entails strengthening friendly relations with Washington and distancing from both U.S. rivals — China and Russia — and the DPRK within the frame-

work of inter-Korean dialogue. This trajectory is determined not so much by the personal views of the populist Lee Jae-myung as by objective macro-regional trends that significantly constrain the ROK's political leeway.

Keywords: South Korea, Republic of Korea, Korean Peninsula, Lee Jae-myung, USA, China, Russia, Japan, DPRK, scenario analysis

About the author: *Konstantin V. Asmolov* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: asmolov@iccaras.ru; ORCID: 0000-0003-1584-2748).

For citation: Asmolov, K.V. (2026) 'The foreign policy course of the Lee Jae-Myung's government: challenges and prospects', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 189–230. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-189-230. (In Russian.)

3 июня 2025 г. после внеочередных президентских выборов, вызванных импичментом экс-президенту Юн Сок Ёлю, в Южной Корее пришел к власти бывший лидер оппозиционной Демократической партии Ли Чжэ Мён. Ожидалось, что внешнеполитический курс нового главы государства будет соответствовать как его предвыборным обещаниям, так и общей линии, характерной для президентов-демократов[1]. Показательна реплика российского историка и журналиста О. Кирьянова, сделанная в преддверии выборов: «Отношения с Россией играют достаточно заметную роль в программе Ли Чжэ Мёна. Он — единственный из всех кандидатов, кто прямо и неоднократно упоминает Москву как важного партнера. В частности, он поддерживает участие Южной Кореи в механизмах БРИКС и Глобального Юга, а также рассматривает возможность участия в восстановлении Украины и прилегающих территорий без антироссийской риторики. Такой подход отражает его стремление к взвешенной и практичной дипломатии, способной адаптироваться к текущей геополитической

[1] Фаворит президентской гонки Южной Кореи заявил о намерении дружить с РФ // Известия. 18.05.2025. URL: https://iz.ru/1888212/2025-05-18/favorit-prezidentskoi-gonki-uznoi-korei-zaavil-o-namerenii-druzit-s-rf (дата обращения: 30.01.2026); Мельникова Н. Новый президент Южной Кореи смотрит в сторону Москвы. Левоцентрист Ли Чжэ Мён пообещал улучшить отношения с Россией насколько возможно // Независимая газета. 03.07.2025. URL: https://www.ng.ru/world/2025-07-03/1_9286_president.html (дата обращения: 30.01.2026).

ситуации»[2]. Похожие надежды в интервью изданию «Лента.ру» высказывал и кореевед А. Ланьков[3].

Однако многое в курсе нового президента повторяет действия его предшественника, что требует объяснения сложившейся ситуации как в краткосрочной перспективе, так и с точки зрения эволюции внешнеполитической стратегии Республики Корея (РК).

Современные тенденции развития ситуации в РК проанализированы в целом ряде российских и зарубежных работ[4] [Асмолов, 2022b, 2022c; Carothers, 2002; Cho, Hur, 2025; Ki, Chung, 2023; Nilsson-Wright, 2022; Shin, 2020; Shin et al., 2024]. Научная новизна данной статьи заключается в том, что она представляет собой попытку описать грядущий внешнеполитический курс новой корейской администрации с помощью сценарного прогнозирования.

Цель данного исследования — определить наметившиеся тренды внешней политики президента Ли Чжэ Мёна, а также выявить причины того, почему, несмотря на образ левого националиста и беспощадного критика курса Юн Сок Ёля в бытность лидером оппозиции, действующий президент во многом следует его линии.

Поскольку автор стремится не только описать первые шаги новой власти, но и дать прогноз на развитие ситуации в будущем, наиболее соответствующими задачам исследования являются разработанный А.С. Ахременко [Ахременко, 1999] и его соратниками метод сценарного прогнозирования, а также принципы организации ситуационных анализов, сформулированные Е.М. Примаковым и М.А. Хрусталёвым [Примаков, Хрусталёв, 2006]. Учитывалась

[2] Комментарий ARRC: Внешнеполитические ориентиры кандидатов в президенты Республики Корея на выборах 2025 года // Asia Risk Research Center. 30.05.2025. URL: https://asiarisk.org/novosti/530-kommentarij-arrc-vneshnepoliticheskie-orientiry-kandidatov-v-prezidenty-respubliki-koreya-na-vyborakh-2025-goda (дата обращения: 30.01.2026).

[3] Габриелян М. Профессор Ланьков: на выборах президента Южной Кореи побеждает противник помощи Украине. Как это повлияет на отношения с Россией? // Лента.ру. 03.06.2025. URL: https://lenta.ru/news/2025/06/03/vybory-v-yuzhnoy-koree/ (дата обращения: 30.01.2026).

[4] Min G.K. South Korean democracy at a crossroads // The National Bureau of Asian Research. 21.05.2025. URL: https://nbr.org/publication/south-korean-democracy-at-a-crossroads/ (accessed: 30.01.2026); Sohn Y., Kang W.-T. How polarization undermines democracy in South Korea // Council on Foreign Relations. 06.02.2025. URL: https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memo/how-polarization-undermines-democracy-in-south-korea/ (accessed: 30.01.2026).

также теория самосбывающегося пророчества (*self-fulfilling prophecy*) американского социолога Р. Мертона, согласно которой «публичные определения ситуации (пророчества или предсказания) становятся ее неотъемлемой частью и тем самым влияют на последующие события» [Merton, 1948: 195].

Политическая биография Ли Чжэ Мёна

Если сравнивать Ли Чжэ Мёна с российскими политиками, то ближайшей аналогией (по мнению автора) будет Б.Н. Ельцин, с которым Ли роднят и пролетарское происхождение, и биография человека, пришедшего в большую политику через яркий образ народного заступника, преследуемого властью. Можно найти некоторое сходство и в методах, с помощью которых Ли Чжэ Мён и Б.Н. Ельцин боролись за власть, и в определенной одиозности их репутации.

Родившись в бедности, Ли Чжэ Мён преодолел значительные трудности[5], чтобы в 1989 г. стать юристом по трудовым спорам и получить репутацию поборника справедливости для простого народа. Затем, хотя и не с первой попытки, Ли Чжэ Мён стал мэром города Соннама (крупный город-спутник Сеула), а потом — губернатором пристоличной провинции Кёнгидо.

На этих постах он запомнился решительностью, яркими политическими шагами (например, распорядился установить в мэрии камеры видеонаблюдения для предотвращения коррупции) и большим вниманием к медийной составляющей своего образа. Ли Чжэ Мён первым из политиков своего поколения начал активно использовать соцсети и взращивать команду фанатов, которая помогала ему формировать благоприятное общественное мнение и в короткие сроки собирать большие объемы пожертвований[6].

Ли Чжэ Мён активно выступал за разнообразные социальные выплаты, был сторонником концепции безусловного базового дохода,

[5] Один из семи детей, выросших в бедной семье, после окончания начальной школы Ли Чжэ Мён трудился на заводе, поскольку его родители не могли оплачивать среднее образование сына. В возрасте 13 лет будущий президент получил серьезную производственную травму руки, сделавшую его инвалидом.

[6] 로이슈, 3주만에 후원금 10억 돌파 [За три недели объем финансирования достиг 1 млрд долл.] // Информационное агентство «Law Issue». 03.03.2017. URL: https://www.lawissue.co.kr/view.php?ud=20170303171917439185901_12 (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

отчего его часто называли «южнокорейским Берни Сандерсом». Так, на посту мэра города Соннама будущий президент много занимался вопросами расширения льгот, внедрив проект «Молодежные дивиденды», по которому администрация выделила 11,3 млрд вон на ежеквартальные выплаты молодым людям, прожившим в Соннаме более 3 лет[7]. А в качестве губернатора Ли Чжэ Мён выплачивал финансовую помощь жителям провинции в период пандемии, включая выделение вспомоществования для пострадавших от стихийных бедствий в размере 250 000 вон на человека[8].

Вместе с тем политик часто становился субъектом сомнительных историй. Например, став мэром Соннама, в 2010 г. он сразу же объявил, что город находится на грани банкротства, вследствие чего необходима чрезвычайная экономическая политика, и ввел мораторий на выплату городских долгов. Это позволило ему аккумулировать большие денежные средства, которые пошли на развитие города, но впоследствии выяснилось, что никаких срочных требований выплаты долгов не было. Во время предвыборной кампании 2017 г. Ли Чжэ Мён признал, что это был элемент политического шоу: «Действительно, это было сделано в шокирующем стиле, чтобы информировать граждан и помочь им понять необходимость финансовой реструктуризации»[9].

Ли Чжэ Мёна постоянно обвиняли в коррупционных преступлениях, связанных со взяточничеством[10], лжесвидетельством и нарушением избирательного законодательства. В 2016 г. в РК вышел

[7] 이재명 성남시장 2016년 시정운영방향 전국 최고의 복지 도시 성남 [Мэр Соннама Ли Чжэ Мён. Управление муниципальным хозяйством Соннам — лучший город страны по уровню благосостояния на 2016 год] // The Gyeonggi Welfare Newspaper. 01.02.2026. URL: http://www.ggwelfare.com/news/articleView.html?idxno=6524 (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[8] 이재명 재모든 경기도민에 재난지원금 25만원씩 지급할 것 [Ли Джэ Мён: «Мы выплатим 250 000 вон в качестве помощи при стихийных бедствиях всем жителям Кёнгидо»] // Хангере синмун. 13.08.2021. URL: https://www.hani.co.kr/arti/area/capital/1007586.html (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[9] 대선주자 관훈토론 이재명 편 [Дебаты кандидата в президенты Ли Чжэ Мёна] // YouTube. 22.02.2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NoEbQu-y7_o&t=2481s (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[10] 백현동 사건, 이재명 토건비리에서 법조비리로까지 번진 까닭 [Инцидент в Пэкхён-дон: почему строительная коррупция Ли Чжэ Мёна переросла в юридическую коррупцию] // The Public. 15.02.2024. URL: https://www.thepublic.kr/news/articleView.html?idxno=216018 (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

фильм «Асура: город безумия»[11], где главным антагонистом является коррумпированный мэр, криминальные схемы которого похожи на то, в чем обвиняли политика.

Впрочем, хотя Ли Чжэ Мён является фигурантом шести уголовных дел, с точки зрения его сторонников, речь идет о политически мотивированных, сфабрикованных обвинениях, тем более что пять свидетелей по разным делам, которые могли бы дать против нынешнего президента показания, за некоторое время до допросов умерли или покончили с собой[12].

Кроме того, Ли Чжэ Мёна обвиняли в том, что он якобы поместил своего брата в психиатрическую больницу, используя административный ресурс, и даже в супружеской измене (в РК она была декриминализирована только в 2015 г.). Некая актриса, которую политик, по ее словам, бросил после адюльтера, заявила, что она это докажет, зная, где у него в определенном месте родимое пятно. В ответ Ли снял штаны в присутствии врачей и журналистов, которые не обнаружили ни пятна, ни следов его сведения. В результате дело было закрыто.

Благодаря такой специфической репутации Ли Чжэ Мён имел напряженные отношения как с консерваторами, так и с другими фракциями среди демократов. В 2017 г. он был одним из соперников Мун Чжэ Ина на праймериз, какое-то время опережал его, но в итоге занял третье место. После этого будущий президент занимал в Демпартии еще более левую позицию, чем Мун Чжэ Ин, оставаясь лидером отдельной фракции, и некоторые уголовные дела против него были заведены еще при Муне.

Соответственно от администрации Мун Чжэ Ина Ли Чжэ Мён сохранял определенную дистанцию, и когда в 2021 г. все ставленники первого провалились на праймериз, он стал представлять Демпартию, потому что иных значимых лидеров не осталось.

[11] Асура: Безумный город (2016) // Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/994668/?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 30.01.2026). Фильм «Асура» вызвал подозрения из-за похожего сюжета с реальным скандалом о коррупции // YesAsia. 02.08.2018. URL: https://www.yesasia.ru/article/602609 (дата обращения: 30.01.2026).

[12] Асмолов К. Ли Чжэ Мён: список обвинений // New Eastern Outlook. 03.10.2023. URL: https://journal-neo.su/ru/2023/10/03/li-chzhe-myon-spisok-obvinenij/ (дата обращения: 30.01.2026).

Президентские выборы 9 марта 2022 г. Ли Чжэ Мён проиграл с минимальным разрывом в 0,73%, что положило начало затяжному конституционному кризису: президент-консерватор Юн Сок Ёль против парламента, в котором демократическая оппозиция имела почти 2/3 голосов [Асмолов, 2022b]. А Ли Чжэ Мён, вместо того чтобы по традиции проигравшего объявить об отставке и на время уйти из политической деятельности, избрался в парламент и 28 августа 2022 г. стал председателем Демократической партии[13].

Под руководством Ли Чжэ Мёна партия превратилась в «группу спасения председателя от уголовного преследования». Например, ранее ее устав гласил, что если партийный чиновник станет мишенью уголовного дела, то он должен оставить свой пост, пока ситуация не прояснится, чтобы не компрометировать своих соратников. Однако в случае Ли Чжэ Мёна правила подкорректировали, вписав в них, что в случае политически ангажированного преследования отставка необязательна[14]. Позднее демократы пытались менять Закон о выборах и Закон о политических партиях, чтобы исключить из них те виды преступлений, в которых обвиняли Ли Чжэ Мёна, либо смягчить сроки наказания и сроки давности по ним так, чтобы обвинения утратили силу[15].

Так или иначе, власти инициировали уголовное расследование в отношении Ли Чжэ Мёна, и, по мнению автора, улики были достаточно фундированы. В ответ 31 августа 2023 г. Ли Чжэ Мён объявил о начале бессрочной голодовки в знак протеста против режима Юн Сок Ёля, который, по его словам, угрожал конституционному порядку и демократии[16]. Ли Чжэ Мён прекратил свою голодовку

[13] 민주당 새 대표에 이재명 [Ли Чжэ Мён — новый лидер Демократической партии] // Хангере синмун. 28.08.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1056504.html (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[14] Nam H.-w. Main opposition leader indicted, faces calls to resign // The Korea Times. 23.03.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/03/356_347623.html (accessed: 30.01.2026).

[15] Асмолов К. Посадят ли Ли Чжэ Мёна после Юн Сок Ёля? // New Eastern Outlook. 12.01.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/01/12/posadyat-li-li-chzhe-myona-posle-yun-sok-elya/ (дата обращения: 30.01.2026).

[16] Кирьянов О. Лидер южнокорейской оппозиции заявил о начале бессрочной голодовки протеста // Российская газета. 31.08.2023. URL: https://rg.ru/2023/08/31/lider-iuzhnokorejskoj-oppozicii-zaiavil-o-nachale-bessrochnoj-golodovki-protesta.html (дата обращения: 30.01.2026).

спустя 24 дня, установив новый рекорд продолжительности голодовки в истории РК[17].

2 января 2024 г. на политика было совершено покушение: пенсионер-активист-конспиролог попытался ударить «китайского и северокорейского шпиона» ножом в шею[18], но лезвие застряло в накрахмаленном воротничке. Это прибавило Ли Чжэ Мёну популярности и обострило его отношения с властью.

После того как 15 ноября 2024 г. суд первой инстанции вынес Ли Чжэ Мёну обвинительный приговор, конфронтация двух кандидатов в президенты привела к конституционному кризису, в результате которого после неудачной попытки разрубить гордиев узел с помощью военного положения Юн Сок Ёль был подвергнут импичменту, после чего в апреле 2025 г. апелляционный суд полностью оправдал Ли Чжэ Мёна, расчистив ему путь в президентскую гонку. Однако 1 мая 2025 г. Верховный суд аннулировал[19] решение апелляционного суда, так как для отмены приговора не было достаточных оснований. Дело было отправлено на доследование, и над Ли Чжэ Мёном снова нависла угроза дисквалификации, при том что рейтинги отдавали победу ему. В ответ 6 мая того же года Ли Чжэ Мён осудил «вмешательство Верховного суда в избирательный процесс»[20], а Демократическая партия заявила о «судебном перевороте» как продолжении курса Юн Сок Ёля. Давление на Верховный суд привело к тому, что новый виток слушаний было решено провести после выборов[21], и после того как кандидат от демократов стал президентом, уголовные дела, по которым он проходил фигурантом, были поставлены на паузу.

[17] Lee M. Opposition party leader ends 24-day hunger strike for treatment // Yonhap News Agency. 23.09.2023. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20230923002351315?section=news (accessed: 30.01.2026).

[18] Лидер оппозиции Ли Чжэ Мён подвергся нападению // KBS. 02.01.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=76838 (дата обращения: 30.01.2026).

[19] Верховный суд отменил оправдательный приговор Ли Чжэ Мёну // KBS. 07.05.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=81418 (дата обращения: 30.01.2026).

[20] Кандидаты в президенты РК встречаются с избирателями // KBS. 07.05.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=81460 (дата обращения: 30.01.2026).

[21] Слушание дела Ли Чжэ Мёна назначено на 18 июня // KBS. 07.05.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=81470 (дата обращения: 30.01.2026).

3 июня 2025 г. Ли Чжэ Мён наконец обрел президентское кресло, однако разрыв между ним и представителем консерваторов составил всего 8%, при том что в 2017 г., после импичмента Пак Кын Хе, он был равен 17%. С одной стороны, за Ли Чжэ Мёна в условиях высокой явки проголосовало больше населения, чем за Мун Чжэ Ина или Юн Сок Ёля, с другой — значительная часть этих людей голосовали не столько за кандидата-демократа, сколько за прекращение политического хаоса. Если бы к власти пришел консерватор, он получил бы ту же проблему, что и Юн Сок Ёль: парламент, в котором демократы занимают почти 2/3 мест. Политический кризис бы продолжился, а как показал опыт Юн Сок Ёля, даже чрезвычайные меры против большинства оппозиции в законодательном органе — бессильны.

Следует отметить, что уже на этапе предвыборной гонки Ли Чжэ Мён позиционировал свою партию как правоцентристскую, «сдвигаясь» в сторону политического центра[22]. Показательно, что первые его шаги на посту президента скорее стали продолжением курса его предшественника-консерватора.

6 июня 2025 г. Ли Чжэ Мён поговорил по телефону с президентом США Д. Трампом, 9 июня — с премьер-министром Японии Сигэру Исиба[23], 10 июня состоялся телефонный разговор с председателем КНР Си Цзиньпином[24]. Такой порядок (Япония прежде Китая) был характерен для его консервативных предшественников, в то время как Мун Чжэ Ин поставил на второе место Пекин[25].

Директором Управления администрации президента по национальной безопасности[26] был назначен бывший посол в России Ви

[22] Lee Jae-myung's centrist shift // The Korea Times. 23.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2025/02/202_392797.html (accessed: 30.01.2026).

[23] Президент РК поговорил по телефону с главами США и Японии // KBS. 09.06.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=81826 (дата обращения: 30.01.2026).

[24] Президент РК поговорил по телефону с главой Китая // KBS. 11.06.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=81858 (дата обращения: 30.01.2026).

[25] Комментарий ARRC: Ли Чжэ Мён пока не дозвонился до Москвы, и это может повредить будущему связей РК и РФ // Asia Risk Research Center. 13.06.2025. URL: https://asiarisk.org/novosti/531-kommentarij-arrc-li-chzhe-mjon-poka-ne-dozvonilsya-do-moskvy-i-eto-mozhet-povredit-budushchemu-svyazej-rk-i-rf (дата обращения: 30.01.2026).

[26] В российской литературе часто используется термин «советник по национальной безопасности».

Сон Лак, который в правление Юн Сок Ёля активно критиковал его политический курс и де-факто был советником Ли Чжэ Мёна по некоторым политическим вопросам. Министром иностранных дел стал кадровый дипломат Чо Хён, который во время президентства Мун Чжэ Ина занимал пост заместителя министра иностранных дел, а с 2019 по 2022 г. был послом Южной Кореи в Организации Объединенных Наций (ООН), где продвигал курс на улучшение отношений с Северной Кореей[27]. Новым министром по делам воссоединения (отвечает за взаимодействие с КНДР) был назначен Чон Дон Ён, который уже занимал этот пост при Но Му Хёне и даже баллотировался в президенты как его преемник, но проиграл с разгромным счетом Ли Мён Баку[28].

Факторы, влияющие на современный внешнеполитический курс РК

Традиционная совокупность особенностей политической культуры РК предполагает решительное обнуление внешнеполитических инициатив предыдущей администрации, так как логика фракционной борьбы требует, чтобы курс демократов отличался от курса консерваторов. Кроме того, различие программ ведущих партий более всего проявляется именно во внешней политике. Если консерваторы ориентируются на стратегический союз с США, то демократы больше говорят о необходимости вести многовекторную политику и балансировать между Пекином и Вашингтоном в рамках так называемого принципа Анми кёнчжун (кор. «В безопасности — с Америкой, в экономике — с Китаем»). Что касается Японии, то выставляющие себя духовными наследниками национально-освободительного движения демократы в большей степени продвигают антияпонский нарратив, требуя от Токио больше «платить и каяться», признавая корейский вариант территориальных и исторических споров.

[27] Lee H.-j. Foreign minister nominee Cho Hyun seen as best fit to lead «pragmatic diplomacy» // The Korea Times. 03.07.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20250703/meet-cho-hyun-poised-to-lead-koreas-ministry-of-foreign-affairs (accessed: 30.01.2026).

[28] South Korea's Lee names first civilian defence minister in decades // Reuters. 23.06.2025. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-koreas-lee-names-first-civilian-defence-minister-decades-2025-06-23/ (accessed: 30.01.2026).

Однако помимо логики фракционной борьбы на внешнеполитический курс РК сегодня влияет целый ряд трендов, которые могут быть как макрорегиональными, так и региональными.

Первый тренд — это глобальная турбулентность как комплекс признаков, указывающих на трансформацию миропорядка; ее важным элементом является кластеризация ранее в целом единого политического, экономического и даже информационного пространства. Как отмечает директор Института Китая и современной Азии РАН К.В. Бабаев, «система международных отношений, функционировавшая с момента распада Советского Союза, фактически перестала существовать, а новая система только начинает выстраиваться» [Бабаев, 2023: 67]. Это ведет к формированию в Восточной Азии новых военно-политических альянсов с различным уровнем вовлеченности. К.В. Бабаев использует для этого термин «вторая холодная война» [Бабаев, 2024], а применительно к Восточной Азии можно говорить о складывании условных двух треугольников: «Москва — Пекин — Пхеньян» и «Вашингтон — Токио — Сеул». Для второго в правление Дж. Байдена и Юн Сок Ёля были заложены институциональные основы, способные превратить его в ядро «азиатской НАТО». Принятые в 2023 г. документы нацелены на выработку единого мнения и единого политического курса, чтобы «Япония, Республика Корея и Соединенные Штаты были едины в наших целях и действиях, создавая общий потенциал»[29].

Второй тренд — усиление противостояния США и Китая, которое в контексте региональной и южнокорейской политики нередко воспринимается как схватка за пост нового мирового гегемона. Этот тренд усиливает предыдущий, так как в рамках данного противостояния каждая сторона старается опереться на союзников. Южная Корея при этом движется в фарватере США.

Третий тренд — «фактор Трампа», поскольку новый президент США склонен к нетривиальным реакциям и решениям. Его политика отличается от курса Демократической партии, в числе прочего, желанием переложить часть финансового бремени с США на их региональных союзников. В этом контексте еще в декабре 2024 г.

[29] Lee H.-a. Full text of joint statement of leaders of S. Korea, U.S., Japan // Yonhap News Agency. 19.08.2023. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000300315?section=news (accessed: 30.01.2026).

Институт иностранных дел и национальной безопасности РК считал, что отношения Сеула и Вашингтона могут быть непростыми[30].

От Д. Трампа, в частности, ожидали требований к РК увеличить расходы на оборону и ужесточить торговую политику, а также попыток переговоров с Севером, которые, по мнению Сеула, негативно отразятся на региональной безопасности.

Четвертый тренд — динамика отношений между Пхеньяном и Пекином и особенно между Пхеньяном и Москвой, сотрудничество между которыми после заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве[31] развивается весьма активно. Этот фактор может влиять на отношения Сеула как с Пхеньяном, так и с Москвой и Пекином.

Пятый тренд — внутриполитическая ситуация в РК. С точки зрения внутренней политики разрыв в 8%, с которым Ли одолел своего конкурента-консерватора, указывает на то, что сторонников консерваторов достаточно и внешнеполитические неудачи могут быть использованы оппозицией для критики президента и попытки завоевания позиций.

Потенциальные сценарии развития внешней политики РК при Ли Чжэ Мёне

Далее мы опишем текущую ситуацию по каждому из основных направлений внешней политики РК (США, Япония, КНДР, Китай, Россия, НАТО/Европа), чтобы представить ряд сценариев развития событий, которые будут рассмотрены в порядке наибольшей вероятности/приоритетности.

Отношения РК и США. Образ левого популиста, который Ли Чжэ Мён культивировал большую часть своей политической карьеры, не мог не повлиять на его восприятие в США, тем более что многие деятели из его администрации в свое время жгли американские

[30] Kim S.-y. Trump's N. Korea policy may shake up security landscape on Korean Peninsula: think tank // Yonhap News Agency. 27.12.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20241227004900315 (accessed: 30.01.2026).

[31] Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 30.01.2026).

флаги и скандировали: «Янки, убирайтесь домой!»[32]. Например, премьер-министр Ким Мин Сок в 1985 г. участвовал в захвате американского культурного центра, будучи ультралевым студенческим активистом[33]. Характерной реакцией на это части консервативных политиков и инфлюенсеров стал пост Л. Лумер в социальной сети «Х»: «Коммунисты захватили власть в Корее и победили сегодня на президентских выборах. Это ужасно»[34].

В этом контексте эксперты из числа консерваторов обращают внимание на то, что Ли Чжэ Мён провел свой первый телефонный разговор с Д. Трампом только через три дня после инаугурации, в то время как его предшественники говорили с Вашингтоном в день их победы на выборах или на следующий день после них. Кроме того, вскоре после окончания президентской гонки Белый дом заявил, что выборы в Южной Корее были честными, но выразил обеспокоенность по поводу вмешательства Китая[35].

В этой связи Ли Чжэ Мёну требовалось деятельно доказать Вашингтону, что с левым прошлым покончено, причем «деятельно» подразумевало не только соответствующие заявления, но и уступки по важным для США аспектам. При этом заявления Ли Чжэ Мёна о том, что американское давление может вызвать экономический кризис[36], представляется автору не риторикой, а констатацией факта. Если Д. Трамп начнет торговую или тарифную войну, это может привести к крайне неприятным последствиям для РК.

[32] Габриелян М. «Ядерный зонтик становится всё более дырявым». Зачем США строят азиатское НАТО у границ России и как это изменит баланс сил в мире? // Лента.ру. 05.09.2025. URL: https://lenta.ru/articles/2025/09/05/a-lankov/ (дата обращения: 30.01.2026).

[33] Jung M.-h. PM nominee grilled over finances in confirmation hearing // The Korea Times. 24.06.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/politics/20250624/pm-nominee-grilled-over-finances-in-confirmation-hearing (accessed: 30.01.2026).

[34] Loomer L. Post: «RIP South Korea. The communists have taken over Korea and won the Presidential election today. This is terrible» // X. 03.06.2025. URL: https://x.com/LauraLoomer/status/1929924016157987131 (accessed: 30.01.2026).

[35] White House calls South Korea election «Fair», expresses concern about Chinese influence // U.S. News. 03.06.2025. URL: https://www.usnews.com/news/world/articles/2025-06-03/white-house-calls-south-korea-election-fair-expresses-concern-about-chinese-influence (accessed: 30.01.2026).

[36] Инвестиционная политика США грозит РК финансовым кризисом // KBS. 22.09.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83045 (дата обращения: 30.01.2026).

В результате в инаугурационной речи новый президент обещал «укреплять корейско-американский альянс, развивать трехсторонее сотрудничество с США и Японией и подходить к отношениям с соседними странами через призму прагматизма и национальных интересов»[37]. Затем Ли Чжэ Мён пытался завоевать внимание Д. Трампа вплоть до лоббирования его выдвижения на Нобелевскую премию мира[38] и заявлений в стиле: «Благодаря совместным усилиям в политике, экономике, безопасности и культуре мы продолжим укреплять южнокорейско-американский союз, скрепленный кровью»[39]. Во время предвыборной кампании Ли Чжэ Мён говорил, что, «если понадобится, он проползет между ног президента Трампа, чтобы защитить национальные интересы своей страны»[40].

В конце августа состоялась встреча Д. Трампа и Ли Чжэ Мёна, однако накануне президент США попытался (традиционная для него тактика) оказать давление на своего визави заявлениями о том, что в Южной Корее проходит чистка или революция и он с этим разберется. И хотя Ли Чжэ Мён избежал того, что он назвал «моментом Зеленского»[41], — гнев Д. Трампа погасили лестью и уступками[42], — значимого совместного заявления или декларации по итогам встречи так и не последовало.

Сам Ли Чжэ Мён охарактеризовал переговоры как напряженные. По его словам, требования США были настолько жесткими,

[37] Lee Jae-myung's inaugural speech: full text // The Korea Times. 04.06.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/politics/20250604/full-text-lee-jae-myungs-inaugural-speech (accessed: 30.01.2026).

[38] Kang H.-k. «Trump for Nobel Prize»: can the initiative offer relief to Lee Jae-myung amid double whammy? // The Korea Times. 06.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/02/120_391657.html (accessed: 30.01.2026).

[39] Президент РК обещает укреплять союз с США // KBS. 28.07.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=82399 (дата обращения: 30.01.2026).

[40] Choe S.-H. As South Korea's leader meets with Trump, China looms large // The New York Times. 24.08.2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/08/24/world/asia/south-korea-president-trump-meeting-us-china.html (accessed: 30.01.2026).

[41] Park J.-m., Kim H., Lee J. South Korea's Lee dodges «Zelenskiy moment» at high-stakes Trump summit // Reuters. 26.08.2025. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-koreas-lee-dodges-zelenskiy-moment-high-stakes-trump-summit-2025-08-26/ (accessed: 30.01.2026).

[42] Асмолов К. Итоги встречи президентов РК и США // New Eastern Outlook. 06.09.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/09/06/k-itogam-vstrechi-prezidentov-rk-i-ssha/ (дата обращения: 30.01.2026).

что «если бы я согласился, то подвергся бы импичменту»[43]. Однако, как заявил обозреватель консервативного издания «Чунъан ильбо», «если бы я выключил экран и слушал только аудиозапись, я бы ошибочно подумал, что бывший президент Юн Сок Ёль встречается с президентом Д. Трампом. Преемственность позиции консервативного правительства была настолько полной, что казалось, будто я слышу один и тот же голос»[44].

На октябрьском саммите модель, при которой Д. Трамп начинает с заведомо высоких требований, повторилась. Ли Чжэ Мёну удалось за счет лести (и не только) «сбить цену», и итог переговоров был объявлен южнокорейской дипломатической победой на основании того, что не все американские требования были приняты в изначальном виде. Однако обращать внимание следует не на снижение американских тарифов на южнокорейские товары с 25 до 15%, а на то, что в обмен на этот шаг РК согласилась инвестировать в Соединенные Штаты около 350 млрд долл., включая 200 млрд долл. наличными, в течение следующих 10 лет. Кроме того, РК будет закупать у США нефть и природный газ в больших объемах, а общие инвестиции со стороны крупного корейского бизнеса превысят 600 млрд долл.

При этом закупки американского оружия на 25 млрд долл. до 2030 г. и увеличение расходов на оборону, которые подаются чуть ли не как укрепление стратегической автономии, соответствуют интересам Д. Трампа: по его мнению, РК должна больше платить в рамках двустороннего альянса. Отдельно следует отметить сюжет с разрешением Южной Корее строить подводные лодки с атомной энергетической установкой[45]. Оно не обеспечивает РК этим оружием

[43] Kim E.-y. Lee says S. Korea will stand together with U.S. in global order but needs to manage ties with China // Yonhap News Agency. 18.09.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250918003800315 (accessed: 30.01.2026).

[44] 외교는 편 가르기로 안 되는 것 자인한 민주당 [Демократическая партия признает, что дипломатия не может осуществляться путем принятия чьей-либо стороны] // Чунъан ильбо. 29.08.2025. URL: https://www.joongang.co.kr/article/25362575 (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[45] Smith J., Brunnstrom D., Pitas C. Trump says South Korea has approval to build nuclear-powered submarine // Reuters. 30.10.2025. URL: https://www.reuters.com/world/china/trump-says-south-korea-has-approval-build-nuclear-powered-submarine-2025-10-29/ (accessed: 30.01.2026).

здесь и сейчас (предполагается, что на постройку одной такой лодки уйдет около 10 лет)[46], однако РФ, КНР и КНДР уже выражают озабоченность, потому что возникает закономерный вопрос, против кого РК будет его применять. В частности, по словам представителя МИД КНР Го Цзякуня, Китай принял к сведению сложившуюся ситуацию и надеется, что Южная Корея и США добросовестно выполнят свои обязательства по нераспространению ядерного оружия и будут действовать в интересах регионального мира и стабильности, а не наоборот[47]. Американский эксперт В. Ча допускает, что в качестве реакции на стремление Южной Кореи приобрести атомные подводные лодки Китай может предпринять ответные действия, включая экономическое принуждение[48].

В итоге даже западные СМИ отмечали, что «этот саммит Южной Кореи и США можно охарактеризовать следующим образом: коммерциализация альянса и превращение мира в товар. Проблема в том, что в основе этой сделки лежало максимальное удовлетворение американских интересов, а не автономия Корейского полуострова»[49]. Российские эксперты также говорят о «попытке Вашингтона плотнее "привязать" к себе Сеул посредством укрепления экономических и технологических связей с целью склонения последнего к более активному участию в сдерживании Китая»[50]. Автор тоже считает, что, несмотря на бравурный тон южнокорейских СМИ, итоговые

[46] Lee H.-j. Seoul scores diplomatic victory as Trump gives nod to nuclear sub plan // The Korea Times. 30.10.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20251030/seoul-scores-diplomatic-victory-as-trump-gives-nod-to-nuclear-sub-plan (accessed: 30.01.2026).

[47] 特朗普批准韩华海洋造船建造核潜艇，外交部：望韩美切实履行核不扩散义务 [Трамп одобрил строительство атомной подводной лодки компанией «Hanwha Marine Shipbuilding»; МИД надеется, что Южная Корея и США добросовестно выполнят свои обязательства по нераспространению ядерного оружия] // Гуаньча. 30.10.2025. URL: https://www.guancha.cn/internation/2025_10_30_795133.shtml (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[48] Song S.-h. U.S. expert warns China could take actions against Seoul's push for nuclear-powered submarines // Yonhap News Agency. 07.11.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251107000300315 (accessed: 30.01.2026).

[49] Smith J., Brunnstrom D., Pitas C. Op. cit.

[50] Анализ ситуации: Вашингтон и Сеул достигли в Кёнджу консенсуса // Asia Risk Research Center. 04.11.2025. URL: https://asiarisk.org/novosti/548-analiz-situatsii-vashington-i-seul-dostigli-v-kjondzhu-konsensusa (дата обращения: 30.01.2026).

документы саммита говорят об усилении зависимости Сеула от Вашингтона[51].

Как следствие, консерваторы уже заявляют, что тарифное соглашение между РК и США должно быть ратифицировано Национальным собранием как документ, налагающий на страну серьезные финансовые обязательства[52], рассуждая про «исчезающие национальные интересы»[53], в то время как власти не считают это обязательным[54].

В этом контексте наиболее вероятный сценарий взаимоотношений Сеула и Вашингтона будет сводиться к тому, что президент Ли Чжэ Мён постарается не идти на конфронтацию, но всё же обеспечить себе какую-то свободу рук. Это означает, что по ключевым для США вопросам он будет на американской стороне. При этом для внутренней аудитории он вполне может использовать риторику стратегической автономии и умеренного антиамериканизма, закрывая глаза на антиамериканские или антитрамповские выступления со стороны ассоциированных негосударственных организаций[55]. В этом смысле характерна реакция Сеула на события января 2026 г. в Венесуэле: официально РК ограничилась призывами приложить усилия для ослабления напряженности в регионе, в то время как 68 депутатов-демократов приняли участие в антиамериканском выступлении[56].

[51] Асмолов К. Итоги переговоров США и РК // New Eastern Outlook. 02.12.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/12/02/itogi-peregovorov-ssha-i-rk/ (дата обращения: 30.01.2026).

[52] Kim S.-y. Editorial from Korea Joong Ang Daily on Nov. 6 // Yonhap News Agency. 06.11.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251106000800315 (accessed: 30.01.2026).

[53] Park J.-w. Vanishing national interest // The Korea Times. 06.11.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/opinion/columns/columnists/parkjungwon/20251106/vanishing-national-interest (accessed: 30.01.2026).

[54] Kim N.-y. S. Korea-U.S. agreement on investment package does not require parliamentary ratification: industry minister // Yonhap News Agency. 11.11.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251111008600320 (accessed: 30.01.2026).

[55] Woo J.-y. Student protesters denounce «unfair» trade deal with Washington // Yonhap News Agency. 30.10.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251030015200315 (accessed: 30.01.2026).

[56] Асмолов К. Конфликт в Венесуэле: взгляд с Корейского полуострова // New Eastern Outlook. 16.01.2026. URL: https://journal-neo.su/ru/2026/01/16/konflikt-v-venesuele-vzglyad-s-korejskogo-poluostrova/ (дата обращения: 30.01.2026).

Что же касается невыполнения обещаний перед избирателями, то оно будет объясняться в той же риторике, в которой при Мун Чжэ Ине аргументировалось отсутствие практических шагов в межкорейском диалоге после 2018 г.: «мы были бы рады, но нам мешают американцы, и мы ничего не можем с этим сделать»[57]. И неважно, насколько на самом деле реальны это препоны.

Важный вопрос внутри данного сценария — в каких областях Ли Чжэ Мёну придется пойти на уступки США, для того чтобы обеспечить себе определенную свободу рук на других направлениях.

Другой вариант предполагает, что, несмотря на риторику для внутреннего пользования, Ли Чжэ Мён будет более верным союзником США, чем иные президенты-демократы, и будет сдавать позиции при каждом новом столкновении с Д. Трампом. Представляется, что, почувствовав неспособность Ли Чжэ Мёна сказать Д. Трампу «нет», Вашингтон будет продолжать давить на Сеул, вынуждая пятиться назад.

Третий вариант, вероятность которого крайне мала, предполагает, что Ли Чжэ Мён действительно попытается проводить независимую политику на тех направлениях, которые могут ухудшить отношения с Вашингтоном. Однако в этом случае рассерженный Д. Трамп может отреагировать целым комплексом действий на экономическом фронте, после чего южнокорейский президент сделает шаг назад, что возвращает нас к одному из предшествующих вариантов.

Отношения РК и Японии

Определенный антияпонизм и ажиотаж вокруг исторических споров были важными элементами южнокорейского политического дискурса независимо от того, представители какого лагеря находились у власти. Однако Юн Сок Ёль радикально изменил внешнеполитический курс и попытался отказаться от антияпонизма как тренда, заявив, что сегодняшняя Япония отличается от старой и Сеулу и Токио надо не обсуждать проблемы прошлого, а строить настоящее [см. подробнее: Асмолов, Пугачёва, 2024].

В бытность оппозиционером Ли Чжэ Мён не стеснялся критиковать «прояпонский курс Юн Сок Ёля», который, по мнению

[57] UNC refutes allegations of hindering Tamiflu delivery to N. Korea // Yonhap News Agency. 03.12.2020. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20201203002800325?section=news (accessed: 30.01.2026).

демократов, поставил на паузу такой важный элемент отношений Сеула и Токио, как исторические споры или вопрос компенсации «женщинам для утешения или насильственно мобилизованным»[58]. Однако первым из мировых лидеров, с которым Ли Чжэ Мён встретился лично на полях саммита G7, был Сигэру Исиба, а затем по пути в США южнокорейский президент совершил визит в Японию, так что первым главой государства, с которым он провел полноценные переговоры, также оказался японский премьер-министр.

Во время этой встречи Ли Чжэ Мён не поднимал исторических или территориальных споров, и, в отличие от визита в США, стороны приняли первое совместное заявление за 17 лет. Они договорились возобновить взаимные государственные визиты, расширить программы рабочих отпусков и других обменов, взаимодействовать по вопросам обороны, искусственного интеллекта и экономической безопасности, а также сотрудничать в борьбе с ядерными и ракетными угрозами со стороны Северной Кореи[59].

Самым важным моментом поездки Ли Чжэ Мёна в Японию, по мнению автора, стало заявление о том, что его администрация будет соблюдать соглашения, подписанные между Южной Кореей и Японией в правление Юн Сок Ёля и Пак Кын Хе. «Народу Южной Кореи очень трудно принять это соглашение предыдущей администрации, но это обещание, данное всей нацией, поэтому нежелательно его отменять»[60]. Даже консервативные южнокорейские СМИ отметили, что «Ли не продемонстрировал намерения отказаться от дипломатических обязательств, взятых его предшественником-консерватором»[61].

Сменившая Сигэру Исиба на посту премьер-министра Японии Санаэ Такаити выступает за укрепление военного потенциала и пересмотр политики в исторических спорах с Китаем и РК, одна-

[58] Ryall J. «Pro-Japanese» smear disappointing, critics say, as Seoul and Tokyo rebuild ties with naval drills // South China Morning Post. 10.10.2022. URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3195558/pro-japanese-smear-disappointing-critics-say-seoul-and-tokyo (accessed: 30.01.2026).

[59] Lee M. Editorial from Korea Times on Aug. 25 // Yonhap News Agency. 25.08.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250825000700315 (accessed: 30.01.2026).

[60] South Korea's Lee intends to retain «comfort women» pact with Japan, paper says // Reuters. 21.08.2025. URL: https://www.reuters.com/world/china/south-koreas-lee-intends-retain-comfort-women-pact-with-japan-paper-says-2025-08-21/ (accessed: 30.01.2026).

[61] Stability over populism // The Korea Times. 25.08.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/opinion/editorial/20250825/ed-stability-over-populism (accessed: 30.01.2026).

ко ее первые контакты с южнокорейским президентом прошли без конфликта и по той же схеме, что и контакты Ли Чжэ Мёна и Сигэру Исиба[62]. Стороны подчеркивали необходимость и желание развивать сотрудничество, а болезненные темы президент Южной Кореи упомянул в весьма своеобразной манере: «В силу нашей близости и долгой истории мы порой наносим друг другу эмоциональные раны, как это делают члены семьи. Однако мы не можем ни отрицать наше соседство, ни отказываться от сотрудничества»[63].

Тем не менее не исключено, что в отношениях Сеула и Токио тоже произойдет определенный разлад, как минимум потому, что от РК будут требовать действий, соответствующих заявлениям (в том числе сворачивания антияпонской риторики и прекращения антияпонских манифестаций, связанных с темой «женщин для утешения»), а мероприятия наподобие посещения японским премьером храма Ясукуни будут вызывать раздражение в республике.

В этом контексте наиболее вероятный вариант отношений Сеула и Токио при Ли Чжэ Мёне будет предполагать попытку «усидеть на двух стульях». С одной стороны, сотрудничество в рамках треугольника «Вашингтон — Токио — Сеул» будет продолжаться, хотя его темпы будут медленнее, чем при Юн Сок Ёле, с другой стороны, это сотрудничество будет оттеняться антияпонской риторикой по «дежурным больным темам» с тем, чтобы демократический электорат не имел возможности обвинять президента в том, что он идет на уступки Токио.

Однако подобная деятельность будет носить скорее имитационный характер, будь то выражение протеста, которое Япония примет к сведению, или мероприятия, рассчитанные на внутреннюю аудиторию. Что же до болезненных проблем, то, несмотря на медиашум, де-факто они будут поставлены на паузу с тем, чтобы оставшиеся в живых «женщины для утешения» или жертвы принудительной мобилизации умерли бы естественным путем.

Второй вариант предполагает возвращение к линии Мун Чжэ Ина. Антияпонская риторика будет традиционно использоваться

[62] Yi W. Lee says «no longer worried» about S. Korea-Japan ties after summit with Takaichi // Yonhap News Agency. 01.11.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251101003900315 (accessed: 30.01.2026).

[63] Ли Чжэ Мён: РК и Япония — соседи, которые должны сотрудничать // KBS. 31.10.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83507 (дата обращения: 30.01.2026).

как способ переключения внимания масс с внутренних проблем на то, что «Токио до сих пор не извинился».

Межкорейские отношения

Одним из отличительных элементов политики Демократической партии является курс на установление диалога с КНДР, однако опыт олимпийского потепления 2018–2019 гг., в обстановке максимально возможного благоприятствования, продемонстрировал, что даже в такой ситуации в Сеуле не торопились оказывать Северу реальную помощь [см. подробнее: Асмолов, 2024а], списывая свое нежелание на помехи со стороны США, которых на самом деле не было. Наиболее яркий пример — несостоявшаяся отправка на Север 200 тыс. доз противовирусного препарата «Тамифлю»: власти РК, в том числе устами (тогда губернатора) Ли Чжэ Мёна, утверждали, что возглавляемое американцами Командование ООН (англ. United Nations Command, UNC) заблокировало движение грузовиков с лекарствами через границу. Однако 3 декабря 2021 г. UNC заявило, что отправке был дан зеленый свет, но южнокорейская сторона так ничего и не отправила[64].

Отметим и то, что некоторые проекты того времени просто имели коррупционную составляющую, которая обогащала отдельных представителей правящей партии, причем одним из фигурантов таких историй был и Ли Чжэ Мён. Примером может служить так называемое дело компании «Ssangbangwool Group» о переводе в КНДР 8 млн долл.[65], по которому бизнесмены и чиновники из окружения Ли Чжэ Мёна, непосредственно отвечавшие за перевод денег, уже получили реальные сроки[66].

Юн Сок Ёль занимал в отношении КНДР жесткую и непримиримую позицию, воспринимая северокорейский режим как реальную угрозу свободе и демократии. Все немногочисленные достижения

[64] Choi S.-h. UNC refutes allegations of hindering Tamiflu delivery to N. Korea // Yonhap News Agency. 03.12.2020. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20201203002800325?section=news (accessed: 30.01.2026).

[65] Асмолов К. В деле Ли Чжэ Мёна появился северокорейский след // New Eastern Outlook. 03.03.2023. URL: https://journal-neo.su/ru/2023/03/03/v-dele-li-chzhe-myona-poyavilsya-severokorejskij-sled/ (дата обращения: 30.01.2026).

[66] Асмолов К. Тень приговора над Ли Чжэ Мёном? // New Eastern Outlook. 15.07.2024. URL: https://journal-neo.su/ru/2024/07/15/ten-prigovora-nad-li-chzhe-myonom/ (дата обращения: 30.01.2026).

«олимпийского потепления» времен Мун Чжэ Ина, включая Межкорейское соглашение в военной сфере, которое несколько разряжало напряженность в приграничной зоне[67], при нем были обнулены[68]. Однако разработанная при нем межкорейская стратегия, хотя и предполагала окончательное освобождение Кореи только после ликвидации КНДР, делала упор на международное давление и работу с массами, а не на силовой вариант или сделку элит (доктрина воссоединения Юн Сок Ёля)[69].

Новое руководство РК предприняло ряд шагов, которые должны были бы ослабить межкорейскую напряженность и приоткрыть дверь для диалога. Во-первых, было прекращено пропагандистское вещание на северную сторону, на что северокорейцы ответили аналогично. Во-вторых, посредством нескольких законов и постановлений президент принял меры к тому, чтобы негосударственные организации, систематически запускающие пропагандистские листовки через границы, перестали это делать. В-третьих, Сеул постоянно заявляет о желании восстановить Межкорейское соглашение в военной сфере[70].

Доктрина воссоединения Юн Сок Ёля была отменена[71]. Вместо этого президент Ли Чжэ Мён регулярно ссылается на так называемые три принципа отношений с Пхеньяном: уважать северокорейский режим, не стремиться к объединению путем поглощения и не совершать враждебных действий[72]. Обращаясь в этом контексте

[67] 9.19 Inter-Korean military agreement // Namuwiki. URL: https://en.namu.wiki/w/9.19%20%EB%82%A8%EB%B6%81%EA%B5%B0%EC%82%AC%ED%95%A9%EC%9D%98 (accessed: 30.01.2026).

[68] Южная Корея полностью приостановила соглашение с КНДР в военной сфере // ТАСС. 04.06.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20984559 (дата обращения: 30.01.2026).

[69] Kim E.-j. Full text of Yoon's Liberation Day speech // Yonhap News Agency. 15.08.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240815002500315 (accessed: 30.01.2026).

[70] Defense minister nominee cites need to restore inter-Korean military pact // The Korea Times. 09.07.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/defense/20250709/defense-minister-nominee-cites-need-to-restore-inter-korean-military-pact (accessed: 30.01.2026).

[71] Правительство РК отменило «доктрину воссоединения» Юн Сок Ёля // KBS. 18.08.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=82650 (дата обращения: 30.01.2026).

[72] Ли Чжэ Мён обещает установить мир на Корейском полуострове // KBS. 19.09.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83027 (дата обращения: 30.01.2026).

к Д. Трампу, Ли Чжэ Мён заявлял, что если тот станет миротворцем (*peace-maker*) между Кореями, то тогда лидер РК будет «задавать темп».

Более того, 18 сентября 2025 г. министр по делам воссоединения Чон Дон Ён указал, что Южная Корея будет стремиться сосредоточиться на прекращении межкорейской враждебности, чтобы преобразовать «систему двух враждебных государств» в «мирное соглашение о двух государствах», назвав это переходным этапом на пути к окончательному объединению[73]. Это было довольно смелое заявление, так как оно нарушает формулировки Межкорейского базового соглашения 1991 г., которое определило отношения КНДР и РК как «особые», отличающиеся от межгосударственных[74]. К тому же ст. 3 Конституции РК указывает на то, что территория страны «распространяется на Корейский полуостров и принадлежащие ему острова»[75], ст. 4 обязует стремиться к (пусть и мирному) воссоединению на основе свободы и демократии (т. е. поглощению КНДР), а в структуре государственного управления существует так называемое Управление пяти провинций, которое формально «управляет» отторгнутыми территориями.

В то же время направленные против КНДР военные учения (вместе с США или самостоятельные) продолжают проходить по прежнему графику[76], и в целом можно отметить как определенное соперничество за межкорейские дела между МИД и Министерством объединения РК, так и то, что позиция Чон Дон Ёна существенно отличается от взглядов Чо Хёна или Ви Сон Лака[77].

[73] Lee H.-j. South Korea seeks «peaceful 2 states» approach in relations with North // The Korea Times. 18.09.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/northkorea/20250918/south-korea-seeks-peaceful-2-states-approach-in-relations-with-north (accessed: 30.01.2026).

[74] Впрочем, здесь Чон Дон Ён придерживается реалистичного подхода. Север и Юг давно являются отдельными государствами, которые в этом качестве одновременно вступили в ООН в 1991 г.

[75] Constitution of the Republic of Korea (wholly amended by Constitution No. 10, October 29, 1987) // Statute of the Republic of Korea. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=1&lang= (accessed: 30.01.2026).

[76] Асмолов К. К учениям «Ulchi Freedom Shield» // New Eastern Outlook. 02.09.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/09/02/k-ucheniyam-ulchi-freedom-shield/ (дата обращения: 30.01.2026).

[77] Асмолов К. А есть ли в РК единая межкорейская стратегия? // New Eastern Outlook. 25.10.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/10/25/a-est-li-v-rk-edinaya-mezhkorejskaya-strategiya/ (дата обращения: 30.01.2026).

Кроме того, на международной арене Ли Чжэ Мён постоянно выступает с проектами денуклеаризации КНДР, которую Пхеньян считает категорически неприемлемой[78]. В августе 2025 г. южнокорейский лидер предложил Северу трехэтапный план денуклеаризации: заморозка ядерной и ракетной программ КНДР, затем сокращение ракетно-ядерного потенциала и, наконец, полный демонтаж ядерной программы. Всё это — «сохраняя тесную координацию с США»[79].

Выступая с программной речью на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Ли Чжэ Мён представил политику в отношении Корейского полуострова, нацеленную на мирное сосуществование и совместное развитие. Таковая базируется на указанных трех принципах и носит название «инициатива E.N.D.» (англ. Exchange (обмен), Normalization (нормализация отношений), Denuclearization (денуклеаризация))[80]. Тематику «прав человека в КНДР» Сеул тоже не забывает, поддерживая соответствующие резолюции ООН[81].

Такие действия вызывают закономерную реакцию Севера. В комментариях Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) указывалось, что Ли Чжэ Мён «обнаружил свою сущность как лицемера перед лицом всего мира»[82], а на XIII сессии Верховного народного собрания КНДР четырнадцатого созыва в сентябре 2025 г. Ким Чен Ын лично заявил, что «нет смысла садиться за стол с РК», так как «по сути своей ничего не изменилось»[83]. В ответ 18 сентября того же

[78] Ядерный статус КНДР внесен в ее Конституцию, и Пхеньян постоянно заявляет о том, что ядерное разоружение страны немыслимо, а переговоры по этому поводу невозможны.

[79] Ли Чжэ Мен: Денуклеаризация КНДР пройдет в три этапа // KBS. 21.08.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=82685 (дата обращения: 30.01.2026).

[80] Демократическая РК возвращается в международное сообщество // KBS. 24.09.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83075 (дата обращения: 30.01.2026).

[81] Kim S.-y. Seoul keeps backing U.N. resolution against N. Korean human rights violations // Yonhap News Agency. 12.11.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251112004200315 (accessed: 30.01.2026).

[82] Обнаружена сущность лицемера, одержимого «бредом о денуклеаризации»: комментарии ЦТАК // Центральное телеграфное агентство Кореи. 27.08.2025. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/6b7b88b7c3b20cf8f8e07ac17c3042ba.kcmsf (дата обращения: 30.01.2026).

[83] Речь товарища Ким Чен Ына на XIII сессии ВНС КНДР четырнадцатого созыва // Центральное телеграфное агентство Кореи. 22.09.2025. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/f2c6c6e3cf5a57003e0f67cdc9789876.kcmsf (дата обращения: 30.01.2026).

года Ли Чжэ Мён подчеркнул, что продолжит предпринимать шаги по восстановлению доверия с Северной Кореей, несмотря на слабые перспективы взаимодействия: «…хотя Пхеньян отверг его мирные предложения, правительство сохранит терпение»[84].

В такой ситуации стоит задаться вопросом, что может сделать Сеул, чтобы межкорейский диалог всё-таки начался. По мнению профессора Пак Вон Гона из Университета Ихва, «возвращение к переговорам 2018 года невозможно: тогда у Ким Чен Ына был интерес к сближению, а сейчас — нет. Он сделал ставку на Россию и Китай»[85].

Однако, с точки зрения автора, РК может повторить действия Пхеньяна и признать существование на полуострове двух, пусть и враждебных, государств, отказавшись от риторики воссоединения так, как это сделала КНДР в конце 2023 — начале 2024 г. Иное дело, что для этого администрации Ли Чжэ Мёна придется пойти на комплекс действительно радикальных реформ, начав с изменения Основного закона. Пока ст. 3 и 4 Конституции существуют в нынешней формулировке, все заявления южнокорейского президента об уважении государственной системы Северной Кореи и отказе от объединения путем поглощения формально являются поводом для импичмента и обвинения в государственной измене, так как налицо прямое нарушение Конституции.

Понятно, что при нынешнем раскладе сил в парламенте никто не будет пытаться объявить президенту импичмент по этому поводу, но это ставит более интересный вопрос. Теоретически подавляющее преимущество в законодательном органе позволило бы Ли Чжэ Мёну провести подобный пакет реформ, тем более что перед выборами президент нередко заявлял о конституционной реформе в целом.

Не менее фундаментальными шагами стали бы расформирование «Управления пяти провинций» и ревизия Закона о национальной безопасности, определяющего Северную Корею не как страну, а как

[84] Kim E.-y. Lee vows to maintain measures to restore trust with N. Korea // The Korea Times. 18.09.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250918007 600315 (accessed: 30.01.2026).

[85] Анализ ситуации. Новое правительство Южной Кореи активно ищет пути сближения с Пхеньяном // Asia Risk Research Center. 13.12.2025. URL: https://asiarisk.org/novosti/532-analiz-situatsii-novoe-pravitelstvo-yuzhnoj-korei-aktivno-ishchet-puti-sblizheniya-s-pkhenyanom (дата обращения: 30.01.2026).

антигосударственную организацию[86]. Это тоже потребует одобрения парламента, так что движение в данном направлении будет важным маркером того, насколько тяга президента Ли Чжэ Мёна к межкорейскому диалогу носит реальный, а не имитационный характер.

При этом согласно результатам опроса, проведенного специалистами Корейского института национального объединения в октябре 2025 г., 51% респондентов не видят необходимости в объединении с КНДР. Число лиц, придерживающихся отрицательной позиции, впервые превысило отметку в 50%[87].

В целом можно представить несколько вариантов развития ситуации, исходя из того, что в краткосрочной перспективе Сеул будет продолжать предлагать Пхеньяну диалог.

Первый сценарий предполагает, что на фоне молчания КНДР Южная Корея какое-то время продолжит подобную активность, но затем она спадет и в лучшем случае сведется к эпизодическим церемониальным мероприятиям, в рамках которых южная сторона может заявлять общественному мнению, что она готова к диалогу, но Пхеньян не идет на контакт. Такая ситуация в целом позволит президенту Ли Чжэ Мёну не обострять отношения с традиционными союзниками и имитировать многовекторную политику.

Второй сценарий предполагает больший уровень взаимной вовлеченности. Таковой может быть связан как с более серьезными шагами Сеула, так и с ситуацией, когда на фоне попыток Д. Трампа наладить отношения с Пхеньяном РК будет пытаться оказаться в роли посредника и/или превратить двусторонний диалог в трехсторонний. В этом случае можно будет ожидать потепления, примерно аналогичного временам Мун Чжэ Ина, однако маловероятно, что это сближение пойдет дальше. Пхеньян не заинтересован в церемониальных мероприятиях, которые нацелены только на повышение внутриполитического рейтинга главы РК, а тот описанный выше комплекс мер, которые действительно могут подвинуть Пхеньян на встречные шаги, будет воспринят консервативной частью общества как неприемлемые уступки, подрывающие национальную безопас-

[86] South Korea's National Security Law (went into effect 25 February, 1988. State as of 1996. An abbreviated unofficial translation) // Hartford Web Publishing. URL: http://www.hartford-hwp.com/archives/55a/205.html (accessed: 30.01.2026).

[87] Kim J. Majority of South Koreans say unification «unnecessary» for first time: survey // NK News. 21.10.2025. URL: https://www.nknews.org/2025/10/majority-of-south-koreans-say-unification-unnecessary-for-first-time-survey/ (accessed: 30.01.2026).

ность страны. Это касается инициатив, исходящих как из Сеула, так и из Вашингтона.

Третий сценарий предполагает, что в ответ на решительное пхеньянское «нет» Сеул тоже снизит любую дружественную активность и обстановка на Корейском полуострове будет напоминать холодную войну с гонкой вооружений и взаимными обвинениями.

Четвертый сценарий, наиболее маловероятный, является ответвлением третьего. После того как в Сеуле поймут, что Пхеньян отказывается от сотрудничества всерьез и навсегда, позиция РК радикально развернется по аналогии с позицией целого ряда бывших демократических активистов, которые ушли в правый лагерь с девизом: «Мы сокрушили тоталитарную диктатуру на Юге, теперь пришло время повергнуть тоталитарную диктатуру на Севере и окончательно объединить страну».

Отношения РК и КНР

Юн Сок Ёль в отношениях с Китаем следовал в фарватере политики США, но воздерживался от прямых антикитайских действий [см. подробнее: Асмолов, 2023]. Так, РК не направила правительственную делегацию на инаугурацию президента Тайваня Лай Циндэ[88], формально подтвердив приверженность политике «единого Китая»[89]. Однако в ходе конституционного кризиса Юн Сок Ёль допустил ряд резких антикитайских высказываний, после чего представитель МИД КНР заявил, что такое развитие событий «не пойдет на пользу здоровому и стабильному развитию отношений между Китаем и РК»[90].

В этом контексте приход Ли Чжэ Мёна к власти Пекин оценил весьма оптимистично[91], отметив, что улучшение отношений между Южной Кореей и КНР является «обязательным вариантом» для

[88] Kim S.-y. S. Korea not to send gov't delegation to new Taiwanese leader's inauguration // Yonhap News Agency. 16.05.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240516008100315 (accessed: 30.01.2026).

[89] Kim H.-j. S. Korea remains unchanged on China-Taiwan issue: foreign ministry // Yonhap News Agency. 23.05.2024. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20240523008200315 (accessed: 30.01.2026).

[90] Пекин удивлен заявлением Юн Сок Ёля о «китайских шпионах» // KBS. 13.12.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79956 (дата обращения: 30.01.2026).

[91] 李在明最新涉华表态：将尽快改善中韩关系 [Последнее заявление Ли Чжэ Мёна о Китае: отношения между Китаем и Республикой Корея улуч-

нынешнего южнокорейского правительства: «Южная Корея и Китай должны тесно сотрудничать, чтобы поддерживать свободную торговлю и честную конкуренцию, что связано с устойчивым всеобщим процветанием мирового сообщества»[92]. Отмечалось и то, что премьер-министр Ким Мин Сок окончил магистратуру в китайском Университете Цинхуа, а новое руководство пока еще не критиковало Китай в тех выражениях, в каких это было при Юн Сок Ёле. Однако не следует забывать и то, что во время президентской гонки 2022 г. Ли Чжэ Мён предлагал топить китайских браконьеров[93], как только те появятся в водах РК.

Практически сразу же после инаугурации южнокорейский лидер столкнулся со сложным выбором: Китай пригласил его принять участие в церемонии празднования 80-летия окончания Второй мировой войны 3 сентября в Пекине[94]. Это вызвало серьезный ажиотаж в консервативных СМИ, где писали, что, хотя событие имеет символическое историческое значение, президенту следует отклонить приглашение: национальная идентичность Южной Кореи больше не требует подтверждения через участие в военных мероприятиях другой страны, а присутствие главы РК на китайском параде «не только противоречит стратегическим интересам Южной Кореи, но и чревато дипломатическими последствиями на фоне усиления напряженности в отношениях между США и Китаем»[95]. В результате Ли Чжэ Мён поехать не рискнул и правительственную делегацию

шатся как можно скорее] // Гуаньча. 03.07.2025. URL: https://www.guancha.cn/internation/2025_07_03_781617.shtml (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[92] 环球圆桌对话：李在明 «实用外交» 将如何推动韩中关系 [Глобальный круглый стол: как «прагматичная дипломатия» Ли Чжэ Мёна будет способствовать развитию отношений Южной Кореи и Китая] // Хуаньцю Шибао. 04.07.2025. URL: https://opinion.huanqiu.com/article/4NLjEJqP4It (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[93] «반중» 올라탄 대선후보들...이재명 «불법어선 격침» 발언까지 [Антикитайские настроения среди кандидатов в президенты растут… Ли Чжэ Мён говорит, что «незаконные рыболовецкие суда должны быть уничтожены»] // Хангёре Синмун. 10.02.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1030501.html (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[94] Пекин приглашает президента РК на праздник в сентябре // KBS. 02.07.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=82121 (дата обращения: 30.01.2026).

[95] Decline China's invitation // The Korea Times. 03.07.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/opinion/editorial/20250703/china-perplexes-south-korea-by-asking-to-attend-war-ceremony (accessed: 30.01.2026).

возглавил спикер парламента У Вон Сик, который смог обменяться приветствиями (не более) с приехавшим на парад Ким Чен Ыном, встретился с Си Цзиньпином и пригласил его на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Кёнчжу в октябре 2025 г.[96]

На этом фоне и после заявлений южнокорейского президента в Японии и США китайские авторы отметили, что «занимавший ярые антияпонские и антиамериканские позиции до вступления в должность, Ли Чжэ Мён наконец был вынужден пойти на компромисс с реальностью», однако он «упустил важную возможность переписать историю Южной Кореи»[97].

В период президентской гонки Ли Чжэ Мён заявлял, что Сеулу следует ориентироваться не только на Вашингтон, но также на КНР, АСЕАН и Европу[98], однако главным его шагом во время визита в США была декларация отказа от многовекторной политики. Выступая в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне, южнокорейский президент сказал: «Это правда, что Корея в прошлом занимала позицию “в безопасности — с США, в экономике — с Китаем”. Но мы больше не находимся в ситуации, когда такое отношение возможно. <…> Корея не может действовать или принимать решения, которые отклоняются от основного направления политики США»[99]. Говоря о взаимодействии с Китаем, Ли Чжэ Мён осторожно указал на то, что Сеулу приходится «поддерживать неизбежные отношения, вытекающие из географической

[96] Асмолов К.В. Корейское измерение событий в КНР сентября 2025 г. Часть третья: южнокорейский визит и обсуждение мероприятия в СМИ и экспертном сообществе РК // New Eastern Outlook. 13.09.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/09/13/korejskoe-izmerenie-sobytij-v-knr-sentyabrya-2025-g-chast-tretya-yuzhnokorejskij-vizit-i-obsuzhdenie-meropriyatiya-v-smi-i-ekspertnom-soobshhestve-rk/ (дата обращения: 30.01.2026).

[97] 常洛闻：李在明错失了一次改写韩国历史的重大机遇 [Чан Ловэнь: Ли Чжэ Мён упустил важную возможность переписать историю Южной Кореи] // Гуаньча. 27.08.2025. URL: https://www.guancha.cn/changluowen/2025_08_27_787892.shtml (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[98] Глава южнокорейской оппозиции Ли Чжэ Мён заявил, что стране необходимо ориентироваться не только на Вашингтон // Аргументы недели. 11.04.2023. URL: https://argumenti.ru/politics/2023/04/824769 (дата обращения: 30.01.2026).

[99] Han J.-y. S. Korea's Lee signals end to «security with US, economy with China» policy; to hike defense costs // The Korea Economic Daily. 26.08.2025. URL: https://www.kedglobal.com/business-politics/newsView/ked202508260007 (accessed: 30.01.2026).

близости». Важно, что впервые заявления такого рода были сделаны еще до визита в Вашингтон[100].

Затем последовал своего рода шаг назад: 18 сентября 2025 г. в интервью американскому еженедельнику «Time» Ли Чжэ Мён сказал: «Мы будем поддерживать Соединенные Штаты в новом мировом порядке, а также в цепочках поставок, ориентированных на США, но нам необходимо управлять нашими отношениями с Китаем таким образом, чтобы не испортить их». Иначе «Южная Корея может стать передовой линией битвы между двумя разными блоками»[101], хотя ее назначение — быть «мостом» между Вашингтоном и Пекином, чтобы предотвратить обострение отношений в новую эпоху соперничества великих держав[102]. Заметим, что такая позиция повторяет взгляды Юн Сок Ёля, который ранее тоже заявлял, что «РК не должна делать выбор между США и Китаем»[103].

Тем не менее в рамках саммита АТЭС председатель КНР после долгого перерыва посетил Южную Корею с государственным визитом, встретившись как с лидерами США и Японии, так и с президентом РК. В преддверии саммита некоторые китайские чиновники прямо говорили о том, что отношения двух стран находятся в критической точке[104], однако после саммита Ли Чжэ Мён утверждал, что встреча с Си Цзиньпином «помогла вернуть наши государства на путь взаимного процветания как стратегических партнеров»[105].

---

[100] «"안미경중" 유효기간 끝났다…이제는 "자력자강" 의 시대» [«Политика "в безопасности — с США, в экономике — с Китаем" устарела… Настала эпоха "опоры на собственные силы и самостоятельности"» // KBS. 18.08.2025. URL: https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8331792 (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[101] Ли Чжэ Мён: РК надеется стать «мостом» между США и Китаем // KBS. 18.09.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83017 (дата обращения: 30.01.2026).

[102] Kim E.-j. Lee says S. Korea will stand together with U.S. in global order but needs to manage ties with China // Yonhap News Agency. 18.09.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250918003800315 (accessed: 30.01.2026).

[103] Юн Сок Ёль: РК не должна делать выбор между США и Китаем // KBS. 19.11.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79727 (дата обращения: 30.01.2026).

[104] Yi W. China's top envoy says Seoul-Beijing ties at critical point of «either advancing or regressing» // Yonhap News Agency. 29.10.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251029006600315 (accessed: 30.01.2026).

[105] Ли Чжэ Мён: РК и Китай полностью восстановили отношения // KBS. 03.11.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83523 (дата обращения: 30.01.2026).

Стороны договорились о сотрудничестве по ряду вопросов второго плана, включая борьбу с китайскими организованными преступными группами на территории РК или продвижение К-рор в Китае, но программных заявлений сделано не было. Как успех, однако, можно трактовать то, что 3 ноября 2025 г. Пекин продлил до конца 2026 г. программу безвизового въезда для граждан 45 стран, включая Южную Корею[106].

При этом Ли Чжэ Мён затронул на саммите тему денуклеаризации Корейского полуострова и возможной помощи Китая в этом. В ответ Северная Корея в очередной раз заявила: «РК до сих пор не знает, что ее настойчивое отрицание статуса КНДР как ядерного государства и непрерывное выражение бредовой мечты об осуществлении денуклеаризации во всей наготе обнаруживают свое неразумие»[107].

В похожем ключе прошел и визит Ли Чжэ Мёна в КНР в январе 2026 г. В РК его итоги преподносили как возвращение к ситуации до 2016 г., но на деле речь шла о сотрудничестве в тех сферах, в которых это возможно, а проблемные вопросы, включая искусственные объекты КНР в Желтом море, не обсуждались.

Отдельно отметим тему антикитайских настроений в РК, которые в значительной мере определяют отношение к КНР со стороны рядовых граждан, при том что лидерами общественного мнения, использующими антикитайскую риторику, были представители не только консерваторов, но и демократов [см. подробнее: Асмолов, 2022а] и в правление Мун Чжэ Ина эта карта разыгрывалась не меньше, чем при Юн Сок Ёле. В 2025 г. такие настроения подогрела серия скандалов[108], связанных со шпионской деятельностью КНР[109]

---

[106] Lee H.-a. China extends visa-free policy for S. Koreans until end-2026 // Yonhap News Agency. 03.11.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251103011900315 (accessed: 30.01.2026).

[107] Заявление для прессы заместителя министра иностранных дел КНДР Пак Мён Хо // Центральное телеграфное агентство Кореи. 01.11.2025. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/b1562006d0c32ce20caebd4a40ea42c1.kcmsf (дата обращения: 30.01.2026).

[108] Асмолов К. Отношения Китая и Южной Кореи в 2024 г. Часть 3: Шпионские скандалы и страхи вокруг диаспоры // New Eastern Outlook. 17.12.2024. URL: https://journal-neo.su/ru/2024/12/17/otnosheniya-kitaya-i-yuzhnoj-korei-v-2024-g-chast-tretya-shpionskie-skandaly-i-strahi-vokrug-diaspory/ (дата обращения: 30.01.2026).

[109] Chae Y.-h. Chinese national sentenced to 5 years in prison for trying to obtain military secrets // Yonhap News Agency. 16.10.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251016008300315 (accessed: 30.01.2026).

и резонансными преступлениями с участием китайских граждан или этнических китайцев.

Кроме того, хотя автору сложно найти свидетельства, позволяющие объявить курс Ли Чжэ Мёна прокитайским, это утверждение весьма популярно среди его политических противников, и приметой нового времени стали регулярные антикитайские демонстрации, где требования освободить Юн Сок Ёля и «посадить Ли Чжэ Мёна!» сочетаются с лозугнгами «Китай — вон!» и обвинениями в том, что приход Ли Чжэ Мёна к власти был срежиссирован с помощью Коммунистической партии Китая.

В настоящее время антикитайские демонстрации насчитывают тысячи, а не десятки тысяч человек, однако они проходят в районах, популярных у студентов и туристов, из-за чего вызывают ажиотаж[110]. Настолько, что посол КНР в РК уже выражал по этому поводу озабоченность[111], президент Ли Чжэ Мён[112] и премьер-министр Ким Мин Сок высказывались о необходимости положить этому конец, а в преддверии визита Си Цзиньпина в Южную Корею Демократическая партия внесла в парламент законопроект, который запрещает митинги, пропагандирующие ненависть или дискриминацию[113].

Сценариев развития южнокорейско-китайских отношений в правление Ли Чжэ Мёна несколько. Первый предполагает, что РК будет оставаться в американском лагере, объясняя ограниченность своих действий давлением США, а отношения Пекина и Сеула на самом деле продолжат курс, сформировавшийся при Юн Сок Ёле:

---

[110] 개천절 서울 도심 곳곳 보수단체 집회… «차이나 아웃» 반중 행진도 [Консервативные группы проводят митинги в центре Сеула в День основания государства, включая антикитайские марши с лозунгами «Китай вон!»] // 뉴스1. 03.10.2025. URL: https://www.news1.kr/society/incident-accident/5934556 (дата обращения: 30.01.2026). (На корейском яз.)

[111] Kim H.-b. Chinese ambassador warns against rise in anti-China sentiment in S. Korea // The Korea Times. 26.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/02/120_393060.html (accessed: 30.01.2026).

[112] Президент РК призывает сурово наказывать за разжигание ненависти // KBS. 12.11.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83628 (дата обращения: 30.01.2026).

[113] Jung M.-h. Bill to curb anti-China rallies stirs debate over freedom of assembly // The Korea Times. 14.10.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20251014/bill-to-curb-anti-china-rallies-stirs-debate-over-freedom-of-assembly (accessed: 30.01.2026).

максимально медленный дрейф в сторону дальнейшего охлаждения отношений, вызываемый скорее внешне-, чем внутриполитическими факторами. В этом контексте саммит Ли Чжэ Мёна и Си Цзиньпина может быть сравним со встречей Д. Трампа и В.В. Путина на Аляске: важное событие, которое замедляет, но не прекращает конфронтационный тренд.

Второй сценарий предполагает, что Сеулу удастся обеспечить себе больший уровень стратегической автономии и действительно пытаться проводить политику хеджирования между Китаем и США. Впрочем, речь скорее идет об отказе от действий, наносящих реальный ущерб отношениям двух стран. В этом случае можно будет ожидать некоторого улучшения или как минимум стабилизации двусторонних отношений, в том числе в экономической и гуманитарной сферах. Конфронтация США и КНР будет иметь циклическую структуру, при которой периоды активного обострения будут перемежаться временами затишья.

Третий сценарий предполагает, что под давлением внешних или внутренних факторов отношения Сеула и Пекина всё-таки начнут ухудшаться с большей скоростью.

Отношения РК и РФ

В правление Юн Сок Ёля РК воспринималась в Москве как «самая дружественная из недружественных стран»[114], поскольку, несмотря на осуждение специальной военной операции (СВО) России на Украине и присоединение к санкциям Запада, Сеул не перешел «красную линию» Кремля, связанную с прямыми поставками Киеву военной техники и боеприпасов[115].

Во время президентской кампании Ли Чжэ Мён оказался единственным кандидатом, вообще упомянувшим Россию в своих заявлениях в контексте необходимости улучшения отношений с Москвой на основе прагматизма и в соответствии с национальными интересами. Для подкрепления этой риторики послом РК

[114] Приходько В. Посол в Сеуле Зиновьев: Южная Корея не желает поражения РФ на Украине // Общественная служба новостей. 19.01.2024. URL: https://regions.ru/politika/posol-zinovev-yuzhnaya-koreya-samaya-druzhestvennaya-iz-nedruzhestvennyh-rossii-stran (дата обращения: 30.01.2026).

[115] Г. Зиновьев: РК не поставляет летальное оружие Украине // KBS. 29.01.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80350 (дата обращения: 30.01.2026).

в РФ был назначен Ли Сок Пэ[116] — опытный дипломат, знающий русский язык, давно работавший в стране и настроенный к России дружественно[117].

Однако, в отличие от США, Китая или Японии, разговора первых лиц не произошло, спецпосланник в РФ направлен не был (хотя подобные миссии были осуществлены в отношении 15 других стран, включая Польшу), а первая встреча министров иностранных дел прошла кратко на полях Генассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 2025 г. и свелась к обмену позициями. Чо Хён изложил подход южнокорейской стороны к ситуации на Корейском полуострове и призвал Москву прекратить военное сотрудничество с КНДР. С.В. Лавров указал на «провокационный характер» военной активности США и их союзников в Азии, направленной против Северной Кореи. Кроме того, глава МИД РК попросил Москву создать «благоприятные условия для работы южнокорейских компаний», которые продолжают деятельность на территории России[118]. Заметим, телефонный разговор Чо Хёна с главой МИД Украины состоялся ранее[119].

3 декабря 2025 г. Ли Чжэ Мён (который ранее не выступал, в отличие от Юн Сок Ёля, с критикой СВО или в поддержку Киева), весьма четко обозначил позицию РК относительно России: «В связи с международными санкциями, наложенными на РФ из-за ее незаконного вторжения на Украину и нарушения международного права, Республика Корея также присоединилась к ним. Мы искренне желаем скорейшего завершения войны между Россией и Украиной, исходя из гуманитарных соображений и стремления к миру на планете. Мы также выражаем обеспокоенность развитием отношений между Россией и Северной Кореей, которое, с нашей точки зрения,

[116] Ли Сок Пэ повторно назначен послом РК в России // KBS. 29.10.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83472 (дата обращения: 30.01.2026).

[117] Ли Сок Пэ: Отношения между РК и Россией необходимо восстановить // KBS. 12.11.2025. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=83631 (дата обращения: 30.01.2026).

[118] Алимов Е. Сеул попросил Москву защитить интересы южнокорейских компаний в России // РБК. 27.09.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68d773939a794744cf698b5a (дата обращения: 30.01.2026).

[119] Kim H.-j. FM Cho holds phone talks with Ukrainian counterpart on bilateral ties, regional issues // Yonhap News Agency. 15.09.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250915010200320 (accessed: 30.01.2026).

движется в крайне нежелательном направлении. Республика Корея будет прилагать постоянные усилия для улучшения отношений с Россией и поддержания диалога. При наличии соответствующей необходимости и готовности мы готовы к проведению встречи, однако в текущих условиях это представляется весьма сложным»[120]. Иными словами, до урегулирования украинского конфликта диалог с Москвой будет ограничен.

Однако в какой мере ситуация действительно поменяется после окончания СВО? Общественное мнение РК воспринимает ее как некий «конфликт на краю карты», не задевающий корейцев напрямую [см. подробнее: Асмолов, Захарова, 2023]. При этом с учетом нынешнего положения дел на фронте СВО либо в целом завершится на российских условиях, либо имеет шанс перерасти в региональный конфликт большей интенсивности, если косвенная поддержка Киева со стороны ряда европейских стран превратится в прямую. В обоих вариантах это означает б*о*льшую стигматизацию России и попытку ограничить ее возможности новым уровнем санкций, к которым будет вынужден присоединиться и Сеул.

РК ставит перед собой цель к 2030 г. занять 4-е место в мире по объему рынка вооружений[121], причем одним из основных направлений экспорта является Европа. На этом направлении политика Ли Чжэ Мёна никак не отличается от курса Юн Сок Ёля, а выход на 4-е место подразумевает вытеснение с этого рынка России. Оттого возникает вопрос: если Ли Чжэ Мён руководствуется прагматичным подходом, то что будет более выгодным — сотрудничество с РФ в случае гипотетического возвращения к ситуации до начала СВО или увеличение экспорта южнокорейского оружия на новые рынки, где Москва выступает в качестве «пугала», стимулирующего спрос?

Кроме того, следует отметить, что критика СВО звучала и звучит не только из уст консерваторов: русскоязычные граждане РК, которые периодически проводят пикеты в поддержку Украины или «антивоенные митинги», по политическим убеждениям близки

[120] Асмолов К. В отношениях Москвы и Сеула поставлено многоточие // New Eastern Outlook. 30.12.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/12/30/v-otnosheniyah-moskvy-i-seula-postavleno-mnogotochie/ (дата обращения: 30.01.2026).

[121] Ли Чжэ Мён: Южная Корея стремится стать четвертым в мире экспортером оружия // ТАСС. 20.10.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25392377 (дата обращения: 30.01.2026).

к Демократической партии и активно транслируют ее нарратив на русскоязычную аудиторию[122].

Автор также вынужден констатировать, что если Ли Чжэ Мёну придется выбирать, чем он должен будет пожертвовать ради того, чтобы добиться лучшей переговорной позиции в отношениях с Вашингтоном, то российское направление оказывается наиболее вероятным. В консервативных СМИ прямо пишут, что «восстановление отношений с Россией может принести краткосрочную экономическую выгоду, но сопряжено с долгосрочными репутационными и дипломатическими рисками»[123].

Впрочем, как отметил экс-советник посольства РК в РФ Юн Чхан Ён, «если Сеул хочет сдерживать рост военного сотрудничества между Москвой и Пхеньяном, без рабочих каналов с Россией это невозможно»[124].

При этом с российской стороны двери для диалога открыты: принимая 15 января 2026 г. в Кремле верительные грамоты от Ли Сок Пэ, президент В.В. Путин выразил сожаление по поводу того, что позитивный капитал в отношениях Москвы и Сеула растрачен: «А ведь раньше, придерживаясь прагматичных подходов, наши страны добивались действительно хороших результатов в области торговли и бизнеса. Мы рассчитываем на восстановление отношений с республикой»[125].

В результате мы можем рассмотреть три сценария. В рамках первого ситуация продолжает развиваться в русле существующих трендов: Южная Корея остается в статусе «самой дружественной из недружественных стран» и, несмотря на возможные изменения в риторике и некоторые демонстративные шаги, не предпримет действий, способных существенно улучшить или ухудшить отношения с Москвой.

---

[122] Lee H.-j. Russians in Korea unite against Putin's war on Ukraine // The Korea Times. 02.03.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/society/20220301/russians-in-korea-unite-against-putins-war-on-ukraine (accessed: 30.01.2026).

[123] Chun I.-b. Things Lee should do to keep ROK-US alliance strong // The Korea Times. 13.06.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/opinion/20250613/things-lee-should-do-to-keep-rok-us-alliance-strong (accessed: 30.01.2026).

[124] Комментарий ARRC: Ли Чжэ Мён пока не дозвонился до Москвы, и это может повредить будущему связей РК и РФ…

[125] Путин: Россия надеется на восстановление отношений с РК // KBS. 16.01.2026. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=84376 (дата обращения: 30.01.2026).

Второй сценарий предполагает некоторое улучшение отношений. Значительная часть южнокорейского бизнеса получит возможность вернуться на российский рынок, гуманитарные контакты увеличатся, на значимых постах в РК появятся русофилы, хотя из-под американского зонтика Южная Корея не может выйти всё равно.

Третий сценарий — существенное ухудшение отношений между двумя странами. Это может быть вызвано как внешнеполитической повесткой, связанной с СВО или необходимостью пожертвовать российским направлением, для того чтобы сохранить свободу рук в отношении чего-то более важного (с точки зрения руководства РК), так и с внутриполитической необходимостью «ответить на сближение Пхеньяна и Москвы».

* * *

Если подводить итоги сценарного прогнозирования, то, несмотря на риторику новой южнокорейской власти, наиболее вероятное направление реальных шагов будет сводиться к сохранению существующих трендов.

Возможные изменения будут касаться формы, а не содержания, заявлений, а не поступков, отчего действия новой власти стоит воспринимать с осторожностью и некоторым пессимизмом, чтобы эффект обманутых ожиданий не оказался фактором, дополнительно усугубляющим отношения наших стран.

Итоги прогнозирования указывают на важный теоретический вопрос о внешнеполитических приоритетах РК и о том, в какой мере у нее есть независимость в принятии решений. В этом контексте отметим, что более ранние наши рассуждения о том, насколько Южная Корея реально обладает стратегической автономией [Асмолов, Соловьёв, 2021], не теряют актуальности.

Исходя из особенностей политической культуры РК, можно было предполагать резкую смену внешней политики в рамках логики фракционной борьбы. Однако президент Ли Чжэ Мён скорее продолжает курс предшественника, и это означает, что довлеющие над ним макрорегиональные внешнеполитические тренды, существенно ограничивающие его пространство для маневра, имеют большее значение. Внутриполитическая и экономическая ситуация в стране на сегодняшний день непростая, и поссориться с США означает обрести множество проблем, особенно с учетом характера президента Д. Трампа.

Задачей Ли Чжэ Мёна остается принятие решений, соответствующих «мнению народа» и культивирующих благоприятный

политический имидж, но в условиях глобальной турбулентности и дальнейшей кластеризации политического пространства РК будет продолжать двигаться в фарватере США независимо от того, является ли ее глава беспринципным популистом, на убеждения которого влияет политическая конъюнктура, или левым политиком, вынужденно принимающим решения подобного рода.

В какой мере Сеул сумеет обеспечить себе какую-то стратегическую автономию на фоне вероятного усиления противостояния США и Китая? Хотя по формальным признакам РК вполне соответствует определению средней державы, ее автономия/самостоятельность в основном проявляется вне сфер, где от Вашингтона следуют рекомендации. С учетом доминирующих трендов в политике США по ключевым для Москвы вопросам это означает, что, несмотря на декларируемое желание вовлечь Пхеньян в диалог, прогресса на этом направлении не будет, а отношения Сеула и Москвы ждет резкое или постепенное охлаждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов К.В. Изменения политики КНДР и РК в области межкорейских отношений и перспективы развития ситуации на полуострове // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 4. С. 32–44. DOI: 10.31857/s0131281224040038.

2. Асмолов К.В. Китай и государства Корейского полуострова в 2022 г. — до и после Юн Сок Ёля // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 3. С. 162–172. DOI: 10.31857/S086919080025672-6.

3. Асмолов К.В. Конституционный кризис в Республике Корея в 2024 г. Итоги парламентских выборов // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 6. С. 48–59. DOI: 10.31857/S0131281224060037.

4. Асмолов К.В. О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27, № 27. С. 254–267. DOI: 10.48647ZIFES.2022.74.22.015.

5. Асмолов К.В. Президентские выборы 2022 года в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 80–96. DOI: 10.31857/S013128120019649-4.

6. Асмолов К.В. Проблема третьей силы в современной южнокорейской политике // Современные проблемы Корейского полуострова 2022 / отв. ред. А.З. Жебин. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2022. С. 124–132.

7. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Решительность и аккуратность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 4. С. 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224.

8. Асмолов К.В., Пугачёва О.С. Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы // Японские исследования. 2024. № 3. С. 113–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132.

9. Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 49–73. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73.

10. Ахременко А.С. Сценарный метод прогнозирования политических процессов: дисс. … канд. полит. наук. М., 1999.

11. Бабаев К.В. Вторая холодная война // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. Т. 54, № 8. С. 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013.

12. Бабаев К.В. Стратегический треугольник Россия — США — КНР и будущее Северо-Восточной Азии // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 66–78. DOI: 10.48647/ICCA.2023.27.21.006.

13. Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России, 2006.

14. Carothers T. The end of the transition paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, No. 1. P. 5–21. DOI: 10.1353/JOD.2002.0003.

15. Cho J.E., Hur A. The perils of South Korean democracy // Journal of Democracy. 2025. Vol. 36, No. 2. P. 38–46. DOI: 10.1353/jod.2025.a954560.

16. Ki Y., Chung E. Party reputation, moral expectations and voting behaviour in South Korea // Millennial Asia. 2023. Vol. 16, No. 2. DOI: 10.1177/09763996231179507.

17. Merton R.K. The self-fulfilling prophecy // The Antioch Review. 1948. Vol. 8, No. 2. P. 193–210. DOI: 10.2307/4609267.

18. Nilsson-Wright J. Contested politics in South Korea. Democratic evolution, national identity and political partisanship: research paper. London: The Royal Institute of International Affairs (Chatham House), 2022. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2022-07/2022-07-28-contested-politics-south-korea-nilsson-wright.pdf (accessed: 30.01.2026).

19. Shin G.-W. South Korea's democratic decay // Journal of Democracy. 2020. Vol. 31, No. 3. P. 100–114. DOI: 10.1353/jod.2020.0048.

20. Shin H., Yang J.-w., Hahm S.D. Affective polarization in the 2022 South Korean presidential election: causes and consequences // Korea Observer. 2024. Vol. 55, No. 2. P. 273–296. DOI: 10.29152/KOIKS.2024.55.2.273.

REFERENCES

1. Asmolov, K.V. (2024a) 'Izmeneniya politiki KNDR i RK v oblasti mezhkoreiskikh otnoshenii i perspektivy razvitiya situatsii na poluostrove' [Changes in the inter-Korean policy of the DPRK and the ROK and prospects for the development

of the situation on the peninsula], *Far Eastern Studies*, (4), pp. 32–44. Available at: https://doi.org/10.31857/s0131281224040038. (In Russian.)

2. Asmolov, K.V. (2023) 'Kitai i gosudarstva Koreiskogo poluostrova v 2022 g. — do i posle Yun Sok Yolya' [China and the states of the Korean peninsula in 2022 — before and after Yoon Suk Yeol], *Vostok (Oriens)*, (3), pp. 162–172. Available at: https://doi.org/10.31857/S086919080025672-6. (In Russian.)

3. Asmolov, K.V. (2024b) 'Konstitutsionnyi krizis v Respublike Koreya v 2024 g. Itogi parlamentskikh vyborov' [The constitutional crisis in the Republic of Korea in 2024. The results of the parliamentary elections], *Far Eastern Studies*, (6), pp. 48–59. Available at: https://doi.org/10.31857/S0131281224060037. (In Russian.)

4. Asmolov, K.V. (2022a) 'O prichinakh rosta antikitaiskikh nastroenii v Yuzhnoi Koree' [On the reasons for the growth of anti-Chinese sentiment in South Korea], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 27(27), pp. 254–267. Available at: https://doi.org/10.48647ZIFES.2022.74.22.015. (In Russian.)

5. Asmolov, K.V. (2022b) 'Prezidentskie vybory 2022 goda v Respublike Koreya' [Presidential elections-2022 in the Republic of Korea], *Far Eastern Studies*, (2), pp. 80–96. Available at: https://doi.org/10.31857/S013128120019649-4. (In Russian.)

6. Asmolov, K.V. (2022c) 'Problema tret'ei sily v sovremennoi yuzhnokoreiskoi politike' [The problem of a third force in South Korean politics], in A.Z. Zhebin (ed.) *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova 2022* [Korean peninsula: current issues, 2022]. Moscow: Institut Kitaya i sovremennoi Azii RAN Publ., pp. 124–132. (In Russian.)

7. Asmolov, K.V. and Zakharova, L.V. (2023) 'Reshitel'nost' i akkuratnost'' [Determination and diligence], *Russia in Global Affairs*, 21(4), pp. 203–224. Available at: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224. (In Russian.)

8. Asmolov, K.V. and Pugacheva, O.S. (2024) 'Politika Yun Sok Yolya v otnoshenii Yaponii: prichiny izmeneniya podkhoda i perspektivy' [Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: reasons for changing approach and prospects], *Japanese Studies in Russia*, (3), pp. 113–132. Available at: https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-113-132. (In Russian.)

9. Asmolov, K.V. and Solov'ev, A.V. (2021) 'Strategicheskaya avtonomiya Respubliki Koreya: intellektual'naya khimera ili politicheskaya real'nost'?' [Strategic autonomy for ROK: intellectual pipe dream or political reality?], *Journal of International Analytics*, 12(2), pp. 49–73. Available at: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73. (In Russian.)

10. Ahremenko, A.S. (1999) *Stsenarnyi metod prognozirovaniya politicheskikh protsessov* [Scenario method of forecasting political processes]. PhD thesis. Moscow. (In Russian).

11. Babaev, K.V. (2024) 'Vtoraya kholodnaya voina' [Cold War II], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 54(8), pp. 5–15. Available at: https://doi.org/10.31857/S2686673024080013. (In Russian.)

12. Babaev, K.V. (2023) 'Strategicheskii treugol'nik Rossiya — SSHA — KNR i budushchee Severo-Vostochnoi Azii' [Strategic triangle Russia — USA — China and the future of Northeast Asia], *Koreanology*, (4), pp. 66–78. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.27.21.006. (In Russian.)

13. Primakov, E.M. and Khrustalev, M.A. (2006) *Situatsionnye analizy. Metodika provedeniya. Ocherki tekushchei politiki. Vyp. 1* [Methodology of situation analyses: essays on current politics. Iss. 1]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, MGIMO MID Rossii Publ. (In Russian.)

14. Carothers, T. (2002) 'The end of the transition paradigm', *Journal of Democracy*, 13(1), pp. 5–21. Available at: https://doi.org/10.1353/JOD.2002.0003.

15. Cho, J.E. and Hur, A. (2025) 'The perils of South Korean democracy', *Journal of Democracy*, 36(2), pp. 38–46. Available at: https://doi.org/10.1353/jod.2025.a954560.

16. Ki, Y. and Chung, E. (2023) 'Party reputation, moral expectations and voting behaviour in South Korea', *Millennial Asia*, 16(2). Available at: https://doi.org/10.1177/09763996231179507.

17. Merton, R.K. (1948) 'The self-fulfilling prophecy', *The Antioch Review*, 8(2), pp. 193–210. Available at: https://doi.org/10.2307/4609267.

18. Nilsson-Wright, J. (2022) *Contested politics in South Korea. Democratic evolution, national identity and political partisanship*. Research paper. London: The Royal Institute of International Affairs (Chatham House). Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2022-07/2022-07-28-contested-politics-south-korea-nilsson-wright.pdf (Accessed: 30 January 2026).

19. Shin, G.-W. (2020) 'South Korea's democratic decay', *Journal of Democracy*, 31(3), pp. 100–114. Available at: https://doi.org/10.1353/jod.2020.0048.

20. Shin, H., Yang, J.-w. and Hahm, S.D. (2024) 'Affective polarization in the 2022 South Korean presidential election: causes and consequences', *Korea Observer*, 55(2), pp. 273–296. Available at: https://doi.org/10.29152/KOIKS.2024.55.2.273.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025;
одобрена после рецензирования 19.01.2026;
принята к публикации 07.03.2026

The paper was submitted 10.07.2025;
approved after reviewing 19.01.2026;
accepted for publication 07.03.2026

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-231-248

Рецензия / Book review

А.А. Кокошин*

ОБ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

*Размышления и комментарии к книге «Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая» (под ред. К.В. Бабаева)***

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

В центре внимания автора данной рецензии находится новая коллективная монография под редакцией директора Института Китая и современной Азии РАН К.В. Бабаева, увидевшая свет в 2025 г. Рецензент, опираясь на собственный опыт практической работы в области укрепления российско-китайских отношений в качестве первого заместителя министра обороны РФ, позднее — государственного военного инспектора — секретаря Совета обороны РФ, затем — секретаря Совета безопасности РФ, дает оценку тем выводам и наблюдениям, к которым пришли авторы рассматриваемой монографии. Отмечается, что, хотя в фокусе внимания авторского коллектива находятся прежде всего вопросы, связанные с изучением особенностей современной идеологии КНР, в действительности содержание рецензируемого труда шире и охватывает также проблемы развития китайской государственно-правовой системы, экономической

* *Кокошин Андрей Афанасьевич* — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, член Президиума РАН, директор Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0009-0740-6509).

** Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая / под ред. К.В. Бабаева. М.: ИКСА РАН, 2025.

© Кокошин А.А., 2026

политики этой страны, ее внешнеполитического курса, военного строительства. Особое внимание в книге уделяется деятельности генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина. Что касается собственно оценок современной идеологии Китая, то рецензент обращает внимание на такую отмеченную авторами ее особенность, как творческое сочетание традиционных норм (восходящих к идеям Конфуция), положений марксизма-ленинизма и самых современных модернизационных идей, связанных во многом с массовым и многоплановым внедрением новейших технологий и экологизацией жизни. Как следствие, высокая степень идеологизированности Китая сочетается с ярко выраженной предметностью и прагматичностью курса его партийно-государственного руководства в экономической, социальной, научно-технической и военной сферах, что позволяет избежать догматизации идеологической политики КНР. Рецензент заключает, что в условиях активного развития российско-китайских отношений познание Китая некитаистами — крупная задача и для научного сообщества, и для политиков-практиков, и для российского общества в целом. В этом контексте данная книга не только представляет большой интерес для профессионалов-международников, но и может быть рекомендована самому широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Китай, КНР, Си Цзиньпин, российско-китайские отношения, инициатива «Пояс и путь», сообщество единой судьбы человечества, социализм с китайской спецификой, политическая идеология, стратегическая культура

Для цитирования: Кокошин А.А. Об идеологии и политической практике современного Китая. Размышления и комментарии к книге «Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая» (под ред. К.В. Бабаева) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 231–248. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-231-248.

Andrei A. Kokoshin

ON THE IDEOLOGY AND POLITICAL PRACTICE OF CONTEMPORARY CHINA

Book review of 'Contemporary Chinese ideology. Xi Jinping's thought as the foundation of China's policy' (ed. by K.V. Babaev)

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

HSE University
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia, 101000

This review focuses on a new collective monograph published in 2025 and edited by Kirill V. Babaev, Director of the Institute of China and Contempo-

rary Asia of the Russian Academy of Sciences. Drawing from his own practical experience in fostering Sino-Russian relations during his tenure as the First Deputy Minister of Defense of the Russian Federation, later as the State Military Inspector — Secretary of the Defense Council, and then as the Secretary of the Security Council of the Russian Federation, the reviewer assesses the findings and observations reached by the authors of the given monograph. The reviewer emphasizes that, while the contributors focus on the specific features of the contemporary Chinese ideology, their work in fact encompasses a broader scope of issues, including the development of the PRC's state and legal system, its economic and foreign policies, and military posture. The authors pay special attention to the activities of the General Secretary of the CPC Central Committee, Chinese President Xi Jinping. As for the actual assessments of China's modern ideology, the reviewer notes that, according to the authors, it represents a creative blend of traditional norms (rooted in the ideas of Confucius), the tenets of Marxism-Leninism and the latest modernization concepts, particularly those related to the extensive and multifaceted introduction of advanced technologies and sustainability practices. Consequently, the PRC's state and party leadership combines a high level of ideologization with a distinctly pragmatic approach in the economic, social, scientific, technical, and military spheres, thus preventing the dogmatization of the country's ideological policy. The reviewer concludes that, in the context of the active development of Russian-Chinese relations, the promotion of a better understanding of China among non-Sinologists is a major task for the scientific community, for political practitioners, and for Russian society as a whole. In this regard, the book is of great interest not only to the IR experts, but to a wide range of readers.

Keywords: China, PRC, Xi Jinping, Sino-Russian relations, Belt and Road Initiative, community of common destiny for mankind, socialism with Chinese characteristics, political ideology, strategic culture

About the author: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Director of the Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0009-0740-6509).

For citation: Kokoshin, A.A. (2026) 'On the ideology and political practice of contemporary China. Book review of 'Contemporary Chinese ideology. Xi Jinping's thought as the foundation of China's policy' (ed. by K.V. Babaev)', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 231–248. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-231-248. (In Russian.)

Мне довелось много раз побывать в КНР, начиная с середины 1980-х гг., наблюдать шаг за шагом уверенное поступательное развитие этого азиатского гиганта, страны и народа с исключительно впечатляющей, во многом уникальной цивилизационной историей. Это было связано с моей практической деятельностью по развитию отношений России с КНР, особенно в бытность первым заместителем министра обороны РФ, позднее — государственным военным инспектором — секретарем Совета обороны, затем — секретарем Совета безопасности РФ. Посещая различные промышленные и военные объекты, научные центры, исторические достопримечательности во многих провинциях и городах Китая, я много общался с руководителями высшего и среднего ранга. В ходе практического взаимодействия с китайскими партнерами и друзьями удавалось знакомиться с основами государственно-политического устройства КНР, со стилем поведения китайцев в разных ситуациях. Эти десятилетия для меня во многом стали процессом познания Китая некитаистом. В этом процессе очень большую роль сыграли замечательные отечественные синологи — как практики-дипломаты, так и ученые — И.А. Рогачёв, С.С. Разов, А.Н. Мельников, Л.П. Делюсин, М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, А.И. Денисов, В.Б. Кашин и др.

Благодаря им, а также опоре на самые разные данные и собственные наблюдения уже в 1990-е гг. открылась возможность достаточно уверенно спрогнозировать усиление роли Китая в мировой политике и мировой экономике. Это предвидение помогало мне и моим коллегам из различных силовых структур (включая таких начальников Генштаба Вооруженных сил РФ, как генералы армии В.П. Дубынин, М.П. Колесников, А.В. Квашнин) составить «геополитическую картину мира», отличную от той, которая доминировала, в частности, в российском МИДе до прихода туда Е.М. Примакова. Замечу, что видное место в нашей «геополитической картине мира» занимал и другой азиатский гигант — Индия, а также проблемы взаимодействия в треугольнике Россия — Индия — Китай.

За несколько десятилетий реформ Китайская Народная Республика добилась экстраординарных достижений в своем экономическом, социальном, научно-технологическом и культурном развитии. Анализ причин таких успехов Китая требует пристального внимания отечественных ученых и экспертов.

Вместе с тем, хотя на протяжении длительного времени китайская экономика росла очень быстро, в последние годы темпы ее роста

ожидаемо сократились. В.Б. Кашин в своей статье «Китай: наполовину запланированный кризис» обратил внимание читателей на то, что «долгосрочная тенденция к замедлению роста прогнозировалась китайскими экономистами более десятилетия назад». Она связана «с объективными факторами: исчерпанием эффекта низкой базы и выходом Китая на новые показатели душевого ВВП (а он в постоянных ценах вырос между 1990 и 2023 гг. в 13,5 раза), демографическим спадом, удорожанием ресурсов». «Высокая достоверность прогнозов близких к правительству китайских экономистов <…> — довод в пользу того, что китайские власти реалистично оценивают ситуацию и сохраняют способность ею управлять». Макроэкономические прогнозы, по мнению В.Б. Кашина, «были заложены в основу китайского планирования длительное время назад и остаются близкими к реальности»[1]. Перед КНР стоят также крупные вызовы социально-демографического плана: это и сокращение численности населения, и его старение, чреватое в том числе замедлением темпов экономического роста Китая[2], и сохранение значительного социально-экономического неравенства. На решение этих проблем в последнее время направлены огромные усилия партийно-государственного руководства КНР[3].

Так или иначе, новый уровень экономики, промышленности, науки и технологий в Китае позволил ему в последние 12–15 лет всё активнее наращивать свою военную мощь, включая стратегические ядерные силы и средства. Можно говорить о том, что страна находится на пороге превращения в сверхдержаву и по ракетно-ядерному параметру. Многие экспертные оценки позволяют заключить, что с технологической и финансово-экономической точек зрения КНР к этому готова. В результате такого развития может радикально измениться глобальный политико-военный и военно-стратегический ландшафт[4]. Пекин наглядно опровергает тезисы тех авторов, которые неоднократно заявляли о неспособности китайцев к креативной

[1] Кашин В.Б. Китай: наполовину запланированный кризис // Коммерсантъ. 18.04.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6618396 (дата обращения: 20.02.2026).

[2] См. подробнее: Бабаев К.В. Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 55–65.

[3] См. подробнее: Русанова Н.Е., Ван Е. Особенности нового китайского пронатализма // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 4. С. 39–51.

[4] Кокошин А.А., Кокошина З.А. О контурах формирующейся новой центросиловой структуры системы мировой политики. М.: ЛЕНАНД, 2025. С. 34.

деятельности в сфере науки и технологий, о наращивании Китаем своего экономического потенциала только за счет научно-технологических заимствований. Такие заимствования сыграли, безусловно, огромную роль, но они во всё большей степени сменяются собственными китайскими исследованиями и разработками.

Заметно возросла в последние 10–15 лет и внешнеполитическая активность КНР. Нельзя не отметить особое значение китайско-российских отношений, развивающихся по восходящей. Как писал президент России В.В. Путин в своем поздравлении китайскому лидеру Си Цзиньпину в связи с 76-й годовщиной образования КНР, «российско-китайские отношения находятся на беспрецедентно высоком уровне»[5]. Что касается США, то руководство КНР уверенно демонстрирует готовность противостоять их враждебной политике. При этом в Пекине (и в Вашингтоне) осознают высокий уровень взаимосвязанности экономик обеих стран, в том числе за счет взаимного участия в глобальных цепочках добавленной стоимости. Отражением этого понимания может служить заявление Си Цзиньпина по результатам его встречи с президентом США Д. Трампом в Республике Корея 30 сентября 2025 г.: «Перед лицом ветров, волн и вызовов мы должны держать правильный курс, прокладывать путь через сложный ландшафт и обеспечивать уверенное продвижение вперед гигантского корабля китайско-американских отношений»[6].

Среди причин грандиозного успеха КНР в модернизации (с обеспечением высокого уровня внутренней социально-политической устойчивости) — специфическая идеология, предполагающая установку китайского руководства на социально-экономическое обновление в сочетании с опорой на традиционные для страны ценности, в первую очередь отраженные в конфуцианстве. Один из крупнейших отечественных китаистов Л.С. Переломов писал, что со времен Дэн Сяопина на протяжении десятилетий в Китае последовательно ведется «построение конфуцианского социализма»[7] (современное

[5] Путин отметил беспрецедентно высокий уровень российско-китайских отношений // РИА Новости. 01.10.2025. URL: https://ria.ru/20251001/knr-2045559334.html (дата обращения: 20.02.2026).

[6] Си Цзиньпин призвал к уверенному продвижению вперед гигантского корабля китайско-американских отношений // Женьминь Жибао. 30.10.2025. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2025/1030/c31520-20384053.html (дата обращения: 20.02.2026).

[7] См. подробнее: Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI в.). М.: Стилсервис, 2009. С. 494–502.

китайское руководство использует термин «социализм с китайской спецификой»), который предусматривает наличие в стране динамично развивающейся рыночной экономики с огромным числом частных компаний, но с весьма значительной ролью государства. Одновременно придается большое значение и укреплению «стержневых социалистических ценностей» как делу, призванному продвигать «традиции и моральные ценности Китая»[8]. Концепция основных ценностей социализма, как следует из слов Си Цзиньпина, довольно широка и включает «могущество, демократию, цивилизацию, гармонию, свободу, равенство, справедливость, правопорядок, патриотизм, любовь к своей работе, честность и дружелюбие»[9].

История Китая последних 10–15 лет (это в том числе очень рельефно показано в монографии «Современная идеология КНР…») убедительно говорит о том, что он стал одним из наиболее идеологизированных государств и обществ в мире.

Рост идеологического фактора во всех сферах жизни страны влияет и на ее отношения со многими государствами, особенно с США. Как отмечал бывший посол России в КНР, один из ведущих отечественных китаистов А.И. Денисов, в последние годы «противостояние между Вашингтоном и Пекином сместилось в политическую и идеологическую плоскость»[10]. Могу заметить, что роль идеологического фактора во взаимоотношениях КНР — Соединенные Штаты я в свое время недооценил[11].

Вместе с тем высокая степень идеологизированности Китая сочетается с ярко выраженной предметностью и прагматичностью курса его партийно-государственного руководства в экономической, социальной, научно-технической и военной сферах. Многие отечественные и зарубежные специалисты отмечают, что столь высокий уровень идеологизации жизни в КНР в первой трети XXI в. не ведет к догматизации, в частности, экономической политики, что в свое время, к сожалению, имело место в СССР и других странах социалистического содружества. Развитие политической и идеоло-

[8] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 227.

[9] Там же. С. 251.

[10] Денисов А.И. Особенности современной американо-китайской стратегической конкуренции // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1. С. 36.

[11] См. подробнее: Кокошин А.А. К прогнозированию отношений КНР и США // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6 (147). С. 71–78.

гической жизни в Китае давно уже опрокинуло имевшиеся у многих политиков и экспертов на Западе надежды на перерождение страны под влиянием динамично развивавшейся рыночной экономики, появления большого числа частных предпринимателей, многочисленного среднего класса.

Именно детальному и разностороннему анализу роли идеологического фактора в развитии КНР и посвящена крайне актуальная и выполненная на высоком профессиональном уровне коллективная монография Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН. Сразу же можно отметить сильный состав ее авторов и удачную структуру труда. Авторский коллектив и структура рассматриваемой коллективной монографии выглядят следующим образом: К.В. Бабаев («Идеи Си Цзиньпина и их значение для современного Китая, России и международных отношений»), А.Н. Карнеев («Идейные течения и общественная мысль в эпоху Си Цзиньпина»), П.В. Трощинский («Правовая идеология Си Цзиньпина: управление государством на основе закона»), В.Е. Петровский («Научное изучение идей Си Цзиньпина в сфере внешней политики и международной безопасности»), И.Ю. Зуенко («Тенденции развития внешнеполитической идеологии в период правления Си Цзиньпина»), В.Б. Кашин («Идеи Си Цзиньпина о военном строительстве»), О.Н. Борох («Идеологическая трактовка экономической политики КПК»), И.Г. Чубаров («Идеологические основы современной региональной политики КНР»), А.В. Ломанов («Идеология КПК в области культуры»), Д.А. Смирнов («Идеологическая платформа КПК, ее формирование и инструменты реализации»). Это весьма впечатляющая группа отечественных ученых и специалистов в данной области.

Масштабную идеологизацию (скорее реидеологизацию) практически всех сторон жизни в КНР многие отечественные авторы связывают с еще большим акцентированием роли Коммунистической партии Китая (КПК), а также с деятельностью генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина (являющегося также председателем такого исключительно важного органа государственного управления, как Центральный военный совет (ЦВС) КНР, о котором речь пойдет дальше). В этом отношении совершенно справедливой представляется оценка директора ИКСА РАН К.В. Бабаева, который в открывающей данный труд главе отмечает: «Эпоха Си Цзиньпина символизирует особый этап истории Китая. Впервые за многие десятилетия страна активно выходит на мировой уровень, опираясь на

всю мощь своей экономики и древней культуры» (с. 10). Замечу, что наличие богатой и древней национальной культуры, насчитывающей несколько тысячелетий, действительно является для современного Китая одним из важнейших факторов его столь впечатляющего возвышения. Этот фактор нередко недоучитывают многие современники. Представляется, что данный вопрос требует еще более углубленной проработки в актуальной отечественной синологии.

Далее К.В. Бабаев пишет: «Никогда еще КНР не играла такой активной роли в мировой повестке, в урегулировании глобальных и региональных кризисов по всему миру, в формировании новой модели международных отношений. С именем Си Цзиньпина ассоциируется новый Китай — претендующий на глобальное лидерство в разных сферах: от высоких технологий до спорта и современного искусства» (с. 10).

С точки зрения изучения идейных течений и общественной мысли КНР большой интерес представляет и глава за авторством А.Н. Карнеева, в которой рельефно показано, что современные идейно-политические воззрения китайцев тесно связаны с гигантскими достижениями страны в экономике, социальной сфере, науке и технологиях.

А.Н. Карнеев пишет, что «[е]ще недавно Китай смотрел на развитые страны как на пример для подражания, однако стремительный процесс возвращения экономического могущества страны трансформировал это восприятие» (с. 37). По его словам, «[в]ыросло новое поколение китайцев, которые в отличие от их предшественников (вплоть до начала второго десятилетия XXI века) уже не испытывают пиетета к Западу и зависимости от западной системы ценностей» (с. 37). При этом, как справедливо отмечает А.Н. Карнеев, «Запад из примера для подражания постепенно превратился в прямого конкурента, конфликты с которым становились все более частыми и напряженными» (с. 41).

Соответственно, по словам А.Н. Карнеева, «[п]розападные и либеральные течения общественной мысли (неолиберализм, универсальные ценности, исторический нигилизм, конституционализм, социал-демократия) постепенно маргинализуются, а доминировать начинают националистические, популистские, левопатриотические, антиглобалистские, культурно-консервативные, экологические течения» (с. 35). При этом исследователь замечает, что власть в Китае с осторожностью воспринимает ура-патриотические настроения, выразители которых не раз вызывали раздражение у сил, озабочен-

ных правами собственности, инвестиционным климатом, развитием частного сектора экономики (с. 44–45). А.Н. Карнеев также указывает, что «не стоит абсолютизировать уход в тень либеральных течений мысли» (с. 35). Комментируя эти тенденции, К.В. Бабаев в своей главе тоже обращает внимание на то обстоятельство, что «государство довольно сильно озабочено» радикализацией националистических настроений и идей в Китае (с. 15). Популярность в стране набирает так называемое национальное учение, которое сосредоточено на обращении к многовековым классическим текстам, на возрождении древней культуры, традиционных конфуцианских ценностей. И это встречает благосклонное отношение со стороны руководства КНР (с. 41).

Целый ряд важнейших вопросов функционирования современной системы государственного управления в Китае в целом, а также роли в ней КПК рассмотрены в главе П.В. Трощинского, посвященной правовой идеологии Си Цзиньпина. Эта тема заслуживает большого внимания, в том числе в прикладном плане, в свете развития особых партнерских отношений РФ и КНР на самых разных уровнях.

Весьма важным для понимания специфики китайского государственного управления представляется суждение П.В. Трощинского о том, что «[и]деологический подход Си Цзиньпина к закону сочетает в себе легистское и конфуцианское правопонимание» (с. 52). Как поясняет исследователь, «первое характеризуется суровой юридической ответственностью за нарушение действующих правовых предписаний <…>; второе — стимулированием граждан к досудебному решению споров, к отказу от нарушений закона по моральным принципам, а не из-за страха перед наказанием» (с. 52). Развивая мысль о значении двух этих течений мысли в Китае (уходящих корнями глубоко в древность), П.В. Трощинский поясняет: «…легисты выступали за приоритет закона (под которым ими понимается лишь санкция/наказание) над моралью, конфуцианство, напротив, считает, что естественное право выше писанного права», при этом «идеи Си Цзиньпина сочетают оба подхода к правопониманию и реализации закона на практике» (с. 61). Здесь нельзя не вспомнить, что в истории Китая легисты и конфуцианцы нередко находились в глубоко антагонистических отношениях.

Говоря о роли конфуцианства в идеологии государственного управления в КНР, П.В. Трощинский пишет: «“Управление государством используя добродетель” — очень широкое понятие, своими истоками уходящее в конфуцианство. <…> Одним из главных его элементов

выступает личный пример правителя…» (с. 83). Далее исследователь указывает на следующее обстоятельство: «Развивая мысль Конфуция, Си Цзиньпин призывает: <…> Только в этом случае, при сочетании закона с добродетелью возможно достичь успеха в построении гармоничного и процветающего государства» (с. 84). Автор делает также важное замечание о влиянии на систему государственного управления в КНР марксистской традиции, что нашло отражение в скептическом отношении современного китайского руководства «к идее правового государства в западном понимании» (с. 62).

Далее он пишет: «…главное заключается в том, что закон при Си Цзиньпине рассматривается как важный инструментарий для защиты интересов общества и индивида от злоупотреблений власти» (с. 52). Развивая этот тезис, П.В. Трощинский указывает: «Си Цзиньпин видит основную проблему в сфере государственного управления в том, что работники партийных и государственных органов не служат народу, а решают свои личные вопросы» (с. 69). Одним из крупнейших вызовов современной общественной жизни Китая, его системе государственного управления является коррупция, борьбу с которой Си Цзиньпин и его соратники ведут последовательно и в широких масштабах. «Борьба с коррупцией и злоупотреблениями служебным положением превратилась в Китае в практический маркер воплощения принципа равенства всех перед законом», пишет в этой связи П.В. Трощинский (с. 75).

Исследователь отмечает, что в ходе такой борьбы «к уголовной ответственности вплоть до смертной казни привлекаются деятели, которые занимают самые высокие посты в государстве» (с. 76). При Си Цзиньпине приговоры были вынесены в отношении члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнкана, членов Политбюро ЦК КПК Бо Силая и Сюй Цайхоу (с. 76). К этому следует добавить, что в число тех, кто оказался в 2025 г. среди такого рода обвиняемых, попал член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя ЦВС КНР (т. е. заместитель по военной линии самого Си Цзиньпина, являющегося, как было отмечено, и председателем ЦВС) генерал-полковник Хэ Вэйдун — с большой группой других военачальников высокого ранга. Все они были исключены из КПК и Народно-освободительной армии Китая (НОАК)[12].

[12] Ремчуков К. К итогам завершившегося в Пекине 4-го пленума ЦК КПК 20-го созыва // Независимая газета. 29.10.2025. URL: https://www.ng.ru/monitoring/2025-10-29/7_9370_monitoring.html (дата обращения: 20.02.2026).

Значительный интерес с практической точки зрения представляет анализ идеологических аспектов внешней политики КНР, проведенный И.Ю. Зуенко. Автор пишет, что «на внешнеполитическую идеологию Китая влияет устойчивое представление о Китае как о великой цивилизации, которая должна быть региональным лидером и одним из центров мирового устройства (причем не благодаря силе, а благодаря историческим цивилизационным достижениям)» (с. 125). И.Ю. Зуенко подчеркивает: «Мы видим, что Китай официально провозглашает заинтересованность в сломе американской гегемонии, но не с целью занять место США в качестве мирового гегемона» (с. 142).

Этот исследователь также отмечает, что на китайскую внешнеполитическую идеологию «продолжают влиять традиции, связанные с наличием в древнем и средневековом Китае концепций этноцентризма, вассально-даннических отношений с соседями и возможности успешного мирного соразвития большого числа стран в китаецентричной экономической и культурной системе» (с. 125). Автор указывает и на то, что «устойчивым (особенно для нынешнего этапа) является представление о цивилизационном кризисе XIX–XX веков как о периоде внешнего давления на Китай, итогом которого стало “столетие унижений”» (с. 125).

Отмечается, что важной частью китайской идеологии и практики на международной арене выступает инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), которую «следует считать составной частью сообщества единой судьбы человечества, ее практическим инструментом» (с. 137). И.Ю. Зуенко говорит о том, что содержание ОПОП не связано исключительно с развитием транспортной инфраструктуры. Исследователь к этому добавляет: «Более того, инициатива не имеет каких-либо географических и отраслевых рамок. Она носит универсальный характер и, что особенно важно, выходит за пределы чисто экономического понимания, затрагивая сферу идеалов и ценностей» (с. 137).

В.Б. Кашин, рассматривая роль военных аспектов в современной идеологии КНР, обращает внимание на то, что «[п]ервое поколение китайских лидеров во главе с Мао Цзэдуном, пришедшее к власти в результате продолжительной гражданской войны, придавало первостепенное значение военным аспектам идеологической платформы КПК» (с. 150). Он пишет о том, что несколько произведений Мао Цзэдуна «были напрямую посвящены вопросам военной стратегии и военной политики» (с. 150).

Среди этих работ, изданных в свое время на русском языке в СССР, я мог бы отметить «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (1936)[13], «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (1938)[14], «О затяжной войне» (1938)[15], «Война и вопросы стратегии» (1938)[16]. Мао Цзэдун в этих трудах проявил себя как самостоятельный военный мыслитель. Его идеи по военным вопросам (с учетом, разумеется, нового исторического контекста) остаются предметом изучения китайских военачальников и политработников. В этом мне довелось неоднократно убедиться, общаясь с китайскими партнерами и друзьями.

В.Б. Кашин далее отмечает: «Постепенное снижение значимости военных аспектов в идеологии КПК прослеживается с 1980-х гг. и явно проявляется в 1990-е и 2000-е гг.» (с. 150). Соответственно «[к]лючевые идеологические концепции Цзян Цзэминя ("Теория трех представительств") и Ху Цзиньтао ("Концепция научного развития") практически не затрагивали вопросы военного строительства» (с. 151). Что же касается правления Си Цзиньпина, то оно, по словам В.Б. Кашина, «ознаменовалось возвращением военной тематики на одно из центральных мест в китайской партийной идеологии» (с. 151), и это нашло отражение в том числе в Уставе КПК, в котором теперь говорится о сильной армии как об одном из элементов идеологии страны (с. 155–156).

В Пекине, как пишет В.Б. Кашин, подчеркивают, что «[а]бсолютное руководство партии над народной армией является основой ее создания и душой ее укрепления» (с. 160). Основаниями для военной идеологии Си Цзиньпина служат «марксистско-ленинская философия, богатый военно-исторический опыт КПК и КНР, а также военно-теоретическое наследие традиционного Китая» (с. 167). В.Б. Кашин пишет о том, что «лидер КНР активно цитирует классические китайские труды по вопросам стратегии, в частности работы Сунь Цзы, У Цзы и другие классические произведения» (с. 157).

В 2023 г. В.Б. Кашин проанализировал комплексную программу развития НОАК до 2027 г., утвержденную высшим руководством КНР (некоторые особенности китайских военных реформ были

[13] Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения / пер. с кит. Т. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. С. 305–430.

[14] Там же. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 127–190.

[15] Там же. С. 191–338.

[16] Там же. С. 377–406.

в свое время также рассмотрены мной в ряде специальных работ)[17]. Эта программа получила название «Цели столетней борьбы в сфере военного строительства», или «Цели 2027 года» (подразумевался предстоящий столетний юбилей образования НОАК). В числе приоритетов программы выделяется «[о]дновременное ускорение механизации, информатизации и внедрения искусственного интеллекта в войска»[18]. Указывается, что механизация китайских вооруженных сил уже в основном завершена, информатизация получила значительное развитие, а на первый план выходит задача внедрения искусственного интеллекта, что соответствует общемировым тенденциям развития военного дела[19].

В.Б. Кашин не раз в своих публикациях обоснованно обращал внимание на уникальную систему ЦВС КНР, возглавляемого председателем КНР (с наличием параллельного партийного органа — Военного совета ЦК КПК, возглавляемого генеральным секретарем ЦК КПК). Вопрос о роли ЦВС в системе стратегического управления (руководства) КНР действительно представляет большой интерес и в практическом, и в научно-исследовательском плане. Мне довелось много раз встречаться с его заместителями председателя, являвшимися членами Политбюро ЦК КПК и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

В.Б. Кашин подчеркивает, что «Си Цзиньпин отмечает растущую роль военного сдерживания в обеспечении безопасности государства, выступает за активное и наступательное использование военной силы для достижения решительных целей» (с. 165). При этом «[р]анее Китай уходил от демонстрации столь решительного подхода к военной силе в выступлениях руководителей высшего звена» (с. 165). В целом В.Б. Кашин полагает, что «в области военной политики КПК возвращается к своему исторически нормальному состоянию» (с. 167).

Нельзя не обратить внимание на такие важные особенности идеологем Си Цзиньпина, отмеченные В.Б. Кашиным, как «постоянная тесная увязка вопросов обороны и экономики», взаимосвязь «за-

[17] См., например: Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // Международная жизнь. 2016. № 12. С. 47–67.

[18] Кашин В.Б. XX съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны // Российское китаеведение. 2023. № 1 (2). С. 37.

[19] Там же.

дач построения развитой, богатой страны и наращивания военной мощи» (с. 159). Соответственно китайским руководством, как пишет исследователь, «[н]астойчиво подчеркивается необходимость интеграции военной и экономической политики, координации инновационной политики в интересах обороны и национальной экономики в рамках единой национальной стратегии (военно-гражданская интеграция…)» (с. 159). При этом в военно-технологическом развитии КНР ставка во многом делается на заимствование технологий из всё более мощного китайского гражданского наукоемкого сектора.

Обстоятельно в рецензируемом труде в главе за авторством О.Н. Борох разобраны идеологические установки Си Цзиньпина и в области экономики. Сделано это на основе анализа не только публичных выступлений китайского руководителя, но и трудов видных китайских ученых, а также учебников по экономике и политологии. Отмечается, что Си Цзиньпин, акцентируя внимание на лидирующей роли КПК в управлении экономическим развитием Китая, подчеркивает важность обеспечения решающего значения рынка, повышения инновационности экономики, расширения ее открытости (с. 179, 181).

Как пишет О.Н. Борох, чтобы снять опасения в предпринимательских кругах относительно наступления государства на частный сектор, КПК обещает поощрять и поддерживать этот сектор, направляя его развитие (с. 188–189). Экономист отмечает требование Си Цзиньпина осуществить адаптацию Китая к «новой нормальности» в экономике страны, а именно — к ее современной всё более сложной структуре, ее огромным размерам и замедлению темпов роста по сравнению с предшествующими периодами (с. 172). При этом настойчиво подчеркивается необходимость укрепления «всестороннего партийного руководства экономической работой», что в Китае считается «коренной гарантией» экономического развития страны (с. 184–185). Целью экономического развития объявляется обеспечение «всеобщей зажиточности», что характеризуется как «коренная цель марксизма» и «идеал китайского народа с древних времен» (с. 185). О.Н. Борох отмечает, что для китайского руководства сохраняет свое значение «Капитал» К. Маркса «для современного изучения политической экономии в широком смысле слова» (с. 203).

Во внешнеэкономической сфере, как подчеркивает О.Н. Борох, Китай стремится «строить разнообразные платформы глобального экономического управления» (с. 173). Следует добавить, что регуляр-

но руководство КНР заявляет о приверженности экономической глобализации. Как отметил, например, заместитель председателя КНР Хань Чжэн на церемонии открытия 13-го Глобального форума мира, «экономическая глобализация — неотвратимая историческая тенденция и мир никогда не вернется к состоянию взаимной закрытости и разобщения». Он также сказал, что «необходимо придерживаться открытости и сотрудничества, совместно содействовать мировому процветанию и развитию»[20]. При этом основным государственным геополитическим и геоэкономическим актором деглобализации выступают в современных условиях США. Это происходит под воздействием обширного комплекса факторов, главным из которых является изменение соотношения сил между Вашингтоном и Пекином в экономической и промышленно-технологической сферах в пользу последнего. А еще 20–30 лет назад Соединенные Штаты играли радикально иную, противоположную роль[21]. Особенно «деглобализационные действия» характерны для политики президента США Д. Трампа с его приверженностью протекционизму и масштабным усилиям по реиндустриализации страны.

Одним из недостатков исследования О.Н. Борох является то, что автор не осветила тему влияния современной идеологии Си Цзиньпина на экономическое (макроэкономическое) планирование в КНР. Это планирование имеет богатую историю и специфику, довольно радикально отличаясь от того, что было в дореформенный период развития КНР и практиковалось в СССР. Как отмечалось в газете ЦК КПК «Женьминь Жибао» после четвертого пленума ЦК КПК 20-го созыва в сентябре 2025 г., «одной из причин, по которой Китаю удалось совершить чудо развития, переписавшего историю человечества, является то, что страна продолжает разрабатывать и осуществлять пятилетние планы, в полной мере использует преимущества социалистической системы»[22].

[20] В Китае заявили, что экономическая глобализация необратима // РИА Новости. 03.07.2025. URL: https://ria.ru/20250703/kitay-2026856386.html (дата обращения: 20.02.2026).

[21] См. подробнее: Кокошин А.А., Кокошина З.А. Процессы глобализации и деглобализации в условиях нарастающего противостояния США и КНР и интересы России // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 10. С. 942–954.

[22] Перспективный путь Китая к развитию // Женьминь Жибао. 29.10.2025. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2025/1029/c95181-20383434.html (дата обращения: 20.02.2026).

Наконец, детально разобраны в главе за авторством Д.А. Смирнова вопросы, связанные с идеологической платформой КПК. Исследователь пишет: «В качестве руководящей идейной основы дальнейшего углубления реформ по-прежнему рассматриваются марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, концепция тройного представительства КПК, научная концепция развития и идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, с которой и связывается претворение в жизнь новой концепции развития» (с. 301–302).

Д.А. Смирнов отмечает, что важной вехой в формировании современной идеологической платформы КПК был третий пленум ЦК КПК 20-го созыва (18 июля 2024 г.), носивший программный характер. В частности, «[в] выступлении Си Цзиньпина на пленуме подчеркивается необходимость консолидации китайского общества в деле реализации намеченной на XX съезде партии цели — к столетию КНР полностью осуществить строительство модернизированной социалистической державы и воплотить в жизнь мечту о "великом возрождении китайской нации"» (с. 302).

Обеспечение модернизации избранного КНР типа, как отметил Си Цзиньпин, — «это совершенно новое для нас дело», в ходе осуществления которого «непременно придется решать серьезные задачи и противоречия, вызванные ускорением "колоссальных перемен" в мире, сопровождаемых локальными конфликтами, обострением глобальных проблем и наращиванием внешнего давления на Китай. Новый период развития содержит в себе как стратегические возможности, так и вызовы, порождающие факторы неопределенности и серьезные риски. Ответом на них должно стать всестороннее углубление реформ и их продвижение на структурно-институциональном уровне, чтобы удержать в своих руках стратегическую инициативу в условиях обостряющейся международной конкуренции» (с. 302).

Обращаясь к актуальным партийным документам КПК самого высокого уровня, нельзя не отметить акцентирование в них особой роли Си Цзиньпина, которого называют «руководящим ядром» ЦК КПК. Так, в принятом на четвертом пленуме ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г. документе ЦК говорится: «Все члены партии должны глубоко осознавать решающее значение утверждения статуса товарища Си Цзиньпина как руководящего ядра ЦК КПК и партии в целом, руководящего положения идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, укреплять

политическое сознание, сознание интересов целого, сознание ядра и сознание равнения, повышать свою уверенность в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой, решительно отстаивать статус товарища Си Цзиньпина как руководящего ядра ЦК КПК и партии в целом, неукоснительно защищать авторитет ЦК КПК и поддерживать его единое централизованное руководство»[23].

* * *

Монография «Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая» — весомый вклад отечественных китаистов в исследование этой великой страны, важнейшего стратегического партнера России, значение которого трудно переоценить. Не может не вызывать особого внимания читателя отмеченное авторами сочетание в идеологии современного Китая традиционных норм (восходящих к идеям Конфуция, которым более 2500 лет), положений марксизма-ленинизма и самых современных модернизационных идей, связанных во многом с массовым и многоплановым внедрением новейших технологий и экологизацией жизни.

При этом важно отметить, что фактически речь в данном комплексном труде идет не только об идеологии КНР, но и о китайской государственно-правовой системе, об экономической политике страны, ее внешнеполитическом курсе, роли военной мощи и др. Познание Китая некитаистами — очень крупная задача и для нашего научного сообщества, и для политиков-практиков, и для нашего общества в целом. Так что эта книга должна быть предметом прочтения и усвоения не только профессионалами-международниками.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026;
одобрена после рецензирования 16.03.2026;
принята к публикации 13.04.2026

The paper was submitted 10.02.2026;
approved after reviewing 16.03.2026;
accepted for publication 13.04.2026

[23] Полный текст Предложений ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития // Russian.News.cn. 28.10.2025. URL: https://russian.news.cn/20251028/8ede976df18342a3975780ca7ccb636b/c.html (дата обращения: 20.02.2026).